

ВОЕННЫЕ
ВМ
МЕМУАРЫ

Н. С. Ш а р а е в

пригорьевская операция

Scan Kreyder - 11.06.2019 - STERLITAMAK

**Николай Семенович
Ш А Р А Ф**

Н. С. Шараяв

Пригорьевская операция

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА—1969

9 (C) 27
1125

НА ЗЕМЛЕ СМОЛЕНСКОЙ

Не годен к службе в армии...

В октябре 1941 года после короткого затишья снова пришел в движение Западный фронт. Гитлеровцы рвались на восток, к Москве. Не считаясь с потерями, бросали в бой все новые резервы.

Смоленщина была полностью оккупирована. Покинув вместе с отходившими частями последние районы области, смоленские руководящие работники собрались в подмосковном городе Можайске, в парткабинете горкома партии. Первый секретарь обкома Дмитрий Михайлович Попов позаботился об эвакуации в глубь страны сотрудников обкома и других областных организаций, в первую очередь женщин.

В Можайске остались руководители обкома партии и облисполкома, первый секретарь обкома комсомола и автор этих строк, работавший в то время секретарем обкома комсомола по кадрам. Собрав нас, Попов сказал:

— Ночью удалось связаться по телефону с Москвой. Обком и другие областные органы на некоторое время работу прерывают. Мне и председателю облисполкома Мельникову предложено явиться в ЦК партии.

— А нам надо торопиться в армию, на фронт, — сказал кто-то из присутствовавших.

— Да, в армию, — подтвердил Попов. — Завтра вечером явитесь в распоряжение отдела кадров штаба фронта. Когда потребуется, вас отзовут на прежнюю работу...

У меня было свидетельство о непригодности к службе в армии по состоянию здоровья. По пути в штаб фронта я мучительно раздумывал, как поступить: сказать правду и... эвакуироваться? Или попытаться попасть на фронт? Решил рискнуть. Когда в отделе кадров спросили военный билет, я ответил, что он сгорел. Это было правдой

лишь наполовину. Дом, в котором я жил в Смоленске, действительно сгорел в ночь на 29 июля, сгорела и часть документов. Но военного билета я не имел.

В штабе фронта поверили моей версии и назначили инструктором политуправления фронта по комсомолу. Все шло хорошо. Я ездил в командировки, выполнял задания, бывал на переднем крае. Здесь никто не обращал внимания, что в моих петлицах нет положенных по должности знаков различия.

И вдруг мой безобидный обман обнаружился. Я только что вернулся из командировки. С трудом отодрал с шинели и сапог окопную глину и заторопился на ужин. Мысли были далеко. Десять дней провел я на фронте в районе Тарутина. За это время в дивизии, оборонявшей шоссе Москва — Варшава, осталось не больше трехсот бойцов. Но гитлеровцы не прошли. Мне посчастливилось участвовать в этих боях. Мы не отдали врагу ни одного населенного пункта. Потом на смену пришла полнокровная, хорошо вооруженная дивизия сибиряков, молодец к молодцу. В штаб фронта я возвратился полный уверенности: немцы к Москве не пробьются.

— Товарищ боец! Почему не приветствуете? — раздался рядом сердитый возглас.

Меня остановил незнакомый высокий офицер.

— Извините, товарищ капитан, задумался.

— Подойдите!

Я подошел, но сделал это, видимо, не так, как положено по уставу. Последовала команда: «Повторить!» Я не выполнил команду и попытался объяснить, что не могу согнуть правую руку.

С этого и началось. Вскоре последовал вызов к заместителю начальника политуправления Ганенко.

Пришлось рассказать, что в раннем детстве перенес тяжелую травму позвоночника, а попросту сказать — сломал хребет. До города было пятьдесят километров. Лечил меня деревенский костоправ и лечил, наверное, неплохо. Отнявшиеся сперва ноги стали постепенно действовать. Через год я начал ходить без костылей, а спустя несколько лет уже озорничал с другими мальчишками.

Не все шалости проходят бесследно. Двенадцати лет я сломал правую руку. Срослась она не совсем удачно и перестала сгибаться. Сверстники прозвали меня сухоручкой. Но я считал себя здоровым. Ходил на лыжах, пла-

вал, стрелял с левого плеча не хуже, чем другие с правого...

Объяснение, по всей видимости, показалось неубедительным. Меня послали в санчасть на проверку. Оттуда направили на гарнизонную комиссию. Я очень просил хирурга признать меня хотя бы ограниченно годным, а получил свидетельство о снятии с воинского учета и справку... «для представления в собес по месту жительства». Я проклинал ту минуту, когда встретился с придирчивым капитаном, ругал медиков, хотя сам по профессии был фельдшером и понимал, что врачи действовали точно по инструкции.

Спорить было бесполезно. Получил расчет и отправился в Москву разыскивать Попова. Я верил, Дмитрий Михайлович поймет меня и поможет.

В Москве

Недолгим был перерыв в работе Смоленского обкома партии. В начале декабря советские войска перешли в контрнаступление — начался сокрушительный разгром гитлеровских армий под Москвой. Предвидя дальнейшее развитие событий, ЦК ВКП(б) поручил Д. М. Попову возобновить работу обкома и облисполкома.

Узнав от знакомых ребят из ЦК комсомола, что Попов живет в гостинице «Москва», я пошел к нему и поведал свою историю. Дмитрий Михайлович встретил меня, что называется, с распростертыми объятиями: в его распоряжении было пока всего два сотрудника, я стал третьим. Спустя две-три недели по просьбе Попова из армии были отозваны секретари обкома И. Д. Богданов, Г. И. Пайтеров, В. И. Иванов и З. Ф. Слайковский, заместители председателя облисполкома Ф. Р. Васильев и А. Г. Соколов. Из тыловых областей приехали по вызову еще несколько старых работников.

В сложившейся обстановке связь с оккупированными районами области оказалось легче поддерживать из Москвы, поэтому и решено было пока оставаться здесь. Поначалу обком располагался в нескольких номерах гостиницы «Москва», затем в небольшом уютном особняке на улице Станиславского.

Людей в обкоме было немного: секретари обкома и по

одному-два работника на отдел. В Москве никто не задерживался. Получив очередное задание, товарищи уезжали на фронт, налаживать связь с партизанами и подпольщиками в оккупированных районах. Им помогали представители фронтовых частей, получавшие в свою очередь много ценных сведений от партизан.

К середине зимы обком был связан со всеми районами, где действовали партизанские отряды, кроме юга области. Красная Армия к этому времени освободила от оккупантов полностью или частично некоторые районы. Работники обкома и облисполкома вступали на их территорию вместе с передовыми частями, создавали местные органы власти, помогали им восстанавливать порядок, организовывать помощь населению, пострадавшему от оккупации.

В середине апреля 1942 года собрался очередной, IX пленум обкома партии, сыгравший важную роль в усилении партизанской борьбы на Смоленщине. Пленум проходил в Москве, в здании Музея Владимира Ильича Ленина. Каждый участник пленума с гордостью и благоговением переступал порог музея. Все понимали: смоленским коммунистам оказана высокая честь и много надо сделать, чтобы быть достойными ее.

Затаив дыхание, слушал я и докладчика и выступавших — боевых вожаков подполья и партизанских отрядов. Ярко и убедительно говорили они о героической борьбе советских патриотов с гитлеровцами, о том, что предстоит сделать для дальнейшего расширения партизанской войны.

Партизан и руководителей подполья переправили за линию фронта. Вместе с ними сразу после пленума ушли и многие областные работники.

Обращение пленума обкома к населению области, напечатанное большим тиражом, быстро доставлялось по назначению. Руководители облисполкома Р. Е. Мельников, Ф. Р. Васильев и А. Г. Соколов изыскивали дополнительные возможности, чтобы улучшить материальное оснащение партизанских отрядов.

Возобновился выход газеты «Рабочий путь», специальный выпуск которой, любовно называемый «малюткой», регулярно доставлялся на оккупированную территорию.

В наиболее важные районы направлялись оперативные группы обкома во главе с одним из секретарей.

Каждый раз, когда обком посылал за линию фронта

кого-либо из работников, я испытывал угрызения совести. Практически я был так же здоров, как остальные товарищи, но меня упорно обходили. Дни и ночи корпел я над бумагами, разыскивал адреса, вызывал из восточных областей смоленских работников, готовил необходимые документы, оформлял наградные материалы на партизан. Все это тоже было нужно и важно. Но таким делом могли с успехом заниматься инвалиды. Я считал себя здоровым и не однажды говорил об этом Попову. Он каждый раз обещал учесть мое желание и... посылал других.

Не знаю, сколько бы еще длилась эта история, если бы не помог секретарь обкома партии Пайтеров.

Вскоре после IX пленума бюро обкома приняло решение вторично командировать Г. И. Пайтерова в центральные районы области, где образовался большой партизанский край. Вместе с ним посылались заместитель председателя облисполкома Залесский, секретарь обкома комсомола Винокуров и заместитель редактора областной газеты Власов. За несколько дней до вылета по предложению Пайтерова в группу включили и меня.

Я знал Георгия Ивановича не один год. Рабочий парень из Брянска, он всю жизнь тянулся к знаниям. Окончил рабфак, заочно учился в вузе. Боевая рабочая партийная организация помогла ему расти честным, прямым, стойким коммунистом, выдвинула на партийную работу.

Мне пришлось работать с Пайтеровым в Рославле, где он возглавлял партийную организацию. Это был человек, умевший учить, растить и воспитывать кадры. Каждый, кто поработал вместе с ним, расставаясь, искренне благодарил за науку.

Зеленым, хорохористым юнцом я был избран секретарем райкома комсомола. Дела вначале шли неважно. То я брался горячо за все сразу, то опускал руки. И всякий раз Георгий Иванович вовремя поправлял, поддерживал меня. Он не признавал мелочной опеки, но всегда знал, кто чем занимается и что из этого получается. И еще запомнилось — он никогда не повышал голоса, но умел держать строгую дисциплину в организации.

Дела в городе и районе шли все лучше. Пайтерова избрали секретарем Смоленского обкома партии. Довольно быстро он освоился и на этом большом посту.

С первых дней войны Г. И. Пайтеров всегда оказывался там, где был нужен. Его голубая «эмка» исколесила

десятки прифронтовых районов. В самые тяжелые, последние перед оккупацией часы местные работники видели рядом секретаря обкома. Его уверенные действия и советы помогали им правильно ориентироваться, решать неотложные вопросы.

Когда в Дорогобужском и прилегавших к нему районах разгорелось пламя партизанской войны, обком послал туда Пайтерова. И он сумел быстро разобраться в сложной обстановке, помочь партизанам, партийным организациям. Георгий Иванович безошибочно определил лучший отряд и вручил ему Знамя обкома, что сыграло большую роль в концентрации вокруг лучшего остальных отрядов. В руководящие органы освобожденных районов были выдвинуты люди, прошедшие школу подпольной борьбы с врагом.

И вот Пайтеров снова летит в тыл врага. Я очень рад, что буду находиться вместе с ним.

В партизанском крае

Вылетели мы с подмосковного аэродрома в один из погожих майских дней 1942 года. Самолет, взяв курс на запад, постепенно набирал высоту. Мерно гудели моторы. Прильнув к иллюминаторам «дугласа», все жадно смотрели на землю, на серебристые змейки речек, на темные квадраты лесов. Ни одного селения на пути. Лишь изредка попадались сиротливо торчавшие печные трубы да колодезные журавли на пожарищах. Здесь недавно проходил фронт.

Быстро сгущались вечерние сумерки. Но жалко было отрываться от окошек. Впереди — рубеж, отделявший Большую советскую землю от Малой, на которой мы будем примерно через час.

Темную толщу облаков рассекли мощные лучи прожекторов. Справа и слева от самолета вспыхнули багровые пучки огня.

— Зенитки бьют! Линия фронта! — крикнул мне Винокуров. Он летел этим курсом в третий раз.

Самолет круто взял вверх. Сразу стало холодно, застучало в висках. В душу невольно забрался страх: четыре тысячи метров высоты, а мы без парашютов...

Вздохнули с облегчением, когда линия фронта оста-

лась позади. Внизу снова была непроглядная тьма. Самолет медленно снижался, заходя на посадку. После мягкого толчка он, вздрагивая, побежал по полю и наконец остановился. Летчик приглушил моторы, выключил фару, освещавшую посадочную полосу. Мы торопливо начали выгружать мешки с сахаром, табаком, бумагой. На помощь подошли человек десять партизан.

Только успели разгрузиться, над головой завизжали бомбы.

— Ложись! — крикнул кто-то из темноты. — Выследил все-таки, гад!

Фашистский летчик покружил несколько минут над районом нашей посадки, построчил из пулемета и улетел.

Партизаны подогнали подводы, и мы отправились в ближайшую деревню. Сбылась моя мечта: я находился за линией фронта, в партизанском крае.

Наш прилет совпал с началом наступления противника. С самого утра на северо-востоке гремела канонада. Партизанские отряды вели тяжелые оборонительные бои на территории Знаменского и Восточного районов.

Все члены нашей группы имели одну общую задачу: познакомить партизан с положением на фронте и решениями IX пленума обкома. Попутно с этим Пайтеров дал каждому персональные поручения. Залесский как работник облисполкома должен был помочь населению провести весенний сев, Власов — организовать выпуск газеты, Винокуров — встретиться с комсомольскими работниками, усилить работу среди молодежи, мне предстояло доставить подарки дорогобужским партизанам и помочь на месте райкому в пропагандистской работе.

— Я побуду в отрядах, которые сейчас ведут бои, — сказал Георгий Иванович, заканчивая инструктаж. — Через неделю встретимся у Деменкова. Если потребуюсь раньше, ищите через штаб первой партизанской дивизии...

Моими попутчиками были возвратившиеся в партизанский край секретари Дорогобужского и Глинковского райкомов Феоктист Николаевич Деменков и Петр Сергеевич Куковенков. Организовав небольшой обоз из трех подвод, мы отправились в ближайший путь.

Весь день шел дождь. Дорога раскисла так, что лошади с трудом вытаскивали ноги из непролазной грязи. Особенно не повезло Куковенкову. Колеса его подводы попали в глубокую колдобину. Лошадь, выбившись из

сил, упала на оглоблю. Телега сильно накренилась. Куковенков, правда, успел соскочить в воду. Упершись плечом в телегу, он не давал ей перевернуться.

Трудно сказать, чем бы закончилось дело, если бы не сломалась оглобля. Телега встала на место.

— Надо идти в деревню за помощью, — предложил Деменков.

— Сейчас там одни старухи. Управимся сами, — ответил расстроенный Куковенков. — Придется разгружать.

Выпрягли лошадь, перенесли мешки с сахаром на сухое место. Общими силами вытащили застрявшую было телегу. Но в деревню все-таки идти пришлось. Как ни мудрили, сломанную оглоблю починить не смогли.

Всю дорогу Деменков и Куковенков рассказывали, как начинали работу в подполье, как по крупицам собирали, сколачивали силы, как совершали первые, робкие вылазки на врага малочисленные партизанские группы, как развернулась массовая партизанская война. Слушая, я невольно думал, что Пайтеров не случайно свел меня с этими людьми.

Внешне Куковенков и Деменков совсем не похожи друг на друга. А вместе с тем есть в обоих что-то общее, роднящее. Деменков небольшого роста, щуплый, подтянутый, с мягким грудным голосом; Куковенков высокий, широкоплечий, немного угловатый, говорит сочным басом. А когда я слушал их, то переставал замечать, где кончал говорить один и где начинал другой.

Благодаря Деменкову и Куковенкову я довольно хорошо понял суть событий, происходивших на земле моей родной Смоленщины. После оккупации Дорогобужского, Знаменского, Глинковского и соседних районов боевыми штабами партизанской борьбы с немецкими захватчиками стали ушедшие в подполье райкомы партии.

Потому ли, что здесь проходят и новая, асфальтовая, и старая, грунтовая, дороги с запада на восток, на Москву, или благодаря лесам, а может, и по другим причинам, в деревнях Дорогобужского и ближайших к нему районов осело много военнослужащих. Раны, контузии, разные другие неудачи, из-за которых люди оказались в тылу врага, не сломили их духа. С помощью местных коммунистов и комсомольцев они вооружались, организовывались в небольшие группы и отряды, уничтожали немецких ставленников.

Фашистские власти учуяли опасность. Бургомистры, старосты и полицейские получили строгий приказ: привести в районные центры всех мужчин призывного возраста, якобы для регистрации, а на самом деле, чтобы загнать за колючую проволоку. Подпольщики вовремя раскусили и правильно оценили затею врага. Повсеместно раздался их призыв: «К оружию!»

И запылало пламя партизанской войны. Созданные к этому моменту отряды блокировали дороги от районных центров, где располагались крупные вражеские гарнизоны. Почти во всех деревнях появились вооруженные группы. Группы быстро сливались в отряды, которые в свою очередь объединялись в крупные боевые единицы. Во главе партизанских отрядов, их партийных и комсомольских организаций становились вчерашние подпольщики.

К концу января в шести районах оккупанты были изгнаны почти из всех деревень. 15 февраля объединенными силами партизаны взяли город Дорогобуж. Немного позднее глинковские партизаны освободили свой районный центр.

Удары партизан по врагу приобрели еще большую силу и организованность, когда в здешних местах появились авиадесантные и конногвардейские части группы советских войск под командованием генерала П. А. Белова, действовавшей по заданию Верховного Командования в тылу группы немецких армий «Центр». Образовался огромный партизанский край, в состав которого вошло свыше тысячи населенных пунктов. Своеобразная линия фронта, возникавшая вокруг партизанского края, отвлекла на себя не одну дивизию гитлеровцев.

Под Дорогобужем

Проехав около сотни километров по дорогам партизанского края, мы к исходу третьего дня добрались до небольшой деревни под Дорогобужем.

— Ну вот и прибыли, — довольно улыбаясь, сказал Деменков.

— Как? — удивился я. — Разве райком не в Дорогобуже?

— Был в Дорогобуже, пришлось переехать. Как

только партизаны заняли город, фашисты стали методично бомбить его.

— Так же случилось и с Глинкой, — добавил Куковенков.

— Надеюсь, Петр Сергеевич, ты отдохнешь у нас до утра? — обратился Деменков к Куковенкову.

— Нет, Феоктист Николаевич. К своим тянет, пойду.

— Оставайся, дело к ночи.

— До ночи еще полпути отмахая, у меня ноги длинные.

Куковенков крепко пожал нам руки и размашисто зашагал по дороге на Глинку. Мы остановились у старого дома под железной, давно не крашенной крышей.

— Это и есть райком. Квартира секретаря тут же, — сказал Деменков, приглашая входить. — Устали небось с дороги...

Первой я встретил утром Дусю Симонову — второго секретаря райкома партии. Дуся... и второй секретарь райкома. Кое-кому такое сочетание может показаться странным. Но именно так называли Симонову дорогобужцы. Отчасти за молодость, а больше из любви, уважения. Недолго была Дуся секретарем райкома комсомола до войны, но стала признанным вожакom дорогобужской молодежи. Ее жизнерадостность, прямота, находчивость, смелость пришлись по сердцу комсомольцам. Старшие уважали Дусю за инициативу и напористость.

Симонова оказалась незаменимой в условиях подполья. Каким-то необыкновенным чутьем она угадывала верных, надежных людей, находила и вовлекала в борьбу не только девчат и ребят, знакомых по работе в мирное время, но и военнoслужаших, оказавшихся в тылу врага. Сеть подпольных молодежных групп росла, как снежный ком.

Все дорогобужские партизаны знали о Дусе — отважной разведчице, умевшей незаметно проникать в фашистские гарнизоны.

С образованием партизанского края Дуся Симонова приступила к прежним обязанностям секретаря райкома комсомола. Теперь по докладу Пайтерова бюро обкома утвердило ее вторым секретарем райкома партии. Узнала она об этом только сегодня.

Мы с Дусей были хорошо знакомы по Рославлю, и эта встреча мне была особенно приятна. Разговору о Москве, обкоме, общих знакомых не было бы конца, да торопили

дела. На дворе стояли готовые в путь подводы. Мы с Деменковым отправились в штаб партизанской дивизии.

Командир дивизии капитан Ильичев сердечно поблагодарил за подарки, затем обстоятельно доложил оперативную обстановку на занимаемых дивизией рубежах, устроил скромным партизанским обедом.

Деменков вернулся в райком, а я остался у партизан, чтобы выступать в подразделениях с докладом «О текущем моменте». За несколько дней так свыкся с народом, что не хотелось уезжать. Но подошло время отправляться в путь: предстояло совещание районного партийного актива.

Доклад Деменкова об очередных задачах партийной организации партизанского края длился больше трех часов. Необычно выглядели и прения, скорее похожие на рапорты. Выступавшие сообщали, сколько собрано в лесах и отправлено партизанам патронов, гранат, снарядов, мин, сколько сшито и починено обмундирования, как провели весенний сев восстановленные колхозы.

Актив закончился поздно вечером. Деменков ушел к себе — у многих накопились вопросы, которые хотели обговорить наедине с секретарем райкома. Мы с Дусей вышли на улицу и присели на крылечке. Стояла тихая майская ночь. Постепенно оживляясь, Дуся рассказывала о пережитом, откровенно признавалась, как иногда было трудно и страшно, с гордостью называла молодых подпольщиков и партизан, с которыми приходилось переживать смертельную опасность. Потом девушка умолкла, а после паузы неожиданно заговорила о личном, сокровенном:

— Ты понимаешь, как в жизни все сложно... Война идет, тысячи смертей кругом, а я влюбилась как дура. Я его, контуженного, случайно встретила на дороге в первые дни оккупации, помогла укрыться в деревне Купелище. Назвался Николаем Майоровым. Еще не успел окрепнуть, как включился в борьбу. Стал одним из организаторов отряда «Ураган».

— А он-то что-нибудь знает?

— Думаю, нет. Встречались мы, правда, не раз, но говорили не о чувствах, а о том, как лучше бить фашистов.

С интересом слушал я скупые слова Дуси о любимом человеке. Я и не подозревал, что спустя несколько месяцев военные дороги сведут меня с ним.

ПОРУЧЕНИЕ ОБКОМА

Большие полномочия

тром посыльный из партизанской дивизии принес сообщение, которое всех насторожило. Противник подтя-

нул к рубежам дивизии большие силы. На отдельных участках начались бои, видимо разведывательного характера.

Не успели мы обменяться мнениями по этому поводу, в райкоме появился Пайтеров. Выглядел он очень усталым. Дуся принялась готовить завтрак. Тем временем Деменков доложил о полученном от партизан сообщении.

— Да-а, — в раздумье сказал Пайтеров. — Схватка предстоит нелегкая.

Наскоро позавтракав, он поехал в штаб партизанской дивизии и вернулся только перед вечером. По его сосредоточенному лицу и необычной молчаливости можно было понять, что положение в дивизии напряженное.

Немного отдохнув, Георгий Иванович пригласил меня на беседу, как говорят, наедине.

— Перед вылетом, — сказал он, — у нас был разговор о тебе с Поповым.

— Я не сомневаюсь в этом.

— Это почему же?

— Потому что, если бы вы не уговорили Попова, я был бы не здесь, а в обкоме, сочинял бы какие-нибудь бумаги.

— Больно ты скор на выводы, — возразил Пайтеров. — Разговор как раз затеял не я, а он.

— ?..

— Попова интересовало, хорошо ли ты знаешь район Рославля, — продолжал Пайтеров, — чтобы послать тебя туда с заданием обкома.

— Меня?! — воскликнул я в крайнем удивлении.

Пайтеров понял это по-своему, посмотрел на меня долгим изучающим взглядом.

— Ты что? Боишься взяться за серьезное дело?

— Что вы, Георгий Иванович! Все это так неожиданно... Вы же знаете, я в тех местах родился и вырос. Готов выполнить любое задание партии!

Пайтеров несколько минут что-то мысленно прикидывал, потом, как бы приняв окончательное решение, сказал:

— Задача предстоит нелегкая. Надо сколотить крепкий партизанский отряд и оседлать Рославльский узел железных и шоссейных дорог. Всеми способами тормозить движение, подрывать мосты, эшелоны... Создать, если будут условия, партизанский край в Ершичском районе и, опираясь на него, совершать диверсии на коммуникациях. Чтобы ускорить объединение сил, в полку имени Лазо выделяют в твоё распоряжение небольшой отряд. Посоветуйся с командиром полка Казубским и комиссаром Юденковым, как лучше пройти на юг области.

Долго еще продолжался наш разговор. Уточнялись детали. Пайтеров вспоминал рославльских коммунистов, называл тех, на кого можно положиться. Наконец он вручил мне удостоверение, подписанное секретарем обкома и членом Военного совета Западного фронта Д. М. Поповым. Владельцу удостоверения предоставлялись большие полномочия.

На следующий день, распрощавшись с Пайтеровым, Деменковым и Симоновой, путанными, малоезженными проселками я пошел в Глинку, чтобы с помощью Куковенкова перебраться в партизанский полк имени Сергея Лазо, находившийся километрах в пятидесяти от границы Дорогобужского партизанского края. При мне было письмо Пайтерова, определявшее мое дальнейшее место в борьбе с фашистами.

Большевистский привет вам, товарищи Казубский и Юденков! — писал он. — К вам направляем от обкома ВКП(б) тов. Шарая Н. С. и от комсомольцев тов. Харитонову.

Тов. Шарая имеет очень важное задание обкома ВКП(б), и в этом ему необходимо оказать помощь от вашего партизанского отряда Лазо. Просим вместе с тов. Шараявым направить небольшой отряд в глубокий тыл противника, а в этом есть необходимость.

Нам в обкоме ВКП(б) сообщили, что в Ершичском районе нашей области нет немцев, но там не восстановлена Советская власть. Неплохо бы в Ершичи направить

наших людей, восстановить власть Советов и расправиться с предателями Родины. Кроме того, там необходимо создать крепкий партизанский отряд, костяком которого явятся ваши партизаны.

В партизанском отряде имени Лазо тов. Шареев делает доклад «О текущем моменте Великой Отечественной войны» и информацию о IX пленуме Смоленского обкома ВКП(б).

Желаю успеха в боях против немецких оккупантов.

Привет товарищам-партизанам партизанского отряда имени Лазо.

Секретарь Смоленского обкома ВКП(б) Пайтеров.

Я невольно досадовал, что пришлось идти одному. Вдвоем отправляться в такой далекий, неизвестный путь было бы лучше. Но так уж получилось. Харитонов только вернулась из знаменских партизанских отрядов, где провела несколько недель. Пришла больная, с сильно потертыми ногами. Пайтерову она ничего не сказала, но он от кого-то узнал обо всем и в самый последний момент поручил Харитоновой отвезти на Большую землю два мешка денег, собранных партизанами на танковую колонну «Смоленский партизан».

Лазовцы

В Глинковском райкоме я встретил секретаря обкома комсомола Винокурова. Он собирался к лазовцам, и наши пути совпали. Куковенков связался со штабом Глинковского полка 1-й партизанской дивизии. Там охотно взяли помочь нам проскочить опасную зону, создавшуюся по границам Дорогобужского партизанского края. Времени на подготовку потребовалось немного. На исходе следующего дня начальник штаба полка сообщил, что путь разведан, вечером за нами прибудет проводник.

Точно в назначенный час в райкоме появился товарищ от партизан. Куковенков дотошно расспросил проводника о маршруте, одобрил намеченное место перехода, проводил нас за поселок.

— Счастливого пути, друзья! Боевой привет лазовцам, — сказал он на прощание.

Надвигалась ночь. Небо заволокли темные облака. Крепчал ветер. Начался дождь. Мы подошли к линии обороны гитлеровцев. Их передний край проходил вдоль

большой дороги. Поминутно взлетали ракеты. Во время вспышек были видны дзоты.

— Здесь самое опасное место, — предупредил проводник.

Выбрав подходящий момент, мы поползли, огибая один из дзотов у самой дороги. При вспышках ракет плотно прижимались к земле. Затем ползли снова. Так повторялось много раз, пока широкая дорога и дзот не остались позади.

Теперь можно было подняться. Проводник прекрасно знал местность. Уверенно обходя деревни и дороги, где могли быть вражеские секреты, он спокойно вел нас вперед.

Прошли километров двадцать. Проводник предупредил, что где-то поблизости должна быть деревня Соловья. Когда он был здесь последний раз, ее занимали лазовцы. И он не ошибся. В темноте показались контуры деревни. Мы остановились. Проводник осторожно двинулся к крайнему дому.

Один из партизан, стоявших на посту, проводил нас к командиру роты, занимавшему уютный домик в центре деревни. Через час мы с Винокуровым продолжали свой путь уже на подводе...

На землю снова спускалась ночь, когда мы подъехали к деревне Болоновец, в которой стоял штаб полка. Я невольно залюбовался деревней. Аккуратные домики стояли на высоком берегу озера. У каждого был палисадник. Улица тянулась широкая, ровная. На противоположном берегу, прямо у воды, начинался лес.

Штаб размещался в самом большом доме, построенном по городскому типу. Мы вошли в переднюю, заставленную столами. Адъютант юркнул за дверь второй половины дома и, тут же вернувшись, пригласил нас к командиру полка.

За столом, склонившись над картой, сидел высокий, широкоплечий мужчина с черной окладистой бородой. Мне показалось, что ему лет пятьдесят, хотя на самом деле было намного меньше. Это был Василий Васильевич Казубский. До войны он работал директором коробецкой школы, слыл спокойным и добродушным человеком. Его, как хорошего учителя, знали и уважали на Смоленщине.

Командира полка Казубского и комиссара Андрея Юденкова хорошо знали и оккупанты, не раз испытывшие

на собственной шкуре силу ударов лазовцев. Большие награды обещали гитлеровцы за головы отважных партизанских руководителей.

— Прибыли к вам с Большой земли по поручению обкома, — сказал я, подавая письмо Пайтерова.

— Рад приветствовать вас, прошу садиться.

— Как обстановка?

— Жмут фрицы. Тяжело будет. У них серьезное превосходство. Танки, авиация.

— Большие силы против вас?

— Около двух дивизий.

— Надеетесь удержать район?

— Если гитлеровцам не подбросят танков, удержим.

— Отправляя нас, Пайтеров просил предупредить, что положение в Дорогобужском крае очень осложнилось. Оккупанты сосредоточили там огромные силы, готовятся к решительному штурму позиций гвардейцев Белова и партизан.

— Знаю об этом: генерал Белов ежедневно присылает оперативную сводку.

— Когда ожидается наступление на ваш полк? — спросил Винокуров.

— Оно уже началось.

Во время разговора в комнату вошел второй секретарь Ельнинского райкома партии Иван Павлович Гусев. Поздоровавшись, он присел на деревянный диванчик у окна и не проронил ни слова, только слушал.

Совсем стемнело. Адъютант Казубского внес и поставил на стол лампу. Разговору не было видно конца.

— Василий Васильевич, — вмешался наконец Гусев, — давайте продолжим знакомство завтра. Товарищам надо отдохнуть с дороги.

— Извините, пожалуйста, увлекся — приятно встретить людей с Большой земли. Сейчас мы вас устроим.

— А чего тут устраивать, у меня места хватит. Кстати, и баня готова, — предложил Гусев.

— Пожалуйста, Иван Павлович, возьмите их под свое крылышко.

На следующий день мы поднялись довольно поздно. Вышли полюбоваться озером. С противоположного берега по плотине на великолепной рыжей красавице лошади галопом скакал всадник в желтом кожаном пальто и зеленой военной фуражке. На боку у него висел маузер, за

поясом торчала граната. Подлетев к дому, он резко осадил лошадь и легко соскочил с седла. Быстрым шагом подошел к нам, протянул руку:

— Комиссар полка Юденков.

Юденкову было немногим больше двадцати. Перед нами стоял высокий, стройный юноша с худощавым лицом, на котором золотились редкие веснушки. Особую выразительность придавали лицу густые брови, сдвинутые к переносице. Глаза глядели по-взрослому, сурово, движения были резкие, быстрые. От всей его фигуры веяло задором, мужеством, русской удалю.

Андрей засыпал нас вопросами.

Вскоре к нам присоединился Казубский. Я тут же напомнил об указании Пайтерова, поинтересовался, когда и как решится вопрос о формировании отряда. И командир и комиссар полка заверили, что директива обкома будет выполнена, но придется несколько повременить: положение на рубежах полка настолько напряженное, что пока нельзя снять ни одного взвода.

После завтрака, организованного Гусевым, Казубский заторопился в штаб, а Юденков решил побывать в батальонах.

— Хотите — поедем вместе, — предложил он мне. — Познакомитесь с полком, выступите перед ребятами.

Я охотно согласился. Винокуров и Гусев тоже приняли предложение комиссара. Выйдя на улицу, я с удивлением увидел возле дома немецкую легковую машину. Юденков галантно распахнул передо мной переднюю дверцу, сам сел за руль.

— А ну, трофея, покажи свою силу, — сказал он, нажимая на акселератор.

Мотор взревел, и мы лихо понеслись по улице, разбрызгивая грязь. За стеклами машины замелькали засеянные поля, перелески, деревни. Все было бы хорошо, не начнись дождь. Машину начало заносить. Гусев предложил остановиться и переждать ливень, но Юденков решил не сдаваться. Переключившись на меньшую скорость, он на предельном газу продолжал петлять по раскисшей дороге. Кончилось тем, что на объезде разрушенного моста, у самой деревни, где стоял 1-й батальон полка, «оппель» сполз с дороги и безнадежно засел в грязи.

— Зараза фашистская! — зло буркнул Юденков, выбираясь из машины. — Не любит партизанских дорог.

— Ничего, вытащим, — подбодрил Гусев.

— Ну ее к чертям! — ответил комиссар. — Некогда во-
зиться. Пошли в деревню. Теперь на этом корыте далеко
не уедешь. Пересядем на лошадей...

Несколько дней провел я в подразделениях полка, бе-
седовал с множеством партизан, секретарем подпольного
райкома партии Гусевым, комиссаром полка Юденковым.
Все, что увидел и услышал, произвело на меня неизгла-
димое впечатление.

...Старинный русский город Ельня — центр одного из
крупнейших районов Смоленщины — стал в середине
июля 1941 года ареной жарких боев Красной Армии с
гитлеровскими полчищами. В начале августа наступле-
ние противника было остановлено на линии Великие
Луки, Ярцево, Ельня, Рогачев и севернее Жуковки.
Ельнинский район оказался разрезанным огненной чер-
той. Город несколько раз переходил из рук в руки. В на-
чале сентября Красная Армия разгромила в районе Ельни
восемь отборных фашистских дивизий. Над Ельнею снова
взвился красный флаг. В этих героических боях родилась
славная Советская гвардия.

По зову коммунистов ельнинцы самоотверженно помо-
гали родной армии: строили оборонительные рубежи, хо-
дили в разведку, совершали диверсии в тылу противника,
снабжали воинские части продовольствием, ухаживали за
ранеными.

С первого дня войны Ельнинский райком партии стал
боевым штабом не только для коммунистов, но и для всех
жителей района. Мобилизуя силы и средства на помощь
фронту, райком по указанию обкома усиленно готовился
к борьбе в условиях подполья. Создавались партизанские
базы, отбирались надежные люди для подпольной работы.
Молодой, энергичный секретарь райкома Яков Петрович
Валуев с рассвета до темна ездил по району, встречался
с коммунистами, колхозниками, рабочими, разъяснял
непонятное, воодушевлял, советовал. Возвращаясь нена-
долго в райком, он принимал районных работников, да-
вал необходимые указания, координировал действия.
Секретарь райкома комсомола Андрей Юденков по зада-
нию Валуева отбирал комсомольцев в разведывательные
группы и с многими из них ходил за линию фронта.

В начале октября гитлеровцы снова перешли в на-
ступление по всему Западному фронту. В бою за Ельню

был тяжело ранен секретарь райкома Я. П. Валуев. За этой бедой последовала другая: второй секретарь райкома партии И. П. Гусев и Андрей Юденков наткнулись на засаду и были захвачены гитлеровцами. К счастью, их приняли за солдат, переодетых в гражданскую одежду. В самый острый момент перехода в подполье районная партийная организация оказалась обезглавленной. Но коммунисты, оставленные в районе для организации партизанской борьбы, были верны своему долгу. Укрываясь в глухих деревушках, они настойчиво разоблачали фашистскую ложь о падении Москвы и крушении Советской власти, терпеливо сколачивали партизанские группы, хотя и не решались выступать открыто, ожидая команды райкома.

Гусев и Юденков прошагали в колонне военнопленных около недели. Затем им удалось бежать. В октябре оба вернулись в свой район. Иван Павлович Гусев сразу взялся налаживать связи с коммунистами-подпольщиками, начал собирать силы для вооруженной борьбы с врагом. В долгие декабрьские ночи он обошел десятки деревень и в каждой разыскал нужных людей. Из рук в руки передавалось написанное им письмо райкома к коммунистам. Все чаще и чаще в деревнях и в самой Ельне стали появляться листовки. В них райком сообщал о торжественном заседании в Москве, посвященном 24-й годовщине Октября, о военном параде на Красной площади, о разгроме гитлеровцев под Москвой.

Залечив рану, полученную во время побега из плена, в работу включился и Андрей Юденков. Вскоре ему удалось установить надежную связь с директором коробоцкой школы Василием Васильевичем Казубским. По заданию Гусева они создали боевую партизанскую группу, которая в середине января 1942 года обосновалась в деревне Клин и установила там Советскую власть.

Первые операции партизанской группы Казубского и Юденкова по расправе с предателями и срыву немецких заготовок продовольствия придали смелость всем, кто ненавидел оккупантов и мечтал бороться с ними. В деревню Клин группами и поодиночке потянулись местные жители и «окруженцы», заранее раздобывшие себе оружие на местах недавних боев.

В конце января выросший и окрепший отряд передислоцировался в поселок Гортопа, с трех сторон окружен-

ный дремучим лесом, и начал смело нападать на гарнизоны противника.

12 февраля совет отряда, куда входили командиры всех боевых групп, решил преобразовать отряд в партизанский полк, построенный по типу пехотного армейского полка. Командиром полка единодушно избрали Казубского, комиссаром — Юденкова. По предложению комиссара было решено присвоить полку имя прославленного героя гражданской войны Сергея Лазо.

С помощью армейской разведгруппы командование полка сообщило о себе штабу Западного фронта. Благодаря этому 23 февраля в расположение полка приземлилась на парашютах группа советских офицеров с радиостанцией. Это событие стало великим праздником для партизан. Теперь была обеспечена постоянная связь со штабом фронта.

Вслед за первыми посланцами Большой земли в полк прибыл представитель политуправления Западного фронта — Александр Иванович Разговоров. Молодой человек богатырского сложения, обаятельный собеседник, с красивым лицом и ласковой улыбкой, он был на редкость твердым, принципиальным и требовательным офицером. По общему признанию партизан-лазовцев, батальонный комиссар Разговоров сыграл весьма важную роль в их боевых делах.

Силы полка росли с каждым днем, крепили его удары, расширялся район действий. Образовался целый партизанский край, в котором насчитывалось более 250 населенных пунктов. Внешняя линия обороны партизанского края составляла почти 150 километров. В конце апреля полк имени Лазо совместно с партизанским полком имени 24-й годовщины РККА, действовавшим в другой части Ельнинского района, напали на Ельню. Недостаток боеприпасов не позволил партизанам полностью овладеть городом и удержать его, но в боях за Ельню и в самом городе только лазовцам удалось истребить около 1300 гитлеровцев.

Учитывая положительный опыт существования 1-й партизанской дивизии в Дорогобужском партизанском крае, штаб Западного фронта и командующий группой войск, действовавшей в тылу противника в районе Дорогобужа, генерал Белов отдал приказ о создании

2-й партизанской дивизии. В ее состав вошел и полк имени Сергея Лазо.

...Побывав вместе с Юденковым и Гусевым во многих подразделениях, я понял: Казубский прав. В сложившейся обстановке полк, при всей его многочисленности, не мог снять с обороны даже один взвод. Перед фронтом лазовцев противник сосредоточил семь тысяч пехоты, большое количество орудий, минометов, двадцать танков. Гитлеровцы постепенно теснили партизан то в одном, то в другом месте. Вражеское кольцо вокруг них сжималось *.

Особая группа

Ранним утром 8 июля радиостанция полка приняла сообщение, что конногвардейский корпус генерала Белова и 4-й воздушнодесантный корпус получили приказ оставить район Дорогобужа и выйти из вражеского тыла через линию фронта. После тяжелых оборонительных боев партизанские соединения и отряды Дорогобужского партизанского края под давлением превосходящих сил противника вынуждены были отойти в леса.

Полку имени Сергея Лазо приказывалось удерживать занятый район, пока не пройдут армейские части, двигавшиеся к линии фронта. Начались кровопролитные бои. Гитлеровцы ввели в действие авиацию, танки. Партизанский полк сражался с величайшим мужеством, хотя и нес серьезные потери. Разбросанные на значительной территории подразделения лазовцев отошли в Ельнинские леса лишь тогда, когда иссякли боеприпасы. Но задача, поставленная перед полком, к этому времени была решена: воинские части прошли к линии фронта.

Оторвавшись от противника, лазовцы залечивали раны. Командир и комиссар полка перегруппировывали силы для успешной борьбы в новой обстановке, эвакуировали самолетами раненых. Я решил, что пришло время снова поставить вопрос о выделении отряда.

* Тем, кто хочет более подробно познакомиться с боевыми делами партизанского полка имени Сергея Лазо, советую прочитать обстоятельную и правдивую книгу комиссара этого полка А. Ф. Юденкова «За огненной чертой» (Воениздат, 1966). — *Прим. авт.*

Казубский и Юденков предложили мне взять отдельный отряд, на базе которого предполагалось формировать 2-й партизанский полк имени Лазо. По рассказам Казубского, отряд был крепкий, но, столкнувшись с крупными силами гитлеровцев, понес большие потери и отошел в Мутищенский лес. Во время отхода почти полностью сохранил свой состав только 1-й батальон, которым командовал Андрей Коновальчук. Численность 3-го батальона уменьшилась наполовину. За комбата, получившего тяжелое ранение, остался комиссар Георгий Чиберяк. 2-й батальон отошел в другом направлении, соединиться с отрядом не сумел и в расчет не брался.

Получалось, что партизан, способных выдержать переход в район Ершичей, в отряде набиралось около ста пятидесяти человек. Мне показалось, что этого мало. Казубский выделил дополнительно крепкий, сколоченный взвод из штабной роты.

Приказом по полку отряд был назван особой группой полка имени Сергея Лазо.

По рекомендации Андрея Юденкова командиром отряда назначили Григория Кезикова. Он дрался за Киев. Раненный, попал в окружение. Долго скрывался по селам, хуторам, лесам. Добрался до Смоленщины, стал здесь партизаном. Отличался дисциплиной и исполнительностью.

Заместителем командира стал капитан Василий Ключев, в прошлом кадровый командир, танкист. Оставшись за линией фронта, Ключев вступил в один из первых партизанских отрядов, возникших в Ельнинском районе. В полку был известен как смелый и инициативный офицер.

Обязанности комиссара, как советовал Пайтеров, я взял на себя. Секретарем парторганизации стал Винокуров, решивший в связи с изменением обстановки отправиться вместе со мною.

Прежде чем покинуть штаб Казубского, я постарался заполнить рацию.

В полку было три рации. Одну Казубский согласился отдать, но радист, семнадцатилетний комсомолец Степка Присуха, еще не овладел своим делом. Он был заброшен в полк имени С. Лазо с первой группой военных специалистов. Но парню не повезло. Как ни бился, связаться с Большой землей не смог. Видимо, в момент приземления с радиостанцией что-то случилось.

Взять с собой радиостанцию Степки Присухи я не решился. Попытался уговорить пойти с нами другого радиста, имевшего надежную рацию. Он не согласился. Приказать ему командование полка не могло: радиостанция была прикомандирована к Казубскому на время и не подчинялась ему.

О моих хлопотах неведомо как пронюхал молодой партизан Чуприн, зачисленный к нам из штабной роты.

— Товарищ комиссар! Возьмите Степкину рацию... Хорошая она, питания много, — сказал он мне.

— А ты откуда это знаешь?

— Мне Степка говорил. И рацию показывал. Я обнаружил неисправность. Берусь устранить за два-три дня.

— А ты разве радист?

— Точно.

— Где же твоя рация?

И Чуприн поведал обычную для тех времен историю.

Работал он с разведгруппой в городе. Был замечен. За его квартирой стали следить. Старший приказал перейти в другое место, дал явку. Ночью Чуприн сложил в чемодан имущество, документы и пошел на другую квартиру. А шпик не отставал. Вот и река, пополам разрезающая город. Едва Чуприн ступил на мост через реку, началась погоня. Он перебросил чемодан через перила и сам в воду. Пришлось отсиживаться в камышах. Проблуждав несколько дней, радист наткнулся на лазовцев.

— Значит, сумеешь исправить рацию и поддерживать регулярную связь? — спросил я, когда он умолк.

— Конечно сумею!

— Хорошо. Далеко не отлучайся. Я подумаю.

Видно было, радист лихой. Но не мешало проверить. Юденков похвалил его как автоматчика. Степан Присуха охотно согласился работать вместе с Чуприным.

Мы распрощались с лазовцами, обнялись с Казубским и Юденковым и отправились в свой отряд...

По всему чувствовалось, отряд расположился в Мутищенском лесу временно. Привыкнув жить в деревнях, партизаны еще не считали лес родным домом. Только для командира был сделан немудреный шалаш. Остальные, набросав немного еловых веток, устроились группами у костров.

Наш приход был неожиданностью для большинства. Видя, что радисты уверенно располагаются рядом с шалашом командира, ребята зашущукались, поглядывая то на Кезикова, то на меня, то на радистов.

Командир начал знакомить нас с отрядом. Я как-то сразу почувствовал особую симпатию к командиру 1-го батальона Коновальчуку. Маленький, юркий, чисто выбритый, с небольшими усиками и бородкой клиныш-ком, он был похож на артиста, отлично игравшего роль партизанского командира.

Лихо откозыряв, Коновальчук доложил:

— Батальон расположен на отдых. В строю сто десять человек, больных трое, раненых пятнадцать. Пропавших не было...

Обойдя подразделения, Г. И. Кезиков приказал построиться. На узкой просеке строгой линией вытянулась колонна. Григорий Иванович сказал, что отряд выделен в распоряжение представителя обкома и должен перейти в новый район. Подчеркнул, что путь будет трудный.

— А леса там большие? — громко спросил кто-то.

— Леса большие. Соединяются с Брянскими. Подробно, если хотите, расскажет комиссар. Он сам из тех мест. Кстати, недавно прибыл с Большой земли.

— Хотим! Хотим!

Я начал с положения на фронте. Затем рассказал о южных районах области, их лесах, условиях борьбы.

— Перед нами стоит трудная, но почетная задача — организовать партизанскую войну там, где фашистам пока живется спокойно. Пусть каждый все обдумает. Мы с командиром разрешим любому остаться в Мутищах.

— Кто не может идти, три шага вперед! — скомандовал Кезиков.

Партизаны не шелохнулись.

...Отряд мог двигаться двумя путями. Один проходил по лесным местам, но был намного длиннее, его пересекала автомагистраль Москва — Брест, где было полно гитлеровцев. Второй маршрут проходил по маленьким перелескам, его перерезало много дорог, но он был короче. И немцев, по нашим сведениям, здесь находилось меньше. Взвесив все, мы решили двигаться в новый район действий коротким путем.

КОВАРНЫЕ ПОВОРОТЫ

Десна

Отряд шел к Десне. До реки оставалось три-четыре километра. Но дальше двигаться днем было нельзя. Лес кончался. Начинаясь скучная голая равнина с редкими небольшими перелесками.

Разведчики донесли: берега Десны почти сплошь заминированы, во всех деревнях вдоль реки стоят крупные гарнизоны врага, от села к селу шныряют мотоциклисты.

К вечеру разведчики нашли брод. Там, где он начинался, к самой воде узкой извилистой полосой подходил лес. Левый берег, судя по всему, не минирован. Правый проверить не удалось — брод на виду у деревни.

С наступлением темноты партизаны гуськом двинулись к реке. В голове шел 1-й батальон. Начальник штаба батальона Лисицын вызвался сам проверять по компасу разведчиков, чтобы не сбиться с пути.

По всем расчетам отряд должен был выйти к броду через час. Однако прошло уже два часа, а реки нет как нет. Остановились. По колонне шепотом передали: «Командира отряда просят в голову колонны». Кезиков ушел и долго не возвращался. Глухо шумели деревья, навевая тревожные мысли. Наконец появился Кезиков:

— Обозники, а не разведчики! — с досадой буркнул он. — В трех соснах заблудились.

— Что будем делать?

— Прямо не знаю, — не сразу откликнулся Кезиков. — Пропутаемся еще часа два, а там рассвет. Пожалуй, лучше вернуться да переждать до завтра.

Так и решили. На следующий день Лисицын с разведчиками несколько раз побывали у Десны. Уверенно заявили, что теперь дорогу знают.

Как только стемнело, отряд тронулся в путь. Небо затянуло. Начиная моросить дождик. Тьма непроглядная. Вначале чувствовали под ногами тропинку, потом пошел

бурелом, за ним болото, опять бурелом. Десятки поворотов. Наконец снова напали на дорожку. Лес поредел. Пахнуло ветерком. Остановились.

— Неужели Десна? — спросил Ключев. — Как будто опушка, но мы, кажется, не переходили большую дорогу. Судя по карте, она пересекает нам путь.

— Десна, товарищ капитан, — сказал подошедший Лисицын.

— Точно?

— Видите — опушка. Значит, Десна. Разведчики проверяют, сейчас доложат.

— Не у всякой опушки течет Десна. Пойдем сами проверим, — предложил Ключев Лисицыну.

— Василий Петрович, посмотри и начинай переправу, как условились, — сказал вслед Кезиков.

Минут через двадцать колонна поднялась в путь, вышла из лесу и тут же круто повернула снова в лес. У поворота стоял Ключев. Когда центр колонны, где находился штаб, поравнялся с ним, он подошел и зло выругался:

— Опять заблудились! Вылезли на опушку и кричат — Десна! Какой черт Десна, когда до нее еще столько, сколько было! Надо идти вдоль леса, они пошли поперек. Вот и привели к какой-то деревне, в гости к фашистам. Может, разведчики и днем так же к Десне ходили?

— Не горячись, — прервал Кезиков. — С ребятами был Лисицын. Он сам спускался к воде, промерял глубину.

— Ну сбились с дороги. Это ясно. А куда мы идем сейчас? Вы, что ли, приказали двигаться дальше? — спросил я Ключева.

— Я приказал. Теперь-то идем, куда надо. Сейчас повернем и через полчаса выйдем на большую дорогу. Там сделаем еще один поворот и попадем к Десне.

— Попадем ли?

— Должны попасть.

— Как бы опять не вынырнули на старое место, — съязвил Винокуров.

— Нет, сегодня перейдем, — не совсем уверенно сказал Кезиков.

С треском ломая сухие ветви, колонна в третий раз продиралась через бурелом. Дождь усилился. Мокрые листья противно шлепали по лицу. Кезиков послал в го-

лову колонны Данильченко, затем Ключева, наконец ушел сам. Несколько раз мы выходили на опушку, а реки нет, словно ее кто перенес в другое место. Близился рассвет. Блуждать по лесу дальше не было смысла. Остановились. Когда рассвело, оказалось, что стоим в ста шагах от того места, откуда вышли вечером. Дождь не прекращался. Костры никак не разгорались, дымили, шипели. Настроение у людей резко упало. Мокрые, злые, они собирались небольшими группами и о чем-то говорили вполголоса, поглядывая в нашу сторону. Кезиков пошел составлять посты, я решил обойти лагерь. Переходил от группы к группе, шутил, подтрунивал над нашей неудачей. Но никто не подхватывал шуток. Люди явно разубедились в способностях командиров, на вопросы отвечали неохотно, в глаза не глядели. «Еще один такой поход, и от отряда останется только штаб», — горько подумал я.

Вернувшись к своему костру, я попросил Винокурова собрать политработников и коммунистов, честно объяснить, что неудача с переходом Десны произошла не по вине командования, а из-за нашей неопытности, что отряд в безопасности и главное сейчас — не падать духом.

А тут еще куда-то запропастился Кезиков. Послал ординарца — не нашел. Кинулся искать сам, обошел все посты — нет. Наткнулся на дорожку, углубился в лес и вскоре увидел Кезикова. Он понуро сидел на пеньке. Замятив меня, обернулся.

— Не везет нам, комиссар...

— Что думаешь делать дальше?

— Идти через Десну.

— Два дня идем через нее и никак не уйдем со старого места. Украли немцы Десну, что ли?

— Не думал, что так получится. Опыта нет. Воевали мы в деревнях, а лес, оказывается, совсем другое.

— Пойдем-ка сами все как следует посмотрим!

Через час разведчики безошибочно вывели нас к реке. Все дело было в проклятых поворотах. Узкая полоска леса, примыкавшая к Десне, в этом месте образовывала выгиб, извивалась змеей. Именно потому мы прошлой ночью выскакивали на опушки то с одной, то с другой стороны. Чтобы не запутаться еще раз, на обратном пути на каждом повороте едва заметно надламывали ветки. Вынуждены были пойти на это, хотя знали, что грубо нарушаем неписанные партизанские правила.

Подходя к стоянке отряда, я вспомнил, что у меня есть «Спутник партизана». Кто-то из друзей, провожая, сунул книжицу мне в карман.

— Замечательная вещь! — полистав справочник, просиял Кезиков. — Тут есть все, что надо. Давай соснем, а потом займемся с командирами и разведчиками, поучимся ориентироваться ночью, ходить по азимуту.

К вечеру распогодилось. На небе приветливо засверкали звезды. Подул слабый ветер, зашумел лес. Отряд в третий раз направился к реке. Часа через полтора по колонне радостно прошелестело: «Десна...»

Первым перешел реку Виктор Мацко, проверил берег. Мин нет. Быстро переправились все остальные. Пошли полем. Колонну повел начальник штаба Данильченко. К утру отряд углубился в урочище Старая Контора и остановился на дневку.

Чиберяк выручил

Неожиданно свалилась новая неприятность: испортилось взятое в дорогу мясо. Две трети партизан заболели. Командир приказал уничтожить все несвежие продукты. Приказ выполнили, а кормить людей нечем. Разослали по деревням специально отобранные группы. Вернулись с пустыми руками: оккупанты начисто обобрали жителей, народ в деревнях бедствовал.

Ослабленных болезнью и голодом бойцов немислимо было вести дальше. Возвращаться в полк — значит сорвать задание обкома. Да и в полку доедали последние запасы.

И вдруг обнадеживающая весть. В одной из деревень на Десне разведчики видели коров. Правда, в деревне полно гитлеровцев.

Собрали командиров посоветоваться.

— Надо устроить внезапный налет, — предложил Ключев.

— Ничего из этого не выйдет, — решительно возразил Кезиков.

— Придется, наверное, тонать обратно за Десну, к Бате в полк, — вздохнув, сказал начхоз Силков.

— Вот-вот, там тебе пирогов напекли! — с иронией ответил ему Коновальчук.

— Как бы Батя через недельку сам не затопал вслед за нами или в Белоруссию, — в тон ему добавил Данильченко.

— Разрешите мне? — обратился к Кезикову Чиберяк.

— Говори.

— Я достану коров.

— Как?

— Там будет видно. Говорю, достану, — значит, достану. Только дайте в помощь двух бойцов.

— Выбирай хоть двадцать.

— Достаточно двух. Разрешите выполнять задачу?

— Выполняй!

Чиберяк повернулся и пошел в свое подразделение. Сопровождение вскоре закончилось. Я решил заглянуть к Чиберяку. Он уже был готов к выходу. На груди — автомат, на поясе — пистолет и кинжал. Из кармана зеленого френча, перешитого из немецкого, торчали ручки гранат. Рядом с ним стояли два молодых партизана, Виктор и Федя. У каждого по автомату.

— Ни пуха ни пера, Георгий. От твоей удачи зависит судьба отряда, — напутствовал я Чиберяка.

— Понимаю, товарищ комиссар...

Рота Ларина, возвращаясь с бесплодных поисков продовольствия, столкнулась с пятью неизвестными. У одного из них нашли красную ленточку. Ларин еще не привел задержанных, а по отряду уже разнеслась весть: поймали предателей.

До нас доходили слухи, будто гитлеровцы для нападения на мелкие группы партизан засылали в лес полицейских, переодетых в форму Красной Армии. Отличительным знаком у них якобы являлась красная ленточка в левом кармане.

— Контра, точно! Один с орденом, другой с медалью, вооружены до зубов. Только у нас они и пикнуть не успели, — с гордостью рассказывал Ларин.

Кезиков приказал поместить задержанных невдалеке от лагеря и поручил начальнику особого отдела Елисееву допросить их.

— Ведут себя нахально. Говорят, что десантники, отбили от батальона. Требуют возвратить оружие и либо

принять в отряд, либо отпустить. Четверо в армейской форме, один в гражданском.

— А что за ленточка и как она к ним попала?

— Ленточку, орден и медаль я отобрал. Орден был у старшего лейтенанта, а медаль и ленточка — у военфельдшера. Говорит, что ленточку получил вместе с медалью «За отвагу».

— Ну а ты как считаешь?

— Ленточка, может, и от медали... А вот как они сюда попали... Думаю, по заданию фашистов.

— «Может», «думаю». Тоже мне разведчик! Кто эти люди? Веди их сюда.

Елисеев привел задержанных.

— Ваши фамилии? — спросил Кезиков.

Инженер-интендант Сухин, военный инженер-строитель Белов, старший лейтенант Андропов, военфельдшер Винник, работник леспромхоза Попов по очереди назвали себя.

— Какое задание получили от немцев?

— Никакого задания не получали. Мы десантники, — ответил Белов.

— Чем докажете? — спросил я.

— Доказывать, конечно, нечем, документов у нас нет. Хотя один документ Андропов может предъявить. Покажи, — сказал товарищу Белов. — Только и мы хотели бы знать, с кем имеем честь?

— Комиссар отряда.

— Это другое дело!

Андропов снял сапог, вынул из-за подклейки завернутый в тонкую клеенку пакет, развернул и подал мне свой партбилет. Он был немного измятый, но чистый, точно недавно полученный. Членские взносы последний раз уплачены за май.

— Как вы отстали от части? — спросил Кезиков.

— Батальон находился недалеко от Знаменки. Нас послали подыскать площадку для посадки самолетов. В это время напали гитлеровцы и отрезали нас. Батальон перешел в другое место. Мы бродили недели две, никого не нашли и решили идти через линию фронта, — рассказал Белов.

— А теперь что думаете делать?

— Вступим в отряд. Если не примете — пойдем через фронт, — ответил за всех Сухин.

Г. И. Пайтеров

А. Ф. Юденков

В. В. Казубский

Г. И. Кезиков

Т. М. Коротченков

В. П. Клюев

А. Я. Винокуров

Ф. О. Бакутина

Все пятеро держались твердо, с достоинством, на вопросы отвечали прямо и четко.

Сомнений быть не могло. Люди говорили правду. Кезиков приказал возвратить товарищам все отобранные у них вещи и зачислить в отряд. Нам очень были нужны офицеры...

В полночь я проснулся от сильного толчка в бок.

— Вставай, комиссар! Чиберяк мясо привел! — Лицо Кезикова расплылось в довольной улыбке.

— Брось шутить!

— Какие шутки! Вон они стоят. Пойдем смотреть.

Сна как не бывало. Обгоняя друг друга, мы побежали к березняку, откуда доносились приглушенные голоса. Несмотря на полночь, тут собралась добрая половина отряда. Плотным кольцом обступили партизаны животных. Тут же стоял смущенный Чиберяк.

Только на следующий день удалось узнать, как он увел коров из-под носа у фашистов. Чиберяк был весьма немногословен. Но главное мы поняли: помощниками своими он остался доволен и задумка его оказалась правильной. А то, что пришлось бесшумно снимать часового, что уходили партизаны из деревни под огнем немецких автоматов, — это, по мнению рассказчика, к делу отношения не имело. На то она и война.

Крепко выручили нас пять коров, добытых Чиберяком. Люди ожили, повеселели. Теперь можно было смело трогаться дальше.

Тяжелым и мучительным был этот путь. Днем отсиживались в небольших перелесках. А ночью... Много ли нашагаешь в темноте по болотам, оврагам, зарослям... Но обстоятельства заставляли торопиться: кончались продукты, трудно было рассчитывать на успех в случае стычки с врагом на открытой местности.

Пройдя примерно половину пути, отряд остановился на дневку в мелком березняке среди ржаного поля. Ночью предстояло переходить шоссе и железную дорогу Смоленск — Рославль.

В этот день все мы получили тяжелый урок, воочию убедились, к чему ведет несоблюдение дисциплины.

В полдень комиссар 1-го батальона Терехов пошел проверять посты. Побывав на последнем, он не устоял

перед искушением — решил попробовать, нет ли зерен в колосьях ржи, и вышел в поле. Видя, что комиссар долго не возвращается, часовой забеспокоился, выбрался на самый край березняка и остановился как вкопанный: в конце поля шесть гитлеровцев волокли Терехова к ближайшей деревне.

Узнав о случившемся, Кезиков выслал разведчиков последить за деревней и определить численность гарнизона. Надо выручать товарища, а ночью продолжать путь. Через несколько минут наши посланцы вернулись. Пройти к деревне оказалось невозможно. За дорогой, пересекавшей поле, во ржи цепью лежали гитлеровцы.

— Нащупали, гады! Как бы они нам колечко не устроили, — сказал Кезиков, выслушав разведчиков.

— Вполне возможно, место у нас — хуже быть не может, — поддержал командира Ключев.

— Разведке наблюдать за деревней, отряду приготовиться к бою, — приказал Кезиков.

Вскоре выяснилось: отряд действительно окружен.

Прорываться решили ночью. В случае боя первый удар принимал батальон Коновальчука.

— Двигаться гуськом, по одному, с интервалами два шага. Без команды огня не открывать, движения не приостанавливать. Разведка идет на сто метров впереди колонны, — приказал командир отряда.

Благополучно миновав поле, мы долго шли по болотистому лугу с редкими кустами лозняка и наконец достигли намеченного ориентира. До шоссе и железной дороги Смоленск — Рославль, которые предстояло пересечь ночью, оставалось четыре километра. На карте в этом месте был обозначен вырубленный лес, но мы попали в непролазный ельник.

— Вот темень, в двух метрах слона не увидишь! — проворчал связной 1-го батальона, шутник и балагур, неутомимый выдумщик Николай Бронебойный.

Настоящая фамилия Николая Безмельников, а Бронебойным прозвали его партизаны. Прозвали, услышав, как Николай тремя бронебойными пулями якобы подбил три тяжелых фашистских танка.

Не прошли и километра, колонна разъединилась. Пока останавливали передних, потеряли в темноте оторвавшихся. А время шло...

— Товарищ командир, разрешите соловьем свистнуть.

Может, поймут и пойдут на свист, — тихо сказал Бронебойный.

— Свисти, если можешь.

Бронебойный долго выводил трели, свистел, прищелкивал, получалось хорошо, да толку никакого.

— Это что! Вот бы по-настоящему свистнуть! — нерешительно предложил он.

— Давай!

Николай заложил два пальца в рот. Раздался такой свист, что в ушах зазвенело. Однако делу помогло, нас услышали отставшие.

К цели вышли, когда уже светало. Перед нами блестело асфальтом шоссе, за ним отчетливо виднелась высокая насыпь железной дороги.

Объявив привал, Кезиков выслал разведчиков посмотреть, что делается на дороге.

— Может, вернуться в ельник и подождать ночи? — предложил он. — Светло, могут заметить. За железкой почти напротив деревня...

Я считал, что переходить надо немедленно. Ключев, Винокуров и Данильченко придерживались такого же мнения. Кезиков согласился с нами.

Партизаны быстро перемахнули дорогу и, круто повернув в сторону Рославля, направились в небольшой лиственный лес — Кругликову Дачу. Через час, впервые за много дней, мы сидели вокруг разведенных костров, шумно обсуждая, кто и как катился с железнодорожной насыпи. А спустя еще час послышалась стрельба. Гитлеровцы из минометов и пулеметов обстреливали ельник, недавно оставленный отрядом.

Кто кого перехитрит

К вечеру над нами снова нависла опасность. Оккупанты обнаружили, что партизаны пересекли железную дорогу и безошибочно определили наш дальнейший маршрут: Кругликова Дача, Деревужский и Халиповский леса. Кроме этих лесов, образовывавших нечто вроде треугольника, укрыться было негде.

Немцы начали с того, что отрезали отряду путь в ближайший Деревужский лес и организовали там засаду. Затем подтянули минометы и с противоположной стороны стали обстреливать Кругликову Дачу, толкая нас пойти

на их засаду. Но в районе вражеской засады уже побывали разведчики. Мы знали — туда путь закрыт.

Решили двигаться в Халиповский лес. Расстояние до него за один переход преодолеть немыслимо, но другого выхода не было. Дождавшись темноты, отряд под грохот разрывающихся мин оставил Кругликову Дачу и двинулся полем.

На рассвете подошли к реке Стомать. Это была самая скверная из рек, встретившихся на пути отряда: илистое дно, бесконечные заводи, вязкое болото у берегов, местами трясина. Казалось, тут проходит не одна, а несколько речек, соединившихся вместе. Только благодаря помощи местных жителей мы перешли Стомать и смогли продолжать путь.

Взошло солнце. Передвигаться среди бела дня мы просто отвыкли. Вокруг все казалось странным, непривычным, новым. Свежесть раннего утра не бодрила людей — все окончательно выбились из сил. То один, то другой теряли сознание. Товарищи подхватывали ослабевших, быстро устраивали носилки из плащ-палаток.

Двигались все медленнее.

Отозвав меня в сторону, Кезиков сказал:

— Впереди большая деревня. За ней какой-то кустарник, наверх болото. Давай завернем в деревню, подкормим людей, отдохнем. Насядут немцы, отскочим в болото.

Я согласился.

Жители встретили нас с радостью. В каждом доме принимали как дорогих гостей. Угощали, чем могли.

Деревня, где нас так ласково приняли, была последним населенным пунктом, обозначенным на карте командира отряда. Теперь надеяться приходилось только на проводников.

На исходе дня дозорные, пристроившиеся на крыше гумна, стоявшего на самом высоком месте, донесли, что по нашему следу пробирается крупный отряд фашистов с собаками. Надо было уходить.

Винокуров взялся искать проводника. Хозяйка дома, где остановился штаб, сказала, что есть у них в деревне пожилой мужик, хорошо знающий, как скрытно пройти в лес.

— Только трус он. Хуже последней бабы. Обязательно прикинется больным.

Несмотря на такое предупреждение, Винокуров все же отправился в указанный дом. Наш парторг, видимо, обладал незаурядными педагогическими способностями. Через несколько минут он вернулся в штаб в сопровождении бойкого хитроватого старика. Проводник с полуслова понял нас.

— Вам, ребята, надо в Халиповский лес. Дело нетрудное. Можно податься через болото. Так ближе, только воды очень много. А если дадим кругалья, через Первомайский, пройдем по сухому.

— Веди, отец, по болоту, — сказал Кезиков.

— Только вы уж как-нибудь с револьвертом, что ли, меня из деревни сопроводите, а то придут немцы — повесят, — всхлипнув, попросил проводник.

— Ладно, ладно, не волнуйся, — успокоил Кезиков и отдал соответствующее распоряжение.

Отряд благополучно пересек сплошь залитое водой болото. Перед выходом из болота Кезиков подозвал проводника и спросил, нет ли мелкой речушки или ручья, вытекающих из болота по направлению к лесу. Получив утвердительный ответ, он приказал вести отряд прямо по руслу речушки и строго запретил партизанам выходить на берег. Речонка была мелкая, вода не поднималась выше колена.

Пройдя еще километра два по воде, мы по низинам и оврагам вошли к ночи в Халиповский лес и в первый раз расположились не на дневку, а на ночевку. Проводника отпустили домой.

Потом мы узнали: гитлеровцы долго искали партизан. Собаки привели немцев к болоту, но у воды след потеряли. Решив, что отряд засел в болоте, каратели окружили его и целый день били из минометов и пулеметов. А мы в это время, подыскав нового проводника, двигались дальше. До нового района действий осталось несколько переходов, наш путь пересекали глубокая река Остёр, автомагистраль Москва — Брест и железная дорога Рославль — Минск.

На день остановились в красивом Гневковском лесу на берегу широкой извилистой реки.

Проводник, хотя и был старожилом, брода в этих местах не знал. Только к вечеру нашим разведчикам удалось найти мель.

Когда стемнело, благополучно перебрались на другой

берег. Командир поторапливал. Надо было затемно перейти автомагистраль и железную дорогу.

К Варшавке подошли на рассвете. Кезиков приказал остановиться и стал советоваться с командирами: впереди была еще железная дорога, в четырех километрах — станция Понетовка. Переходить было рискованно, но командиры высказались за переход: скорее бы перевалить последнее препятствие! Сразу за шоссе начиналось болото с густым кустарником, соединяющееся с лесом. Пересечь железную дорогу в таком месте будет нетрудно...

Я хорошо знал эти места. Теперь можно было отпустить проводника, который, кстати сказать, выбился из сил за три дня пути — старику было далеко за семьдесят. Мы горячо поблагодарили нашего добровольного помощника и пожелали ему счастливого пути.

Начался переход автомагистрали. Широкое шоссе стрелой убегало вдаль.

Среди вековых елей

Благополучно завершен трехнедельный изнурительный переход. Пройдены сотни километров по болотам и лесным тропам, позади остались две железные дороги и две шоссейные магистрали, десятки речек и речушек. Чего только не предпринимали фашисты, чтобы не выпустить ни одной живой души из Дорогобужского партизанского края! А мы прошли. Мы выполнили первую часть задания обкома: достигли Ворговского леса, в двадцати километрах южнее Рославля.

Первый лагерь лазовцев в новом районе действий раскинулся среди уцелевших от поруба вековых елей.

Неприветливо встретило нас новое место. Дни и ночи шел холодный не по-летнему дождь. Шалаши, наскоро сооруженные из еловых веток, напитались водой, как губка, каждая иголочка хвои плакала мелкими слезинками. А когда ненадолго прекращался дождь и потягивал ветерок, на голову нам выливалось все, что задержали на себе кроны деревьев. Армейских плащ-палаток едва хватало для часовых и разведчиков. Промокшие до нитки, хмурые и злые, партизаны теснились у дымящих костров, пытаясь хоть немного просушиться и обогреться.

Дождь кончился только через пять суток. Ожил лес. Основательно обсушились люди. Снова зазвучал смех.

В полдень все собрались у штаба отряда. Аккуратно выбритый Кезиков сказал:

— Я собрал вас, чтобы подвести итоги перехода и поставить новые задачи. Командиры, доложите о состоянии своих подразделений.

Командиры батальонов Андрей Коновальчук и Георгий Чиберяк, начальник разведки Петр Шумаев доложили, что все партизаны здоровы, настроение боевое, оружие в порядке. Маловато только патронов.

— Значит, все готовы идти в бой, — подытожил Кезиков. — Это хорошо. Так и доложим на Большую землю.

— А разве наши кролики наладили свою технику? — ехидно спросил Безмельников.

— Не барахоль, Бронебойный! — резко оборвал командир. — Сейчас не время для шуток. Радисты Иван Чуприн и Степан Присуха знают свое дело. Связь с Большой землей у нас есть.

Лица партизан засияли: о нас знают, в беде не оставят.

— Теперь заживем! — не удержался Коновальчук. — Будут патроны, гранаты, махорочка!

— Подожди, Андрей, — мягко остановил его Кезиков. — Тихо, товарищи. Связь с Большой землей — великое дело. Мы являемся одной из боевых единиц Западного фронта и должны быть готовы к выполнению боевых заданий командования в любую минуту.

Командир проанализировал итоги перехода, высоко оценил мужество и выносливость бойцов, командиров, политработников, подчеркнул необходимость дальнейшей отработки действий на марше и в ночном бою.

— На наш отряд возложена большая задача, — заключил он. — Слово предоставляется комиссару.

Я рассказал, какое серьезное значение придает Центральный Комитет партии развитию партизанской борьбы. Подчеркнул, что вокруг нашего отряда надо создать крепкое боевое соединение, с тем чтобы парализовать работу рославльского железнодорожного узла, развернуть рельсовую войну, установить взаимодействие с брянскими партизанами, помешать оккупантам угонять в рабство советских людей и вывозить продовольствие.

— Эти задачи нам по плечу. Но предстоит здорово поработать, друзья, завоевать добрую боевую славу в народе, добиться, чтобы нас поддерживали в каждой деревне. Последнее время мы жили исключительно за счет помощи населения. Советские люди отдают партизанам все, что у них есть: последнюю буханку хлеба, одежду, обувь. А как они живут сами? Плохо, очень плохо. Их грабят оккупанты. В наших руках оружие, и мы обязаны защитить жителей. Но от их помощи продовольствием придется отказаться.

— А что будем есть? — спросил кто-то из партизан.

— Питаться и одеваться будем за счет врага.

Заканчивая выступление, я еще раз подчеркнул, что правильные взаимоотношения с населением и высокая личная дисциплина партизан во много крат увеличат наши силы, дадут нам сотни боевых помощников за пределами отряда.

— Начштаба, доложите оперативную обстановку, — приказал командир.

Данильченко сообщил, что Ворговский, или, как его еще называют, Мухинский, лес удобен для расположения отряда. В ближайших прилесных деревнях оккупантов нет. Много фашистов в Рославле, постоянно стоят гарнизоны в районных центрах Ершичи и Шумячи, на станции Понетовка и в рабочем поселке Ворга. Связь с поселком установлена, получены данные, что в гарнизоне до двухсот человек, часть из них восстанавливает стекольный завод. В лесу за рекой Вороница есть партизаны, с месяца назад они уничтожили до взвода гитлеровцев. С севера на юг и юго-запад лес пересекают дороги с мостами, большими, за которыми постоянно наблюдают наши разведчики. По Хотимскому большаку движения почти нет, здесь появляются только гражданские. По Мглинскому ежедневно проходит несколько машин с фашистами.

— У кого есть вопросы к командованию? — спросил Кезиков, когда кончил докладывать начальник штаба.

— У меня, — сказал, поднимаясь, старший лейтенант Андропов. — Разрешите нам идти через линию фронта?

— Кому это вам?

— Группе десантников. Мы с Сухиным, Беловым, Винником, Поповым присоединились к отряду во время перехода, не скрывая своих намерений... Нам кажется, там принесем больше пользы...

— Значит, вы не хотите вместе с нами решать задачу, поставленную Смоленским обкомом?

— Мы хотим бить врага на фронте, — упрямо повторил Андропов. — Мы армейские офицеры и должны быть в армии или получить приказ о вступлении в партизаны.

— Может, ты боишься оставаться с партизанами? — напирал на Андропова Ключев. — Какой тебе приказ нужен? Ты коммунист. Решение обкома для тебя приказ!

— Не горячись, Петрович! — остановил Ключева командир. И, обращаясь ко мне, попросил: — Дай-ка мне, комиссар, твой документ.

Я достал из внутреннего кармана удостоверение, вы-

данное Смоленским обкомом партии, и подал его Кезикову. Он бережно взял удостоверение и сказал:

— Подойдите, старший лейтенант, прочитайте!

— Я вам верю, товарищ командир.

— А раз верите, тогда слушайте. Документ подписан не только секретарем обкома, но и членом Военного совета Западного фронта. Это и директива партии, и приказ... Я тоже офицер и также давал присягу на верность Родине, партии... Силой удерживать вас не будем. Хочу только напомнить: фронт стабилизировался, перейти его очень трудно. Обидно будет погибнуть, ничего не сделав для Родины. А здесь, в тылу врага, в рядах партизан, каждый может принести посильную пользу, борясь с врагом. Подумайте и не торопитесь с решением. Даю сутки на размышления... А теперь несколько приказаний командирам. К вечеру пересмотреть все автоматическое оружие и получить у начхоза оружейное масло — разведчики старались. Всем подразделениям по графику штаба изучить местность, чтобы за несколько дней узнали каждую лесную тропку. Начальнику разведки Шумаеву внимательно присмотреться к ближайшему волостному центру. Начальнику штаба и командирам подразделений отобрать всех, кто знаком с подрывным делом, и дать предложения о создании в отряде диверсионной службы. И последнее. Чтобы завтра к обеду все были пострижены и побриты. Чтобы не осталось ни одной бороды! Взыщу строго. Ясно?

Партизаны разошлись.

— Ну как думаешь, комиссар, — обратился ко мне Кезиков, когда мы остались вдвоем, — уйдут от нас десантники? Жаль ребят — погибнут. А нам бы очень пригодились: Андропов — кадровый командир, Сухин — инженер-интендант, Белов — политработник, инженер-строитель...

— Не уйдут, — уверенно сказал я. — Четверо из них коммунисты.

Около нас все время вертелся обладатель на редкость красивой, всегда аккуратно расчесанной бороды старшина комендантского взвода Миронов. Желал, видимо, обратиться, да не решался. Заметив это, Кезиков подозвал Миронова:

— Тебе чего, Борода?

— Вы приказали сбрить бороды... Как же мне?

— А ты что, святой?

— Не святой, конечно, но борода...

— Борода длинная, сразу не сбреешь, сначала надо остричь.

— Григорий Иванович, я дал себе клятву не расставаться с бородой, пока не разобьем фашистов и не вернусь в Москву.

— Не давай таких клятв!

— Разрешите хоть одну бороду на отряд. Пропаду я без нее!

— Ну ладно, — рассмеялся Кезиков, — не пропадай. Носи, Борода, свое украшение.

Дисциплина для всех одна

Абрам Яковлевич Винокуров был назначен секретарем партбюро еще при формировании отряда в Ельнинских лесах. Но именно назначен, так как не только партийного бюро, но и самой партийной организации, отвечавшей уставным требованиям, по существу, не было. Занятый другим, я тогда не обратил внимания на серьезность такого положения. Но как только было закончено формирование и начат переход в новый район, вопрос о партийной организации встал перед нами как один из самых неотложных и важных.

Отряд почти полностью состоял из военнослужащих, вырвавшихся из окружения. Коммунистов насчитывалось немало, но партбилетов у них не было. Кто называл себя коммунистом, тот считался им. А имели ли мы право принимать на веру устные заявления?

Не менее важным было и то, при каких обстоятельствах утратили коммунисты партийные документы. В плену из наших людей почти никто не был. Многие пришли к партизанам с оружием, которое не выпускали из рук ни на минуту.

Партийная организация должна знать все о каждом. Коммунист обязан быть перед партией чистым как стеклышко.

Мы с Винокуровым не могли приложить ума, как взяться за дело. Оба были очень молоды, оба занимались в прошлом только комсомольской работой. И просто не знали, с чего начать.

А заняться этим вопросом было необходимо. Во время перехода, например, быстро обнаружилась слабость нашей партийной организации, явно недостаточное влияние коммунистов.

Кое-кто из партизан держался особняком, имел свои группочки, по существу мало зависевшие от командиров. Это были хорошо вооруженные, смелые, предприимчивые люди, преимущественно разведчики. Они часто наведывались в деревни, возвращались, как правило, с продуктами, табаком, которые в общий котел не попадали. Разведчики охотно подкармливали дружков, а остатки продуктов и курева меняли у своих же партизан на хороший пистолет, офицерский ремень, бритву, затейливую зажигалку.

Вмешательство командования отряда, и прежде всего комиссара, не всегда давало желаемые результаты. Мириться с таким ненормальным положением было нельзя.

После долгих размышлений мы с Винокуровым пришли к убеждению: укреплять партийную организацию и поднимать ее роль в воспитании партизан надо начинать с восстановления в правах самих членов партии, не имевших партийных документов. Чтобы не противопоставить себя таким шагом большинству коммунистов, мы обстоятельно готовили к этому политработников, продумали все детали.

Обосновавшись в Ворговском лесу, мы собрали коммунистов. Это было первое собрание после очень трудного перехода. Люди думали, что будут обсуждаться итоги перехода, и были немало удивлены, когда Винокуров объявил, что на собрании речь пойдет о восстановлении в памяти коммунистов основных положений Устава, касающихся партийных организаций и членства в партии. Излагая по памяти параграф за параграфом, Винокуров подвел к тому, что партизанам необходимо в самый короткий срок упорядочить партийные дела.

— Для этого, — уточнил он, — каждый должен подать заявление в партийную организацию. К заявлению следует приложить подробное объяснение: где и когда вступил в кандидаты и в члены партии, где в последний раз состоял на партучете, где и при каких обстоятельствах утратил партийный документ, как оказался в тылу врага, чем занимался на оккупированной территории до вступления в партизанский отряд, в каких боях участво-

вал, есть ли в отряде люди, которые могут эти данные подтвердить... Партсобрание рассмотрит заявления, примет соответствующее решение и направит его на утверждение обкома*.

— Как же мы сами себя будем восстанавливать? — в недоумении спросил Чиберяк. — Партбилетов ни у кого нет...

— Ошибаетесь, Георгий Григорьевич, — ответил Винокуров, — партийные документы имеют комиссар, я и старший лейтенант Андропов.

— Выходит, вы втроем будете решать наши судьбы?

— По уставу, первичная организация создается при наличии трех членов партии. Первое заявление рассмотрим втроем. Следующее — при положительном решении вопроса — будем рассматривать уже вчетвером, и так дальше.

Посыпались вопросы. По всему было видно — большинство коммунистов понимают нас правильно и поддерживают. Но были и такие, кто считал несвоевременным начатый разговор. Подводя итоги, Винокуров сказал:

— Все лучшее в народе в это трудное время стремится в партию. На фронте, уходя в бой, солдаты просят считать их коммунистами. У нас тоже много замечательных людей. Мы тоже будем принимать их в партию. А для этого прежде всего вам самим надо выполнить необходимые формальности, чтобы получить право давать рекомендации.

Партийные собрания по разбору персональных дел проводились почти ежедневно. Первыми подали заявления все политработники. С каждым собранием на несколько человек увеличивалось число участников с правом решающего голоса. С затаенным дыханием выслушивались не легкие истории коммунистов-партизан. Волнуясь, вновь переживая все, что пришлось испытать, люди вспоминали о страшных боях, тяжелом отступлении, окружении, о том, как с болью в сердце, когда уже не было надежды вырваться из вражеского кольца, зарывали в памятных местах свои партийные билеты. Говорили не только о печальных событиях тех дней, но и о самых сокровенных мыслях, о мучительных попытках объяснить случившееся. Излив все, что наболело, увидев в глазах товарищей по-

* Точный порядок решения таких вопросов нам тогда еще не был известен. — *Прим. авт.*

нимание и поддержку, человек духовно распрямлялся, уходил с собрания с легким, спокойным сердцем.

Особенно запомнилось мне собрание, на котором разбирали дело Василия Петровича Ключева. В партийности Ключева никто из нас не сомневался. Попав в окружение и оказавшись за линией фронта, он при первой возможности встал на путь партизанской борьбы, отважно сражался с ненавистным врагом. Партизаны уважали и любили Ключева за храбрость и прямоту. Василий Петрович знал, как относятся к нему товарищи, но на собрании страшно волновался. Заканчивая свою исповедь, он взволнованно сказал:

— Я утратил то, что считал дороже жизни, — свой партийный билет. Но верю, что найду его. Я помню номер, помню тот лесок и то дерево, под которым закопал партбилет, полагая, что живым отсюда не вырваться... Я дойду туда, сколько бы для этого ни пришлось драться с фашистами. Только тогда буду считать, что искупил свою вину...

Ключев сел и, как-то сразу обессилев, стал ждать решения своей судьбы. Некоторое время царилла напряженная тишина.

Первым попросил слова Георгий Чиберяк. С большой убежденностью он говорил, что Ключев достоин быть в партии, что он — верный сын Родины. Чиберяка поддерживали остальные коммунисты. Собрание единогласно решило восстановить Ключева Василия Петровича в правах члена партии.

Но не все у нас проходило гладко. Как ни странно, очень долго не подавал заявления командир отряда Григорий Иванович Кезиков. Он считал излишней такую формальность.

— Пойми, комиссар, нечего меня проверять! Я проверен в полку, назначен командиром, — убеждал он меня.

— Никто и не собирается тебя проверять, Григорий Иванович. Речь идет о восстановлении твоей партийности. Напрасно упираешься.

— Но я не выбывал из партии. Почему меня должны восстанавливать, а не решать вопрос о выдаче партбилета?

— Прежде чем выдать новый партбилет человеку, потерявшему организационную связь с партией почти год назад, надо убедиться, что он в это время оставался коммунистом. Неужели тебе это непонятно?

— Понятно, конечно, — помолчав, сказал Кезиков. — Но и ты тоже должен меня понять. Неудобно как-то командиру выворачивать душу наизнанку перед подчиненными...

До глубокой ночи проговорили мы в тот раз. И все стало на свое место. На следующий день заявление Кезикова рассматривало партбюро, а вскоре решение бюро утвердило партийное собрание.

Воспитательная работа, проводимая партийной организацией, начала давать добрые результаты. На повестке дня партийных собраний появились первые заявления партизан о приеме в партию.

Под влиянием коммунистов росла боевая дружба, крепла взаимовыручка. Винокуров настойчиво добивался, чтобы каждая партийная группа стала главным организующим звеном своего подразделения.

ОРЛИНОЕ ГНЕЗДО

Разведка работает

отряд быстро осваивался на новом месте. Партизаны искали и находили надежных людей в окружающих

селах. Молодые разведчицы коммунистки Феня Бакутина и Мария Шепкарина получили задание отправиться в Рославль, чтобы разыскать подпольщиков и связать их с отрядом. Это было очень опасное и трудное задание.

...Феня и Мария родились и выросли в Рославле. Обе не успели эвакуироваться и остались в оккупированном городе. Своими глазами видели женщины, как лютовал ненавистный враг. Каждый день гитлеровцы хватали и расстреливали коммунистов, работников советских учреждений. На западной окраине Рославля создали лагерь смерти. Там за колючей проволокой томились тысячи советских граждан. Сотнями умирали они от голода, болезней и пыток. В конце 1941 года Феня тоже потеряла мужа. Его арестовали и расстреляли только за то, что был членом партии...

Город внешне притих под фашистской пятой. Но только внешне: советские патриоты продолжали борьбу. На зданиях все чаще появлялись листовки. Горожане всячески уклонялись от работы. По ночам оккупанты передвигались по улицам только группами. Тех, кто рисковал выходить в одиночку, как правило, находили наутро с проломленным черепом.

В небольшом домике на Низинской улице обосновалась группа советских разведчиков. Хозяин дома, хорошо знавший Марию Шепкарину, порекомендовал ее в помощники. Ей стали поручать одно задание за другим. Вскоре по предложению Марии в разведгруппу вступила и Феня Бакутина, которая в свою очередь привлекла к работе комсомольцев Игоря Иванова, его сестру Зою, пожилую беспартийную женщину Клавдию Лагутину и других патриотов. Группа действовала энергично. Несколько меся-

цев командование Красной Армии получало от нее ценные сведения о размещении рославльского гарнизона и действиях оккупационных властей. По данным разведчиков, советские самолеты разбомбили колонну автомашин с боеприпасами в районе Козловки и здание, в котором гестаповцы устроили новогодний бал.

Но кто-то допустил неосторожность. Начальнику полиции донесли, что жена расстрелянного коммуниста Бакутина и ее подруга Шепкарина (о том, что они сами коммунистки, в городе знали немногие) общаются с подозрительными людьми. Личный секретарь начальника полиции, комсомолка, связанная с Феней, успела ее предупредить. Вместе с военными разведчиками Феня и Мария ушли в Ельнинские леса. Им посчастливилось встретить партизан полка имени Сергея Лазо. Все были зачислены разведчиками в одно из подразделений, а спустя два месяца разведчиков передали нашему отряду, который направлялся в район Рославля.

Раздобыв паспорта на имя жительниц деревни Хрипилево, Феня и Мария отправились в Рославль, якобы на свидание с мужьями, находившимися в лагере для военнопленных. Затея была весьма опасная, но пришлось рискнуть: только эти две женщины знали в городе нужных людей.

Глубокой ночью глухими переулками и огородами они пробрались на улицу Красинскую, где жила семья коммуниста Григория Ивановича Иванова. Полиция пока не тревожила Ивановых. Григорий Иванович сколотил крепкую подпольную группу из рабочих-железнодорожников. Кроме того, он руководил большой группой подпольщиков из числа молодежи.

Нашим разведчицам показываться в городе было нельзя, и их заменили молодые подпольщицы. За два дня девушки собрали все нужные данные о гарнизоне города и железнодорожном узле.

Через несколько дней Феня и Мария возвратились из Рославля. Вместе с ними для связи с отрядом Григорий Иванович Иванов прислал своего сына Игоря и комсомольца Володю Липинского. Игорь передал, что отец просит подробную информацию о положении на фронтах и ждет разрешения, чтобы направить в отряд часть комсомольцев-подпольщиков, которым дальше нельзя оставаться в Рославле. Получив все необходимое, ребята верну-

лись в город. Недели через две Игорь Иванов привел к нам семерых комсомольцев. А спустя день с Володей Липинским пришли еще семь человек.

По заданию Большой земли несколько групп наших разведчиков непрерывно наблюдали за движением автомашин противника по Варшавке и эшелонов по железной дороге. Их данные ежедневно передавались разведотделу фронта.

«Визитная карточка» партизан

Обещанных патронов и взрывчатки мы все еще не получили, хотя давно сообщили координаты площадки для приема грузов с самолета. Заниматься только разведкой и ждать у моря погоды больше было нельзя. Кезиков поручил своему заместителю Ключеву организовать засаду на Мглинском большаке. Прежде чем отправиться на задание, пришлось вывернуть все сумки и карманы у партизан. В лагере оставили лишь по пяти патронов на винтовку.

Ночью группа Ключева вышла к большаку и расположилась на облюбованном накануне месте. Вдоль широкой песчаной дороги стеной стоял лес, надежно прикрывавший партизан. На противоположной стороне простиралась большая поляна, расчерченная, как лист ученической тетради, бороздами, по которым пробивались молодые сосенки. Командир сам расставил бойцов и по очереди прилег у каждого пулемета: проверил, все ли в порядке. Подрывники из недавно созданной диверсионной группы поставили на проезжую часть дороги несколько немецких мин.

Все было готово, оставалось ждать. Миновал час, другой. В сторону Рославля прошли несколько женщин с узелками и самодельными корзинками. В обратном направлении пропылила крестьянская подвода с тремя полицаями. Кое у кого из партизан чесались руки, но полицейав пропустили: капитан Ключев строго приказал без команды не стрелять.

Но вот промчался мотоцикл с двумя гитлеровцами. Не успел затихнуть его треск, послышался тяжелый гул. Показался тупорылый грузовик с солдатами.

Партизаны застыли в напряженном ожидании, но

команды не последовало. Ключев ждал. Появилась вторая машина, за ней третья. Молнией сверкнул взрыв. Налетев на мину, подпрыгнул и опрокинулся первый грузовик. В тот же миг раздалась команда:

— Огонь!

Партизаны обрушились на врага. Только один водитель сумел затормозить и выскочить из кабины. Часть солдат с его машины успела залечь в кювете и открыть ответный огонь из пулемета и автоматов.

— За мной, Миша! — подымаясь, крикнул Ключев лежавшему рядом пулеметчику Свиридову.

Быстро перебежав через дорогу, они дали длинные очереди из пулемета и автомата вдоль кювета. Вражеский пулемет замолк. Оставшиеся в живых гитлеровцы бросились в лес. Но скрыться успели немногие. Короткая дневная стычка кончилась полной победой партизан. Быстро собрав трофеи, они углубились в чащу. Не потеряв ни одного человека, группа Ключева добыла два пулемета, почти три десятка автоматов, винтовок, пистолетов и, главное, больше трех тысяч патронов. Энергично шагавший впереди капитан Ключев нес, пожалуй, самую ценную для отряда добычу — немецкую топографическую карту интересовавшего нас района.

Об удачной засаде на большаке узнали местные жители. В лес потянулись люди в надежде попасть к партизанам. Одним из первых пришел коммунист из Ворги Дралкин. Он сообщил, что в поселке слышали перестрелку на большаке. К месту происхождения выезжал весь гарнизон Ворги.

— Что они делали там, не знаю. Кажется, возили убитых в Рославль. К вечеру вернулись, а с ними еще человек пятьдесят — подкрепление. Усилили охрану, сделали вышку и теперь наблюдают за большаком.

Как метко выразился Ключев, «визитная карточка» не осталась не замеченной оккупантами. Теперь, судя по всему, следовало ожидать ответного «визита».

Через несколько дней после удачной засады Ключева в отряд пришел рославльский коммунист Максимов, длительное время скрывавшийся в деревне, в двадцати километрах от Рославля. Рассказывая свою историю, он упомянул, что в районе Астапкович кроме гарнизона охран-

ных войск размещается какая-то военизированная дорожно-строительная организация. Там не то писарем, не то переводчиком работает поляк, молодой парень, о котором хорошо отзываются местные жители. Поляк хорошо говорит по-русски и вроде бы намекал, что не прочь податься к партизанам.

Нас заинтересовало это сообщение. Кезиков приказал разведчикам связаться с людьми, которых назвал Максимов. Проверка все подтвердила, но поляк, интересовавшийся партизанами, несколько дней назад исчез. Его усиленно разыскивают гитлеровцы.

Узнав это, мы насторожились. «Исчезновение» могло оказаться и инсценировкой фашистов, решивших заслать в отряд своего агента. Долго гадать, к счастью, не пришлось. На следующий день начальник караула доставил в штаб симпатичного молодого парня в поношенной немецкой форме. Парня задержали в лесной деревне Хрипилево партизаны другого отряда, располагавшегося далеко от нас. Не имея времени возиться, они передали его нашему посту, что был выставлен у дороги на Хрипилево.

Задержанный назвался Николаем Дьяконовым, поляком из Варшавы. Кезиков решил, как говорится, взять его на мушку.

— Какое задание вы получили от фашистов? — в упор спросил он.

— Я имел задание только своей совести. Я ненавижу германцев. Хочу воевать за свою родину. Давно ждал случая попасть к русским партизанам.

— А как узнали, где находятся партизаны? — сурово продолжал Кезиков.

— Партизаны недавно побили германцев на дороге, где есть Ворга, — ответил поляк, немного успокаиваясь. — Это сказал наш подофицер. Это знают и в деревне. Знакомая женщина подсказала, чтобы шел в Хрипилево.

— Предположим, вы говорите правду, — подключился я к разговору. — Но почему все-таки вы решили идти к партизанам, рисковать жизнью?

— Польша не будет свободной, если Россия не победит Германию. Я верю, русские разобьют Гитлера, как разбили Наполеона. Хочу воевать вместе с вами!..

Нелегко сложилась судьба этого человека. Отец его был русский, мать — полячка. Родился Дьяконов в Варшаве, рос без отца. Мать и бабушка научили мальчика

русскому языку, в школе кроме своего родного языка он освоил еще немецкий.

До войны Дьяконов работал в дорожно-строительной фирме. После оккупации Польши гитлеровцы быстро приспособили эту фирму к нуждам вермахта и в октябре 1941 года направили на Восток, в Россию. Прощаясь перед отъездом, мать заклинала:

— Не верь германцам, сынок!...

Крепко запомнил Николай слова матери. Далекий раньше от политики, парень стал все чаще задумываться о том, что творится в мире. Иными глазами взглянул на гитлеровцев, люто возненавидел их...

Мы поверили Николаю Дьяконову и решили принять его в отряд. Когда ему объявили, что может считать себя советским партизаном, парень прослезился от счастья...

На одной из лесных тропинок неподалеку от лагеря наш разведчик столкнулся с худым, давно не бритым мужчиной. На вопрос, кто он и куда идет, тот ответил, что идет в Орлиное Гнездо, а сам он из Ладыжино. От коммуниста Дралкина, вступившего в отряд две недели назад, разведчики знали, что квадрат леса, в котором расположился отряд, местные жители называют Орлиным Гнездом. Поэтому неизвестный показался разведчику подозрительным, он задержал его, обыскал и повел на ближайший пост.

Когда дежурный по штабу доложил о задержанном, я попросил доставить его в штаб. Передо мной стоял Кондрат Михайлович Соловьев — секретарь Рославльского райисполкома.

За несколько дней до оккупации района Соловьев был призван в армию. Часть, где он должен был служить, сразу попала в водоворот событий. Где-то на Брянщине Соловьев оказался в плену. При первом удобном случае бежал и уже в начале зимы пришел в свой район. Некоторое время Кондрат Михайлович скрывался у родственников и знакомых по деревням Ладыжинского сельсовета, где в свое время много лет был председателем.

Кто-то из предателей сообщил оккупантам о Соловьеве. Начальник полиции приказал разыскать и арестовать его, чтобы публично повесить, как был повешен помощник прокурора района Глумилин. Друзья успели предупредить Соловьева об опасности, и он ушел в лес. Там

провел остаток зимы, а с наступлением теплых дней стал упорно искать партизан...

Ранним утром 22 июля Андрей Коновальчук, одетый в немецкую форму, направился с двумя бойцами своего батальона в деревню Пустая Буда. Часть пути пролегла по Хотимскому большаку, который после подрыва моста на Ипути стал отличной партизанской дорогой. Отбросив предосторожности, партизаны в открытую зашагали по большаку. Не успели пройти и ста метров, из густых зарослей на противоположной стороне дороги раздался резкий окрик:

— Стой! Кто идет? — И тут же ударил пистолетный выстрел. Пуля цокнула по металлическому прикладу немецкого автомата, висевшего на груди Андрея.

— Не стреляй, балда! — крикнул Коновальчук.

Русское слово «балда», видимо, помогло опознать своих. Послышалась команда:

— Не стрелять! Всем оставаться на местах.

На дорогу вышел высокий молодой парень в армейской форме, держа наготове ППД.

Из разговора выяснилось, что незнакомцы, встретившие Коновальчука, — разведчики из партизанского отряда Щербакова, двигавшегося из Белоруссии.

Оперативный дежурный по штабу доложил, что Андрей Коновальчук возвратился и привел с собой четырех разведчиков из другого отряда. Весьма заинтересованные этой новостью, все, кто был в тот момент в штабе, вышли навстречу.

Отряд Щербакова

В ночь на 28 августа 1941 года в небольшом перелеске на Минщине приземлились шесть молодых москвичей-парашютистов. Федор Литвинов работал на Метрострое, Николай Щербаков был слесарем, Юрий Осадчий и Владимир Ермаченко учились в Институте инженеров железнодорожного транспорта, Василий Грачев служил в проектной организации, Виктор Сопрыкин был рабочим на заводе. Им было по девятнадцати-двадцати лет. По разным причинам не попав под мобилизацию, ребята настойчиво рвались на фронт и оказались в числе счастливчиков, которых Московский комитет комсомола рекомендовал для выполнения специальных заданий.

Все шестеро познакомились и крепко подружились в период подготовки в одной боевой группе. Командиром группы являлся Федор Литвинов. Федор Литвинов был старшим по возрасту, он получил боевую закалку в войне с Финляндией, хорошо владел оружием, отлично усвоил то, чему их учили перед вылетом за линию фронта. Подтянутый, собранный, внимательный и заботливый, Литвинов сразу полюбился ребятам.

Диверсионную группу переправили самолетом за линию фронта. Приземлились все удачно. Собравшись по условному сигналу Литвинова, ребята углубились в лес и надежно спрятали парашюты. Сориентировавшись за день на местности, группа следующей ночью совершила большой переход и через несколько дней обосновалась в лесу Пуховичского района. Вскоре нашим подрывникам удалось установить связи с местными жителями. В начале сентября на железной дороге Минск — Бобруйск была проведена первая диверсия, а спустя десять дней — вторая.

11 октября от мины подрывников потерпел крушение вражеский эшелон с живой силой, а еще через две недели под откос полетели шестнадцать вагонов с боеприпасами. Небольшие запасы взрывчатки, взятые с собой из Москвы, иссякли. Радиостанции в группе не было, а линия фронта передвинулась в Подмоскowie. Друзья повернули на восток. Но наступление зимы вынудило изменить это решение. Обосновавшись в Макеевичском лесу Климовичского района Белоруссии, недалеко от границ Смоленщины, комсомольцы создали базу на зиму и решили сколачивать партизанский отряд.

В самом начале своей деятельности группа пополнилась несколькими военными, выбиравшимися из окружения. Один из них, коммунист Сергей Калинович Мищенко, стал комиссаром.

Большую помощь молодым патриотам оказали жители белорусской деревни Макеевичи. Деревня эта поистине заслужила название партизанской. Почти все жители посылали в лес хлеб и продукты, многие выполняли партизанские поручения. Учительницы Нина Лукашенко, Лида Мироненко и их семьи вели разведку.

Самоотверженно действовали связанные Катюша Ковалева, учительница Мария Капитоновна Лукашенко и Надя Сильченко. Фельдшер Андрей Осипович Сантригай-

ло передал отряду сохраненный им радиоприемник. Глухими ночами в стужу и пургу этот старый, больной человек приходил в партизанский лагерь перевязывать раненых. Гитлеровцы заподозрили его в связях с партизанами и бросили в гестаповский застенок в Климовичах, но ничего не добились от патриота. Верной подругой Андрея Осиповича в подпольной работе была жена Екатерина Степановна. В суровую зиму 1941/42 года мать партизана Азаренкова и Акулина Зайцева, рискуя жизнью, некоторое время поочередно прятали у себя тяжело раненного бойца диверсионной группы Володю Ермаченко.

Часть жителей Макеевичей позднее пришла в отряд.

Поддержку и помощь находили партизаны и у жителей других белорусских и смоленских деревень.

Узнав об отряде через макеевичских патриотов, пришли и вступили в него скрывавшиеся партийно-советские работники Василий Степанович Давыдов, Осип Гайдаров, Павел Азаренков, Соловьев, Ковалев и другие.

В боевое ядро отряда вошли вчерашние красноармейцы и кадровые командиры Николай Балов, Николай Измашкин, Федор Миляев, Петр Гуськов, Яков Мироненко, Николай Бушин, Иван Валаев, Филипп Щекин, Сергей Поваляев и многие другие. Лейтенанты Красной Армии саперы Черезов и Фомченко приняли активное участие в диверсиях.

В феврале оккупанты бросили против группы крупный карательный отряд. Пришлось оставить насиженную базу в Макеевичском лесу, переправиться через Ипуть и остановиться в Заведенском лесу, на территории Ершичского района. Через несколько дней каратели нагрянули и сюда. В жаркой схватке партизаны разгромили их, но дорогой ценой... В бою героически погиб командир отряда Федор Литвинов. Трудно было пережить эту тяжелую утрату партизанам, особенно пятерке москвичей. Они поклялись над могилой отомстить фашистам. Командование принял комсомолец Николай Щербаков. А спустя несколько дней отряд переправился через Ипуть и снова вернулся в Макеевичский лес.

Ненависть к фашистам словно бы придавала патриотам новые силы. Все чаще гремели взрывы на вражеских коммуникациях. Беспощадно истребляли народные мстители фашистских ставленников — бургомистров и поли-

цаев. Верно служил партизанам радиоприемник фельдшера Сантригайло. Вместе с другими коммунистами Василий Степанович Давыдов организовал регулярный прием сводок Совинформбюро, их размножение и рассылку в населенные пункты Климовичского района. Сопротивление населения оккупационным властям усиливалось с каждым днем, помощь партизанам росла и крепла.

К лету 1942 года отряд Щербакова вырос до ста человек и имел хорошее вооружение — два батальонных миномета, четыре станковых и полтора десятка ручных пулеметов, много автоматов. На счету партизан значилось четырнадцать диверсий на железных дорогах, в результате которых было разбито одиннадцать паровозов и сто восемнадцать вагонов, двадцать шесть автомашин, подорванных или уничтоженных из засад, двести шестьдесят пять убитых оккупантов. Оставаться дальше в небольшом Макеевичском лесу было нельзя. Посоветовавшись с людьми, командование решило передвинуть отряд в другое место.

Новый батальон

Меня заинтересовал отряд, знавший соседние с нами районы Белоруссии. Он мог быть очень полезен нам. Вот бы объединиться! Кезиков, Винокуров и Ключев придерживались того же мнения.

На вопрос Кезикова, куда следует отряд, старший из разведчиков Василий Грачев сдержанно ответил:

— Это известно командованию. Мне поручено разведать обстановку и подобрать место для временной стоянки.

— Почему временной?

— Так сказал командир.

— Молодец, осторожен, как и положено разведчику, — похвалил Кезиков. — Передай командиру, что я советую расположиться по соседству — на другой стороне поляны, у речушки. Наши ребята покажут место. А еще передай, что командование отряда имени Сергея Лазо будет очень радо, если командиры и политработники вашего отряда придут к нам на обед к пятнадцати часам.

Мы немедленно собрали командный состав и детально обговорили, как принять гостей. Коновальчук должен был в своем батальоне устроить обед. Ключеву предстояло в

ходе встречи рассказать о боевых делах партизанского полка имени Сергея Лазо, частью которого мы являемся, мне и Винокурову — о делах на Большой земле.

Гости появились точно в назначенный час. Сердечно поздоровавшись, мы предложили им познакомиться с лагерем. Я внимательно присматривался к Николаю Щербакову. Очень молодой, невысокий, коренастый шатен, глаза большие, серые. Одет, что называется, с шиком: довольно свежая офицерская форма, ремни крест-накрест, на одном боку огромный маузер в деревянной кобуре, на другом — планшет. Он больше молчал, внимательно ко всему присматриваясь, и почему-то показался мне несговорчивым.

Предложение объединиться было выслушано благоклонно. Обед, организованный Андреем, удался. Атмосфера была теплая, дружеская. И во время обеда, и после него гости проявляли ко всему огромный интерес. Расставаясь, Щербаков сказал:

— Ваше предложение объединиться мы понимаем, но ответить сейчас не можем — надо серьезно все обдумать, посоветоваться с людьми.

Я воспринял эти слова как вежливый отказ, и горячо ухватился за предложение Щербакова познакомиться с их отрядом, хотя время шло к вечеру.

Встреча с партизанами отряда Щербакова показала, что мои опасения были напрасными. И Щербаков, и Мищенко, и Давыдов, и другие товарищи правильно понимали обстановку, считали необходимым создавать крупные боевые единицы в тылу врага.

В этом я убедился с первых минут встречи. Представив каждого, Щербаков очень похвально охарактеризовал наш отряд, затем сказал:

— Командование отряда имени Сергея Лазо предлагает присоединиться к ним. Давайте посоветуемся и решим.

Первым высказался «за» комиссар отряда Мищенко, за ним Давыдов, Осадчий, Грачев.

— Мы единодушно принимаем ваше предложение! — подытожил Николай Щербаков. — Будем громить фашистов вместе!

Через час был подписан приказ о присоединении отряда Щербакова к нашему отряду на правах 2-го батальона.

ЕЩЕ ОДИН ОТРЯД

Желанные гости

а наши посты все чаще натыкались разведывательные и диверсионные группы партизанских отрядов, действовавших на границе Смоленщины и Брянщины. От них стало известно, что в северной части Клетнянских лесов, примыкающих к Ершичским, базируются отряды Данченко, Рощина, Озернова и Толочина. В отряде Озернова, как нам рассказывали, находилась основная часть партийного актива Ершичского района. Комиссаром отряда был председатель райисполкома В. А. Свиридкин.

Чтобы успешно выполнить задание обкома партии, нам нужны были люди, хорошо знавшие Ершичский район и его жителей. Поэтому мы стали усиленно думать, как встретиться с озерновцами.

Воспользовавшись удобным случаем, я послал Свиридкину записку: передал привет от руководителей области, сообщил, что наш отряд прибыл в район Рославля по поручению обкома и что нам необходимо встретиться в самое ближайшее время. Я был уверен, что, получив записку, Свиридкин, оторванный от Большой земли с первых дней оккупации области, захочет немедленно повидать человека, недавно прибывшего из-за линии фронта. Свиридкин знал меня еще до войны по комсомольской работе. А за несколько дней до оккупации я был в Ершичском районе вместе с секретарем обкома партии Пайтеровым, проверявшим готовность местных коммунистов к подпольной и партизанской борьбе с врагом.

Я не ошибся. Через несколько дней Свиридкин, командир отряда Озернов, его заместитель Лазарев и врач Костенко были нашими гостями. Невольно бросался в глаза контраст во внешности комиссара и командира. Высокий, могучего телосложения, с крупными, приятными чертами лица, сорокалетний Владимир Акимович Свиридкин всем

своим обликом являл полную противоположность маленькому, щуплому Анатолию Озернову. В фигуре командира не было вроде бы никакой внушительности. Только пронизывающий взгляд его больших черных глаз говорил, что этот человек не по воле случая оказался во главе отряда.

Мы сделали все, чтобы гости почувствовали наше искреннее уважение.

Оставаясь время от времени с глазу на глаз со Свиридким, мы вспоминали общих знакомых. Особенно его интересовало, кто из руководителей других районов где воюет, кто был на пленуме обкома... Владимир Акимович долго рассматривал удостоверение, подписанное Поповым и подтверждавшее, что я прибыл в южные районы по особому заданию обкома. Я намекнул, что это задание имеет отношение и к нему, но об этом речь пойдет впереди, когда последуют дополнительные указания...

В тот день наша радиостанция впервые получила прямую связь с недавно созданным Западным штабом партизанского движения. Радист Чуприн принес радиограмму, в которой Попов, уже как начальник штаба, сообщал, чтобы мы были готовы принять самолеты. На Озернова и Свиридкина эта радиограмма произвела сильное впечатление.

— Значит, Попов теперь в двух должностях? — спросил Свиридкин.

— В трех, — поправил я. — Секретарь обкома, начальник Западного партизанского штаба и член Военного совета фронта.

— Это хорошо, — сказал Владимир Акимович. — Теперь он больше будет помогать партизанам.

Ночью над лагерем впервые появились два советских самолета. Сориентировавшись по кострам, они сбросили нам в указанном месте груз. Не дожидаясь рассвета, мы распаковали тюки. С восторгом пересчитали несколько раз ящики с патронами, толовые шашки, взрыватели, автоматы, гранаты. Начальник штаба Данильченко тщательно перемерил стаканом махорку и определил, что можно выдать по полстакана на человека да кое-что останется в резерве командования. Винокуров рассортировал газеты для каждого подразделения. Весь лагерь радостно гудел.

На рассвете к штабному шалашу подошли гости.

Крепко пожав нам руки, Озернов без всяких вступлений заявил:

— Мы решили присоединиться к вашему отряду, пишите приказ.

Трудно было поверить, что вот так просто семья лазовцев увеличилась сразу на две сотни хорошо вооруженных бойцов.

— Очень рады такому решению, — ответил я за всех, — будем громить фашистов вместе!

Так отряд Озернова стал 3-м батальоном объединенного отряда Сергея Лазо. Приказ подписали тут же. Командиром батальона был назначен сержант Озернов, комиссаром — старший политрук Свиридкин, начальником штаба — подполковник Коротченков.

Перед отъездом Озернов спросил, можно ли ему провести подготовленный отрядом налет на немецкий гарнизон села Корсики.

— Действуйте, как наметили, — охотно согласился Кезиков. — Если нужны патроны, можете прихватить.

— Это будет очень кстати! — обрадовался Озернов.

— Махорочкой для наших ребят меня уже снабдили. — весело подмигнул Лазарев.

— Ну а я вместо медикаментов повезу газеты, — сказал Костенко. — Это лекарство нам крайне необходимо.

Расставаясь, мы условились, что в ближайшие дни подъедем в батальон, познакомимся с людьми и решим, где лучше расположить лагерь. Проводив новых товарищей по оружию, я вернулся в лагерь и забрался в свой шалаш. Спать не хотелось. Я был, что называется, на седьмом небе: первая часть задачи, поставленной обкомом, была решена — крупный отряд уже создан. Теперь предстояло развернуть в полную силу боевые действия в тылу врага.

Неукротимая воля

Отряд Озернова был одним из первых партизанских отрядов, созданных на юге Смоленщины. История самого сержанта Озернова, отражающая неукротимую волю советских людей к победе, типична для тех лет.

...Предельно уставший от всего, что пришлось увидеть и пережить, вторую неделю шел на восток Анатолий Озернов.

На 22 июня было у Анатолия назначено свидание с любимой, свидание, которому предстояло изменить всю его жизнь... Но не суждено было состояться этой встрече. Часть, в которой служил сержант, подняли по тревоге в шесть утра. Со стороны Бреста отчетливо слышалась артиллерийская канонада, доносились разрывы авиабомб...

Получив тяжелую контузию во время бомбежки, Анатолий Озернов отбился от части и оказался за линией фронта. Решив во что бы то ни стало добраться к своим, он упорно шел на восток. Огибая населенные пункты, занятые врагом, шел без пищи, но с оружием. Всячески старался сохранить в порядке свою солдатскую форму со знаками различия сержанта.

Где-то на Минщине Озернов встретил молодого военврача Костенко, который тоже служил на западной границе. В первый день войны полк, в котором Костенко был младшим врачом, вступил в тяжелые оборонительные бои, а в начале июля попал в окружение. Основным силам после кровопролитного боя удалось вырваться из вражеского кольца. Военврач отстал: на его руках умирал лейтенант. Костенко понимал, что спасти раненого невозможно, но поступить иначе не мог. Похоронив товарища, он с тяжелым сердцем, но с чистой совестью стал в одиночку пробираться к своим. Тут и произошла встреча с Озерновым. Они решили не расставаться ни при каких обстоятельствах.

Дороги войны привели друзей на Смоленщину. В середине сентября в Никулинском лесу они столкнулись с группой таких же, как они, военнослужащих, возглавляемой пожилым человеком, назвавшим себя полковником Хлебцевым. С ним был товарищ в штатском — заместитель председателя Ершичского райисполкома Рыков, оставленный райкомом партии для ведения подпольной работы. Хлебцев и Рыков решили создавать партизанский отряд и предложили Озернову и Костенко присоединиться. Те без колебаний согласились.

Рыков хорошо знал местных жителей. Отряд быстро пополнялся людьми. Можно было начинать боевые действия.

В начале октября двенадцать партизан под командой Озернова напали на небольшой гарнизон оккупантов в деревне Забелышино. На местном маслозаводе, обслужи-

ваемом хозяйкомандой, партизанам удалось захватить много крайне нужных продуктов.

Через несколько дней группа под командованием Хлебцева разбила из засады немецкую машину. Озернов и Костенко записали в этом бою на свой счет по одному уничтоженному гитлеровцу.

Спустя несколько дней километрах в десяти от стоянки отряда совершил вынужденную посадку фашистский самолет. Партизаны подоспели к нему раньше, чем техпомощь, и распорядились по своему усмотрению: пулемет сняли, а машину сожгли.

К началу ноября в отряде насчитывалось уже двести семьдесят человек. Полковник Хлебцев решил вести его через линию фронта. Все поддержали это решение: за немногим исключением, отряд состоял из военнослужащих. Лесными чащобами без боев партизаны пересекли Ершичский и Дубровский районы, беспрепятственно переправились через Десну и вышли к железной дороге Брянск — Рославль северо-восточнее станции Жуковка.

Готовясь ночью перейти железную дорогу, Хлебцев приказал командиру конного взвода Озернову объехать населенные пункты, стоявшие на пути. С наступлением темноты взвод отправился на разведку. Охраны на железнодорожной линии в месте предполагаемого перехода не оказалось. Отправив в отряд двух разведчиков с донесением, Анатолий оставил часть людей на месте для наблюдения, а с остальными пересек железную дорогу и, миновав небольшой кустарник, приблизился к деревне, за которой чернел лес. Разведчики остановились, чутко прислушались: ничего подозрительного.

Двинулись дальше. Но не проехали пятидесяти метров, как тишину разорвали пулеметные и автоматные очереди.

— Засада! Назад! — крикнул Озернов и, круто повернув лошадь, поскакал к переезду.

Или разведчики не попали в темноте к тому месту, где оставили часть своих товарищей, или те снялись, не дождавшись команды, только Озернов со своей группой никого на дороге не нашел. Бросились в деревню, где оставили отряд, но его там уже не было. Хозяин дома, в котором находился Хлебцев, сказал, что все ушли в лес. Пытаясь догнать отряд, помчались к лесу, в котором были

только вчера. Почти в тот же час в деревню вошла большая колонна гитлеровцев.

Три дня двенадцать разведчиков взвода Озернова, в числе которых были Костенко и Рыков, безуспешно искали следы отряда. По всей видимости, партизаны успели проскочить через железную дорогу. Рыков убедил всех вернуться в Ершичский район. В конце ноября разведчики добрались до леса неподалеку от деревни Мостицкое и начали создавать здесь базу на зиму. Решено было прекратить попытки перехода через линию фронта и бить врага на месте. Командиром единодушно выбрали Озернова, комиссаром — Рыкова.

Прежде всего позаботились о продовольствии. Четыре партизана во главе с Костенко отправились в одну из деревень Прыщанского сельсовета, где, по предположению Рыкова, не была эвакуирована часть скота. Рыков оказался прав: перед приходом оккупантов по просьбе правления колхоза крестьяне распределили между собой свиней и овец и сохраняли их для партизан. Посланцев из леса приняли радушно. Для них тут же прирезали и освежевали здорового кабана, взвалили его на подводу, пожелали ребятам счастливого обратного пути. И все бы, возможно, обошлось благополучно, прислушайся Костенко к предупреждению жителей и прими меры предосторожности. Он же спокойно выслушал, что в Прыще назначен новый бургомистр — кулацкий сынок, недавно вернувшийся из заключения, и что в полицию он подобрал таких же, как сам, уголовников. В общем, поездка закончилась печально. Ребята напоролись на засаду полицейских. Костенко и Шарипов получили ранения, а Виктор Михайлов погиб в перестрелке.

Возвратившись на базу, Костенко честно доложил о случившемся. Партизаны поклялись отомстить за погибшего товарища.

— Первой нашей боевой операцией, — заявил Озернов, — будет разгром прыщанской полиции.

Коммунисты Ершичского района

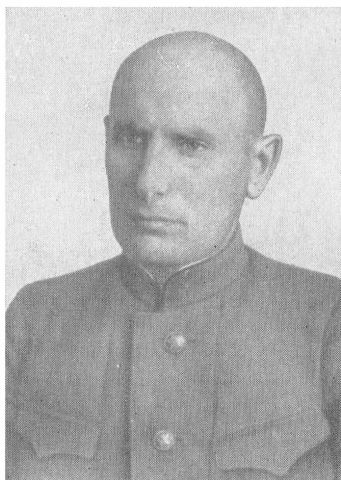
...Появление группы Озернова в лесной части Ершичского района ускорило процесс собирания сил и развертывания партизанских действий. Вылазка четверых пар-

И. В. Щербаков и Ю. П. Осадчий

К. М. Соловьев

П. Д. Костенко

Лазовцы М. П. Коршунов, С. Е. Рыков, А. Н. Трунов,
П. В. Михалев, К. Е. Посовец (слева направо)

Р. С. Анодин

А. Я. Данильченко

тизан в деревню, закончившаяся так неудачно, послужила как бы сигналом для всех, кто жаждал борьбы с ненавистным врагом.

Обстоятельства сложились так, что в момент оккупации района ершичские коммунисты не сумели организовать в отряд, хотя и были к этому подготовлены. Был определен состав отряда, каждому, кого включили в него, сказали, куда направиться в случае отхода наших войск.

Узнав, что гитлеровцы захватили ближайшую к Ершичам станцию Понетовка, а чуть позднее и Рославль, руководители района собрали нужных людей. Уходить в лес никто не спешил. Куда торопиться? Это можно сделать в самый последний момент. Раскинувшееся на правом берегу Ипути село Ершичи с трех сторон окаймлено лесом. На противоположном берегу реки поднималась стена леса, протянувшегося на десятки километров.

На исходе дня 8 августа по селу начала бить вражеская артиллерия. В райком примчался выставленный в деревне Танино наблюдатель и сообщил, что немцы находятся в двух километрах. Посоветовавшись с командиром части, оборонявшей село, секретарь райкома дал команду коммунистам двигаться за Ипуть, в Сукромлянский лес. Добраться до леса им не пришлось. Через три-четыре километра лоб в лоб встретились с вражеской колонной. Люди шарахнулись с дороги в лес. Открытый оккупантами сильный огонь из пулеметов и автоматов гнал их все дальше в лес...

А над лесом быстро сгущались сумерки. Ершичские коммунисты не собрались снова ни этой ночью, ни в последующие дни. Кое-кому удалось податься на восток или влиться в отходившие с боями части. Большинство же остались в родном районе, укрылись в глухих лесных деревушках у дальних родственников, знакомых, а иногда и у совсем незнакомых, но добрых и верных людей, начали осторожно нащупывать связи друг с другом.

Никогда не забудут бывшие партизаны лесника Денгубовского лесничества Романа Семеновича Анодина. Давно перевалило Роману Семеновичу за пятьдесят, но был он крепок и неутомим. Окрестные леса знал как свои пять пальцев. В его доме на хуторе Лузганки, у самого леса, побывало много военнослужащих, местных коммунистов, и всем им Анодин помогал, чем мог. Не одну группу военных провел он к линии фронта.

Одним из первых встретил Роман Семенович коммуниста Михалева, посланного в первые дни войны руководить Прыщанским сельсоветом. Помогал ему продуктами, не раз давал приют. В одну из темных осенних ночей к леснику зашли бывший заведующий райзо Носовец (перед войной переведенный в Вязьму, а затем посланный сюда обкомом) и начальник районной милиции Бобков. Анодин накормил гостей, дал продуктов в дорогу, подсказал, где лучше обосноваться в лесу. А через несколько дней свел с ними Михалева.

Услышав о нападении прыщанской полиции на приехавших в деревню партизан, Роман Семенович поспешил разыскать их. Несколько дней кружил он по лесу и обнаружил отряд Озернова. О своем открытии сообщил группе Носовца, и она немедленно отправилась по указанному «адресу». Именно Роман Семенович указал путь в отряд Свиридкину, председателю Сукромлянского сельсовета Коршунову, учителю тросно-исаковской школы Трунову...

Один за другим к Озернову пришли Лазарев, братья Родивилины, Пантелеев и многие другие коммунисты.

Озернов и Рыков с радостью принимали пополнение. С появлением в отряде районных работников, хорошо знавших местность, быстро расширялись связи с населением, улучшалось положение с продовольствием.

Озерновцы сдержали слово: накануне нового года разгромили прыщанскую полицию. Побывав в селе, Михалев узнал, что на 30 декабря назначено совещание полицейских и старост и что проводить его будут бургомистр волости и какой-то чин из районной управы. В полдень к дому, где шло совещание, лихо подкатил возок с тремя седоками. Одним из седоков был сам Озернов, одетый в немецкую форму. У двух других на рукавах белели повязки полицейских. Распахнув дверь настежь, Озернов, сопровождаемый друзьями, решительно шагнул в дом, держа руку на расстегнутой кобуре.

— Рус? Партизан?! — гаркнул он.

Увидев представителя власти, полицейские вскочили как по команде. Бургомистр поспешил рассеять недоразумение:

— Никс! Никс! Мы полицейские, полицейские!

— Полицейские? Тогда получай! — ответил Озернов, стреляя в упор.

Почти одновременно ударили еще два партизанских

выстрела. Фашистские прислужники бросились к окнам и двери. Но у дома их ждал подоспевший Свиридкин с десятком партизан.

Хороший урок был дан в Прище предателям. Из Сукромли, Алексеевки и некоторых других населенных пунктов полицаи сбежали в Ершичи. Многие из тех, кого оккупанты силой возвели в «чины», охотно вступали в связь с партизанами.

Владимир Акимович Свиридкин

С первых дней появления Свиридкина в отряде партизаны прониклись к нему большим уважением. Вначале, правда, Озернов и Рыков держали себя с некоторой настороженностью. Озернов боялся, что председатель местного райисполкома попытается проявить власть, а Рыков сомневался, будет ли Свиридкин подчиняться своему бывшему заместителю. Но все опасения быстро рассеялись. Принятый в отряд рядовым бойцом, Свиридкин отличался исключительной дисциплинированностью, охотно выполнял все задания, в дела командования не вмешивался.

И все же окружающие очень скоро разглядели в нем черты, необходимые руководителю. Он внимательно присматривался к людям, чутко улавливал настроение. С большим тактом направлял мысли и поступки партизан. В трудный момент умел присказкой, анекдотом, песней развеять мрачные мысли, поднять дух. Поэтому ни для кого не было неожиданным, когда в один из январских вечеров Озернов, собрав отряд, объявил, что надо сообща решить очень важный вопрос.

— Давайте потолкуем о комиссаре, — начал он. — Мне уже не один человек предлагал выбрать комиссаром Свиридкина. Я поддерживаю это предложение, хотя не могу сказать ни одного дурного слова о нынешнем нашем комиссаре Рыкове. Мы с ним вместе прошли немало, создавали отряд, человек он хороший, но как комиссар — слабоват. По-моему, он и сам понимает, что Свиридкин лучше справится с этими обязанностями. Я согласен с коммунистами, которые считают, что комиссаром должен быть Владимир Акимович Свиридкин. У кого какие мнения?

— Свиридкин подойдет!

— Других мнений быть не может!

— Тогда проголосуем.

Свиридкина выбрали единогласно. Владимир Акимович сердечно поблагодарил за доверие и сказал, что не сложит оружия, пока не наступит час победы.

...Первый серьезный бой с оккупантами партизаны Озернова и Свиридкина провели в деревне Мостицкое 13 февраля 1942 года. Накануне поступило сообщение от верных людей, что оккупанты посылают против партизан карательный отряд из ста гитлеровцев и пятидесяти полицейских. У Озернова в то время числилось сорок два человека.

Всесторонне оценив обстановку, Озернов и Свиридкин решили встретить карателей в деревне Мостицкое. Через нее пролежала единственная дорога к отряду. Снегу в ту зиму навалило столько, что проехать к лесу в других местах было невозможно.

Деревенские хаты, по окна занесенные сугробами, протянулись вдоль ручейка, который под острым углом пересекал дорогу. У самой дороги стояло только три хаты. Чуть дальше, по другую сторону дороги, возвышался на бугре большой колхозный сарай.

Место для засады оказалось весьма подходящим. Прибыв еще затемно, группа партизан во главе со Свиридкиным с единственным пулеметом засела за сараем. Отряд под командованием Озернова, замаскировавшись, расположился за домами. Жители были предупреждены. Со стороны в этот утренний час деревня выглядела вполне мирно. Высоко поднимался дым над печными трубами, на улице и во дворах мелькали женщины с ведрами и охапками сена.

Мороз стоял знатный. Кое-кому из партизан пришлось оттирать снегом щеки, нос, уши. Но долго ждать не пришлось. Из-за пригорка на дороге показалась вереница подвод. На каждой кроме ездового-полицая сидели по три гитлеровца. Головы и шеи у них были обмотаны теплыми женскими платками, детскими одеялами.

Партизаны напряженно ждали... Помнили: первым начинает пулемет. Свиридкин прилег около пулеметчика Воробьева и тихо предупредил:

— Подпустим как можно ближе.

Всматриваясь в приближавшуюся вражескую колонну, Свиридкин невольно начал считать. Насчитал двадцать

подвод, а конца обоза не видно. «Жаркое будет дело, — подумал комиссар, — как бы у ребят не сдали нервы. Если вылезем из укрытия, всех перебьют». Передняя подвода поравнялась с хатой у дороги. «Пора», — решил Свиридкин и громко скомандовал:

— Батальон — огонь!

В трескотню пулемета вплелись винтовочные залпы. Рухнуло несколько лошадей. Вытянувшаяся на дороге колонна была отличной мишенью. Кое-кто из ездовых попытался повернуть обратно, но лошади, сойдя с дороги, по брюхо проваливались в снег, беспомощно барахтались и вскоре, обессилев, затихали. Чтобы вызволить их, надо было немедленно распрягать, но сейчас было не до того.

Немного опомнившись, гитлеровцы залегли за трупами лошадей, санями и открыли бешеный огонь из пулеметов и автоматов. Сраженный пулей, упал председатель Сукромлянского сельсовета Бейман. Ответный огонь партизан почти прекратился. Немцы тут же поднялись в атаку, но их встретил дружный залп из винтовок и длинная пулеметная очередь.

Бой длился уже больше двух часов. Патроны у партизан кончались. Надо было отходить. Озернов приказал начальнику штаба отводить людей к лесу. А сам вдвоем с Костенко перебрался к крайнему дому, поближе к группе Свиридкина, прикидывая, как бы отвести ее с открытого места.

Стойкость партизан и двадцатипятиградусный мороз сделали свое дело. Каратели повели яростный огонь и под его прикрытием начали отходить. В минуты затишья ездовым удалось повернуть уцелевших лошадей, подобрать трупы и раненых. Партизаны не пожалели последних патронов: их пулемет прибавил прыти оккупантам.

Весть об этой стычке, о том, как партизаны проучили фашистских карателей, быстро разнеслась по округе.

Тимофей Михайлович Коротченков

К середине марта отряд Озернова насчитывал более семидесяти человек, а к концу месяца увеличился еще почти на два десятка бойцов — влилась группа подполковника Коротченкова.

Тимофей Михайлович Коротченков родился и вырос в бедной крестьянской семье, в деревне Сосонки, недалеко от Ершичей. Отслужив действительную службу, так и остался в армии: как отличного солдата, Коротченкова рекомендовали в военное училище. Успешно закончив училище, он стал кадровым командиром.

За пятнадцать лет Тимофей Михайлович прошел путь от солдата до заместителя командира полка. Трудно сказать, как бы сложилась его дальнейшая военная судьба, если бы...

Сдав партийный билет секретарю дивизионной партийной комиссии, простившись с семьей, Коротченков экспрессом Брест — Москва выехал на Черноморское побережье Кавказа. Не каждый год удавалось командирам отдыхать на курорте.

В воскресенье 22 июня 1941 года Тимофей Михайлович, как обычно, сразу после завтрака ушел к морю и далеко уплыл на лодке. В полдень, воротясь на берег, он узнал страшную вестъ: началась война! Наскоро переодевшись, бросился на вокзал. Там творилось что-то неусветное. Военный комендант станции помог командиру сесть на ночной поезд. Теперь Коротченков был уверен, что через трое суток будет в своей части. Но попасть туда ему не пришлось...

Скорый курортный поезд держали на каждой остановке: на запад непрерывно шли воинские эшелоны. Выехать из Москвы тоже оказалось не просто. Проторчав несколько дней на Белорусском вокзале, Коротченков решил попытать счастья другим путем. Он сел на пригородный поезд и поехал до Можайска, полагая, что оттуда будет легче двигаться дальше. Здесь ему и в самом деле повезло: сумел пристроиться к эшелону и сравнительно быстро добрался до Смоленска.

На станцию Смоленск эшелон прибыл в ночь на 29 июня, когда на город был совершен первый массированный налет вражеской авиации. Особенно пострадала станция. Утром Коротченков разыскал военного коменданта, попросил помочь добраться до Бреста.

— Опоздал, батенька, — ответил пожилой майор с воспаленными от бессонницы глазами. — Брест оставлен...

— Не может быть!..

— Не верите, идите к начальнику гарнизона.

Начальник Смоленского гарнизона полковник Малы-

шев подтвердил, что в Брест Коротченков попасть уже не сможет, и приказал остаться в Смоленске. Через несколько дней он был назначен заместителем командира только что сформированной части.

Однажды ночью часть бросили на ликвидацию немецкого десанта. Операция по разгрому гитлеровцев, уцепившихся за клочок советской земли в районе Ярцево, затянулась на несколько дней, но десант был разбит. В это время развернулось Смоленское сражение, похоронившее планы Гитлера на быстрый захват Москвы.

Больше двух месяцев кипели ожесточенные бои. Часть, в которой находился Коротченков, оказалась раздробленной. С группой солдат и командиров численностью до роты он стал пробиваться к своим. Не одну неделю шли они по лесам и болотам, ускользая от противника, и почти достигли цели. Но у самого рубежа на дневке их обнаружили и накрыли сильным минометным огнем. С большими потерями еле успели отойти и укрыться в лесу...

Дальше пошли только те, кто мог передвигаться без посторонней помощи. С Коротченковым осталось несколько человек. Много дней колесили они у линии фронта, но всякий раз, когда пытались пересечь ее, их постигала неудача. Отказываться же от своего намерения никто не хотел.

Вскоре гитлеровцы перешли в новое наступление. Горстка людей, попавших в окружение, устремилась вслед за наступавшими вражескими войсками. Но фронт откатывался на восток быстрее, чем они могли передвигаться по наводненной гитлеровцами территории. Группа Коротченкова достигла уже района Вязьмы, прошла его. А фронт откатывался все дальше.

Наступили осенние холода. Ночевать у костра, укрываться в стогах сена становилось все труднее. Надо было принимать какое-то другое решение. И Коротченков решил остаться за линией фронта. Вместе с попутчиками он направился в родную деревушку Сосонки. Некоторое время скрывался у двоюродной сестры. Она помогла связаться с надежными людьми. Тимофей Михайлович мечтал обстоятельно все подготовить и создать сильный отряд, но вынужден был поторопиться — подозрительно часто стал навещать Сосонки и дом, где он скрывался, полицей из Ершичей.

Студеной ночью Коротченков с группой в четырнадцать человек ушел за Ипуть, в Морюковский лес. Работали здесь не разгибаясь. От лома и кирки на ладонях вздулись кровавые мозоли. За несколько дней оборудовали теплую, надежную землянку. Начали боевые вылазки против оккупантов. А тут как раз дошел слух о бое партизан в Мостицком. Коротченков сагитировал товарищей присоединиться к отряду Озернова. Никто не заметил даже тени обиды или недовольства, когда Озернов назначил подполковника Коротченкова командиром отделения. Самым добросовестным образом выполнял он свои обязанности.

Как только чуть подсохло после весенней распутицы, Коротченков попросил разрешения совершить небольшой рейд по району. Озернов и Свиридкин охотно согласились, и он с двадцатью партизанами отправился в путь.

На лесной дороге, ведущей к Ершичам, группа Коротченкова подорвала немецкую танкетку с офицером, перебила сопровождавших офицера полицаев. Партизанам достались станковый пулемет, полтора десятка винтовок и много патронов. Тремя днями позднее на Мглинском большаке партизаны уничтожили из засады пять гитлеровцев из полевой жандармерии. А еще через несколько дней на дороге Понетовка — Ершичи подорвали легковую машину, мотоцикл и семь фашистов, в том числе трех офицеров. Возвращаясь в отряд, люди Коротченкова подняли на воздух Краснопольский мост через Ипуть, разгромили полицию нескольких волостей...

После рейда Тимофея Михайловича назначили командиром роты.

Дерзкие вылазки озерновцев не остались незамеченными. Немецкий гарнизон в селе Корсики получил задание выяснить местонахождение партизан и уничтожить их. Об этом стало известно командованию отряда. Коротченков предложил не ждать нападения врага, а встретить карателей в самом начале их пути.

Усиленная людьми, рота Коротченкова покинула лагерь и обосновалась в лесу, в четырех-пяти километрах от села Корсики. Ротный организовал круглосуточное наблюдение за переправой через Ипуть и дорогой, по которой, как он предполагал, пойдут немцы. А сам, не теряя времени, принялся обучать своих партизан бою из засады

на лесной дороге. Гонял людей, что называется, до седьмого пота.

В перерыве между занятиями Коротченков с командирами взводов побывал на дороге из села Корсики на Прыщу, облюбовал подходящую для засады поляну, определил место каждому взводу и разъяснил его роль в предстоящей стычке.

Рано утром разведчик, наблюдавший за Корсиками, доложил, что еще затемно немцы вышли из села, переправились через Ипуть, углубились в лес и идут по дороге на Прыщу. Партизаны двинулись наперерез. Времени оказалось вполне достаточно, чтобы загодя выйти к месту засады и расположиться там.

Совершенно прямая в этом месте дорога просматривалась довольно далеко. Не прошло и получаса, как показались три автоматчика. Их пропустили. Ничего не заподозрив, эти трое прошли вдоль всей цепи партизан, укрывшихся в молодом ельнике. Через несколько минут показалась колонна солдат, их было человек восемьдесят. Подпустив карателей вплотную, Коротченков командовал:

— Огонь!

Вспыхнул скоротечный ближний бой. На гитлеровцев обрушился ливень свинца.

Стычка длилась около пятнадцати минут. На поле боя осталось шестьдесят четыре вражеских трупа, три пулемета, десятки винтовок и автоматов.

Партизаны потеряли двух товарищей. Одним из них был начальник штаба отряда Михаил Хохлов. Это омрачило радость победы...

Гибель карательного отряда послужила серьезным предупреждением для тех, кто уверовал в незыблемость власти оккупантов. Из всех населенных пунктов с левого бережья Ипути фашистские ставленники или сбежали в Ершичи или попросту скрылись. По инициативе Свиридкина командование отряда воспользовалось этим, чтобы восстановить Советскую власть в ряде сельсоветов. Партийная организация рекомендовала проверенных товарищей председателями пяти сельсоветов. В Бояркинский сельсовет назначили Носовца, в Тросно-Исаевский — Трунова, в Сукромлянский — Коршунова, в Прыщанский — Михалева, в Алексеевский — Кантанистова. Из стариков, подростков и бездетных женщин председатели сельсоветов быстро создали группы самообороны. В колхозах было

восстановлено прежнее или избрано новое руководство. Оккупанты из Ершичей и Корсик, куда прибыл новый гарнизон, за Ипуть больше не совались.

К середине лета в отряде Озернова насчитывалось более ста пятидесяти человек. Назначенный начальником штаба отряда, Коротченков все чаще думал: надо проводить более крупные операции, смелее нападать на немецкие гарнизоны. А сил и особенно боеприпасов было все еще маловато. Озернов и Свиридкин поддерживали Коротченкова. Десятки партизан разбрелись по деревням и лесам в поисках оружия, патронов, гранат.

Все говорило о том, что надо укрупняться.

Еще в начале весны озерновцы установили связь с отрядами Толочина, Данченко и Рощина, действовавшими неподалеку на Брянщине. Отряд Толочина был хорошо вооружен и хозяйственно устроен. В его распоряжении находились две пушки и некоторый запас снарядов. Хозяйственники раздобыли самодельную, но очень удобную передвижную мельницу с конным приводом. Ребята в отряде собрались как на подбор — здоровые, упитанные. Но Толочин почему-то неохотно принимал новичков, проявлял излишнюю осторожность.

Отряд Рощина был крупнее. В нем насчитывалось много офицеров, но отношения озерновцев с рощинцами сложились не совсем удачно. А произошло это из-за сущего пустяка. Представитель Рощина не очень деликатно предложил Озернову присоединиться к их отряду. Озернов обиделся. Дело едва не дошло до ссоры. Охладило страсти только вмешательство Свиридкина. Но с объединением ничего не вышло. Обе стороны решили подождать, лучше узнать друг друга.

Почти в то же время пришло приглашение прибыть для знакомства в отряд Данченко. Поехали Озернов, Свиридкин и с ними еще несколько человек. Отряд им понравился, но вопрос с объединением и тут не решили: и Озернову и Свиридкину не хотелось перекочевывать со Смоленщины в Брянскую область.

В начале июля наладилась связь с белорусским отрядом Щербакова. Его представители высказали намерение передвинуться на Смоленщину, с тем чтобы присоединиться к озерновцам. Был даже назначен ориентировоч-

ный срок прихода отряда Щербакова. Срок истек, но отряд не появился.

В конце июля Озернов получил данные о появлении в Ворговском лесу нового партизанского отряда. Вскоре он узнал, что отряд носит имя легендарного Сергея Лазо, действует довольно смело, имеет много людей, поддерживает связь с Большой землей. Узнал и то, что Щербаков не дошел до озерновцев, а присоединился к отряду имени Лазо. Это обстоятельство еще больше подняло престиж лазовцев в глазах Озернова.

Враг среди нас

Еще до присоединения партизан Озернова в нашем отряде созрело решение разгромить железнодорожную

станцию Понетовка. До войны станция питала два административных района — Шумяцкий и Ершицкий. Не менее важную роль играла она и при оккупантах. Через Понетовку поступали грузы на немецкий аэродром «Шумовка». С Понетовки гитлеровцы отправляли в Германию награбленную сельскохозяйственную продукцию.

Разведать гарнизон и систему охраны станции было поручено 2-му батальону. Командир батальона Щербаков подобрал трех, по его мнению, подходящих разведчиков. Кезиков поставил перед ними задачу и назначил срок, когда они должны доложить результаты. Срок этот как раз совпал с приездом в наш лагерь Озернова и Свиридкина. Видя, что мы с Кезиковым заняты гостями, Ключев поинтересовался результатами разведки и узнал, что разведчики... не возвратились.

Заподозрив неладное, Ключев приказал командиру взвода разведки Измашкину взять надежных людей и немедленно отправляться на поиски. В тот же день группа достигла леса, примыкавшего к станции, и быстро нашла место, где дневали разведчики после ночной работы. Возле давно погасшего костра лежали два трупа. По всему было видно: партизан убили во время сна. Головы у обоих были изрешечены пулями, посланными откуда-то из одной точки.

Найденные тут же стреляные гильзы были от патронов к автомату ППД, который принадлежал одному из погибших. Никаких следов немцев. Третий партизан как в воду канул. Все это навело на мысль о возможном предательстве. Надо было срочно проверить с помощью местных жителей справедливость этого подозрения.

Как только стемнело, один из разведчиков пробрался

в пристанционный поселок. Там только и говорили об отнемом полицае, который под видом красноармейца пробрался к партизанам, пробыл у них больше месяца, все разузнал и добился такого доверия, что его послали на Понетовку с заданием. Убив спавших товарищей, предатель забрал их оружие и явился к коменданту станции. Комендант сразу понял, с кем имеет дело. В тот же день он прихватил полица с собой и укатил не то в Шумячи, не то в Рославль.

Узнав это, Измашкин с разведчиками заторопились в отряд. Несмотря на усталость, за день отшагали около сорока километров, шли всю ночь и утром явились в лагерь.

В штабе в это время обсуждали, какой полицейский гарнизон разгромить, чтобы пополнить иссякшие запасы продовольствия.

— Двинем на Высокий Борок, — предложил Данильченко. — Там пятнадцать полицаев, староста, писарь. Нам достанется семнадцать коров, семнадцать свиней и возов десять муки.

— А как ты все это перетащишь через Ипуть? — спросил Винокуров.

— Судя по карте, прямо против деревни есть брод.

— Высокий Борок тут рядом, всегда успеем, — отклонил Кезиков предложение Данильченко. — По-моему, лучше ударить по Сморкачевке.

— А может, сразу послать людей туда и сюда? — расхрабрился Ключев.

В этот момент и вошел Щербаков. Я заметил: он взволнован. Хотел спросить, что случилось, но меня опередил Ключев:

— Николай Васильевич, вернулись разведчики?

— Вернулись... Но не все. Двое погибли. Третий, называвший себя Гловым, оказался предателем.

Не глядя на окружающих, он рассказал о том, что произошло в Понетовском лесу.

— Где вы подцепили Глового? — сурово спросил Щербакова Кезиков.

— Мы приняли его в отряд недели за две до прихода к вам.

— А где он был до этого?

— Жил зятьком, кажется, в Шумовке.

— Кажется? Что значит «кажется»? — вскипел

Клюев. — Вы даже не знали, где жил этот тип и что делал. Как могли подсунуть такого в разведку?

— Его рекомендовали те самые ребята, которых он загубил. Они дружили до прихода Глотова в отряд. Он дважды давал им сведения о полиции в Шумячах.

— Такой мог набрехать что угодно, лишь бы сойти за своего! Да и фамилию назвал наверняка не настоящую. Никакой он к черту не Глов. Я уверен в этом...

Было ясно: у нас побывал вражеский разведчик и противнику сейчас известно об отряде буквально все — и местонахождение, и численность, и вооружение. С часу на час следует ждать нападения.

Что будет завтра?

Надо было принимать немедленные меры, и прежде всего сменить лагерь. Штабной разведке поручили срочно изучить маршрут перехода в Соколовщинский лес, за Мглинским большаком.

Усилив все посты, мы выдвинули дополнительный пост на опушке леса, к большаку Рославль — Хотимск.

Собрав командный состав, Кезиков разъяснил создавшуюся обстановку, распределил сектора обороны на случай внезапного нападения, приказал раздать последние запасы патронов. Обходя роту за ротой, я увидел, что партизаны усиленно готовятся к возможному бою. Настроение у людей было бодрое.

Вечером разведчики 1-го и 2-го батальонов доложили, что в примыкающих к лесу населенных пунктах и на дорогах к ним не заметно никакого передвижения противника. Это вроде бы позволяло надеяться, что завтрашний день будет спокойным. Однако чтобы доехать до леса на машинах из Рославля, Ершичей, Шумячей, требуется не так уж много времени. И мы помнили это...

Кезиков отпустил разведчиков. Но мы так и не зажигали коптилку. Сидели молча. Каждый думал: что будет завтра? «Ночью они, конечно, не нападут, — размышлял я, — немцы педантичны, от сна не откажутся. А утром...»

Молчание прервал Кезиков:

— Что покажет завтрашний день, посмотрим. А кормить партизан надо. Давай, комиссар, пошлем группу в Высокий Борок?

— Продукты нужны до зарезу. Только надо сделать все быстро, чтобы к полночи люди вернулись и успели отдохнуть. Придут фашисты или не придут, а нам завтра надо уходить отсюда к озерновцам.

— Пусть возглавит операцию Ключев. Согласен, Василий Петрович? — обратился он к капитану.

— Я сам хотел это предложить.

Не прошло и получаса, как группа хозяйственников под командой Ключева двинулась по лесной дороге к выскоборокскому броду. По моим расчетам, она должна была достигнуть деревни через час. «Окажут ли полицаи сопротивление? — думал я. — Хорошо бы провести все без шума... Сколько событий за каких-нибудь три дня! Приезжали озерновцы — решили присоединиться к отряду. Прилетали самолеты. Готовились напасть на Понетовку... И — на тебе — этот подлец Глотов! Сиди теперь и гадай, когда нападут оккупанты».

Хотя дежурный по штабу заверил, что с охраной лагеря все обстоит нормально, я решил проверить посты. Осторожно, нащупывая ногами тропинку, незаметную в ночной мгле, двигался от поста к посту. Партизаны бдительно несли службу. На самом ближнем к Ипути посту, у реки Колпиты, пришлось выслушать заслуженный упрек часового. На его требование: «Стой! Кто идет?» — я на секунду помедлил назвать пароль. Раздалась повторная команда:

— Стой! Пароль!

— «Орел», — поспешно ответил я.

— Так нельзя шутить, товарищ комиссар, — взволнованно сказал часовой, когда я приблизился. — Еще полсекунды — и я бы выстрелил.

— Виноват! Исправлюсь! — ответил я, чувствуя себя и в самом деле виноватым. — Молодец! Так действуй и впредь...

Ключев возвратился часа в три ночи. Все обошлось, как нам хотелось, тихо. Полицаев в деревне не оказалось — куда-то ушли. Но продуктов наши добыли мало. Хозяйственники, особенно их начальник Силков, были удручены. Брод на Ипути оказался глубокий, берега топкие. Переправить подводы было невозможно. Ехали верхом. Взяли только то, что можно тащить на себе: несколько десятков больших караваев, пуда три сала, четырех подсвинков и килограммов пятьдесят соли. Попытались,

правда, повести через брод несколько коров, но ни одну так и не удалось загнать в реку, только сами вымокли до ушей.

— Продуктов хватит дня на три, не больше, — сокрушался Ключев, — придется доставать еще. Не идти же к озерновцам в нахлебники.

— Тебе не показалось странным, что полицаи ушли из деревни? — спросил я Ключева. — Раньше они ночевали там, постреливали для храбрости. Может, этой ночью немцы стягивают полицию, чтобы завтра бросить против нас?

— Вполне возможно! — ответил он. — Пусть идут, встретим!

Силков распределил по подразделениям привезенные продукты. Лагерь погрузился в сон. Бодрствовали лишь часовые да часть караульного взвода.

Рано утром прибежал посыльный с дальнего поста, у Хотимского большака. Со стороны Рославля в лес вклинилась большая колонна фашистов. Прошло пятнадцать грузовиков с солдатами. К четырем машинам прицеплены пушки. Пост огня не открывал, передвинулся на дорогу, которая идет от большака к лагерю, и продолжает наблюдение.

Отряд немедленно подняли по тревоге. Явившимся в штаб командирам Кезиков приказал занять оборону. 1-й батальон Коновальчука вытягивался цепью вдоль берега Колпиты. Под прямым углом к нему располагал своих людей Чиберяк. 2-й батальон должен был оседлать дорогу, идущую к лагерю с севера, от деревни Хрипи-лево.

В заключение Кезиков сказал:

— Экономьте патроны. Пулеметчикам стрелять только короткими очередями. Всем держаться до вечера! Ко мне вопросы есть? Нет? Тогда по местам.

В этот момент и ударил первый залп немецких орудий. Через несколько секунд последовал второй. С каким-то особым, шуршащим звуком снаряды пролетели над лагерем и разорвались в соседнем квадрате.

Орудийный и минометный обстрел продолжался более двадцати минут. Потом среди замшелых стволов замелькали грязно-зеленые фигуры. Гитлеровцы молча, густой цепью шли к лагерю. Приблизившись к краю поляны, протянувшейся вдоль речки, они залегли и открыли бе-

шенный огонь. В ту же секунду им ответил 1-й батальон. Заработали полтора десятка пулеметов, автоматы, винтовки. Двусторонний шквальный огонь длился минут десять и стал как будто стихать. Вспомнив приказ об экономии патронов, партизаны посылали в сторону противника лишь короткие пулеметные очереди. Автоматы и винтовки затихли. Ослабили огонь и фашисты.

Воспользовавшись относительным затишьем, Коновальчук послал связных в роты узнать о потерях. Связные сообщили, что убитых и раненых нет.

— Вот здорово! Куда же они стреляют? — недоумевал Винокуров, впервые участвовавший в серьезной стычке.

— Ничего удивительного. Стреляют по лесу. Патронов у них много, — ответил комбат.

Коновальчук заметил движение у немцев. Видимо, они по-своему истолковали то, что партизаны ослабили огонь, и, судя по всему, готовились к новому броску... Огонь с их стороны снова достиг предельной плотности. Решив предупредить атаку, Коновальчук во весь голос крикнул:

— Огонь!

Дружно заговорили пулеметы, автоматы и винтовки, прижимая врага к земле...

Командный пункт отряда — импровизированный столик у штабного шалаша — явно не отвечал своему назначению. Мы поняли это в первые минуты боя. Пришлось поспешно переместиться на край лагеря, к могучему, в два обхвата, дубу. Огненной дуэли, которую вел с противником батальон, казалось, не будет конца. Я ждал, что вот-вот закипит бой и на других участках обороны. Но там было тихо.

Гитлеровцы продолжали методично вести артиллерийский огонь. И хотя он несколько ослабел, снаряды рвались все ближе к лагерю. Нетрудно было догадаться, что если немцы чуть перенесут огонь, то непременно накроют лагерь, и прежде всего 2-й батальон. Кезиков решил, что надо отходить, что отход должны начать 2-й батальон и штаб. Он послал своего адъютанта предупредить радистов. Тот быстро возвратился и крайне встревоженно доложил:

— Радистов нет!

— Как нет?

— Их куда-то увел капитан Ключев.

Мне показалось, что Кезиков не на шутку встревожен. Однако действия его были решительны и быстры.

— Надо немедленно отходить, комиссар! Как думаешь, куда лучше?

— По-моему, вдоль Ипути, мостов ведь нет.

— Согласен, пошли!

Уже на ходу он приказал Данильченко снять 2-й батальон, штабные подразделения и вести их вслед за нами по высокоборокской дороге. Я еле успевал за торопливо шагавшим командиром.

Неожиданно на дороге появился Ключев. Он быстро шел нам навстречу.

— Решили отойти?

— Где рация? — зло крикнул Кезиков.

— Здесь, недалеко.

— Кто разрешил снять ее?

— Я сам. Держать рацию на старом месте было нельзя: одна шальная пуля — и мы остались бы без связи.

У меня отлегло от сердца: рация в целости и сохранности. Теперь следовало позаботиться о другом — об отводе людей, продолжавших вести бой. Я остановил двух бойцов из штабной роты и послал их к Коновальчуку и Чиберяку с приказом отойти.

Часа через два собрался весь отряд. 1-й батальон, принявший бой, потерь не имел. Seriously ранен был лишь комсомолец Володя Липинский, месяц назад прибывший в отряд из Рославля. Пока мы ожидали подхода людей, разведчики установили, что в деревне Высокий Борок полно оккупантов. Вдоль Ипути курсируют мотоциклисты. Каратели явно не намерены были выпустить нас из леса.

После короткого отдыха отряд двинулся в сторону Мглинского большака. Роль проводника взял на себя ворговский коммунист Дралкин, хорошо знавший местность. Он вывел нас к большаку в таком месте, где его никогда не переходила ни одна партизанская группа. Благодаря этому мы миновали вражеские засады.

О том, что дело обстояло именно так, мы узнали в ту же ночь. Перейдя широкую песчаную дорогу, я увидел Дралкина. Довольный, радостный, он обязательно хотел дожидаться, когда покажется на большаке последний пар-

тизан. Рядом с ним стояли высокая красивая девушка и средних лет женщина.

— Товарищ комиссар, — остановил меня Дралкин. — Это наши помощники из Ворги.

Я подошел и поздоровался. Крепко, по-мужски пожав мне руку, девушка назвала себя Тоней Фигловской. Она рассказала, что солдаты ворговского гарнизона устроили засады в двух местах, там, где на большак выходят лесные дорожки. Тоня с подругой много часов бродили по лесу, все высмотрели, шли искать нас, чтобы предупредить, и случайно столкнулись с Дралкиным, который наблюдал за большаком во время подготовки отряда к переходу.

По просьбе Дралкина я разрешил этим двум патриоткам остаться в отряде. За ночь мы проделали большой путь и расположились на отдых в центре Соколовщинского леса.

Все заметнее становились с каждым днем первые признаки осени. Отошли обильные августовские росы. Холоднее стали ночи. Густо-зеленый наряд молодых осин начал расцвечиваться ярким багрянцем.

Место, где мы остановились, мало подходило, чтобы обосноваться здесь на длительный срок: не было близко воды, не устраивал нас и редкий лиственный лес — после листопада лагерь легко будет обнаружить с воздуха.

Обсудив обстановку, командование решило разгромить полицию в Волконщине, запастись продуктами и передвинуться в лагерь озерновцев. Не откладывая в долгий ящик, Кезиков начал готовить людей в поход на Волконщину, а я с комиссаром 2-го батальона Мищенко, знавшим дорогу, поехал к Озернову.

Тяжелая утрата

Большая часть нашего пути проходила по территории, где отряд Озернова восстановил Советскую власть. Впервые за несколько месяцев я ехал днем не по лесу, а по открытому полю от деревни к деревне. Это было так необычно и так приятно! И хотя много забот лежало на моих плечах, меня не покидали радостные мысли: «Вот уже год, как оккупанты считают здесь себя хозяевами. А в самом-то деле хозяйничаем тут мы, советские люди.

Пусть это пока небольшой островок. Но сколько таких островков на оккупированной территории!»

Несколько раз нас останавливали «самооборонцы». Узнав, кто мы, настойчиво приглашали остановиться в деревне, покушать. Это было бы вовсе не лишним, но мы любезно отказывались: торопились скорее добраться до цели, а затем к ночи вернуться обратно. Тем более что ехали мы не очень быстро. Наездник я был неважный.

По пути я много думал о Свиридкине, Коротченкове, Озернове. Мне очень нравилось, что, организовав советский район, отряд остался в лесу, не вышел в деревни, как это было в других местах, не связал себя необходимостью постоянно оборонять их. Получилось отличное сочетание. Группы самообороны сельских Советов полностью справлялись со своими задачами. А стоило зашевелиться фашистским карателям, их громил партизанский отряд.

Меня очень интересовало, как посмотрят Свиридкин и Коротченков на предложение восстановить Советскую власть во всем районе, для чего потребуется изгнать оккупантов из Ершичей, закрыть доступ за Ипуть из Рославля, Шумячей, Климовичей и Хотимска. Если следовать опыту дорогобужских и ельнинских партизан, то надо действовать именно так. Задачу восстановить Советскую власть в Ершичском районе ставил передо мною Пайтеров. Но при этом он предупреждал: главное — дезорганизовать коммуникации противника.

Об этом мы много говорили с Винокуровым и всякий раз приходили к выводу, что надо заниматься не Ершичами, а рославльским узлом, железными и шоссейными дорогами, станциями, мостами. А как посмотрит на такое дело Свиридкин, человек более зрелый и опытный? Что скажет об этом Коротченков как военный специалист? Я собирался предложить Свиридкину возобновить деятельность Ершичского райкома партии и хотел рекомендовать его первым секретарем. Надо было всячески усиливать политическую работу среди оккупированного населения.

Добравшись до поста внешнего охранения, мы узнали, что батальон Озернова только что разгромил гарнизон оккупантов в селе Корсики. Но в лагере не было заметно радостного оживления, столь обычного после успешного боя с врагом. Люди выглядели притихшими, грустными.

У штаба нас встретили Озернов и Коротченков. Лица их были печальны и строги. Почуяв неладное, я спросил:

— У вас что-то случилось?

— В бою погиб Владимир Акимович Свиридкин!

Похороны партизан, павших во время разгрома фашистского гарнизона в селе Корсики состоялись на следующий день на кладбище деревни Пашино. Весь многокилометровый путь от лагеря до деревни гробы с телами погибших несли на руках. Из ближних и дальних деревень, из-за Ипути пришли на похороны, рискуя жизнью, сотни людей. Пришли, чтобы проводить в последний путь народных мстителей, проводить всеми любимого партизанского комиссара, председателя райисполкома Владимира Акимовича Свиридкина.

С трудом сдержался я, чтобы не разрыдаться, когда открывал траурный митинг. Краткими были выступления партизан. Они звучали как клятва погибшим за все отомстить врагу.

У свежих могильных холмиков громыхнули залпы прощального салюта.

Партизанские будни

Лагерь озерновцев, расположенный неподалеку от хутора Лузганки, стал лагерем объединенного отряда. Рядом со старыми в один день выросли десятки новых больших шалашей, вмещавших до взвода каждый. Лазовцы были довольны и новым лагерем, и особенно тем, что захватили у полицейских Волконщины запас продовольствия почти на две недели. Кухни работали, как говорится, на полную мощность. Были у нас и суп с мясом, и картошка жареная, и картошка тушеная со свиной, и хлеб вместо пресных лепешек.

Отряд вырос в несколько раз. Это накладывало особую ответственность на командование. Прежде всего были сделаны необходимые перестановки в командном составе. Начальника штаба Данильченко назначили начальником разведки. Это повлекло за собой некоторые другие перемещения. Но товарищи без обиды восприняли их. Каждый понимал — новые условия предъявляют более высокие требования к командному составу.

Начальником штаба объединенного отряда был назна-

чен подполковник Коротченков, что вызвало горячее одобрение всех лазовцев. Начальником диверсионной службы отряда по-прежнему остался лейтенант Черезов. По совместному предложению Озернова и Коротченкова комиссаром 3-го батальона назначили политрука Ивана Платоновича Блинова, а начальником штаба — командира роты Петра Демьяновича Родивилина.

Новый начальник штаба предложил детально разработанный план боевой учебы, включавший изучение отечественного и иностранного автоматического оружия, партизанской тактики, подрывного дела.

— Каждый партизан, — сказал Коротченков, заканчивая изложение плана, — должен быть хорошим следопытом, искусным стрелком, пулеметчиком, автоматчиком, гранатометчиком и минером. Партизанский бой — это ближний бой. Хитрость, смелость, быстрота и ловкость — залог успеха!

Мы с Кезиковым охотно поставили свои подписи под приказом об организации боевой учебы. С утра до вечера в лагере, на лесных полянках, дорогах и тропах шли занятия. Все свободное от боевых заданий время партизан было занято без остатка полезным и очень нужным делом.

Одновременно мы позаботились об усилении партийно-политической работы. Секретаря партбюро Винокурова освободили от других обязанностей. Комиссаром 1-го батальона вместо него стал Георгий Чиберяк. Его малочисленный батальон был переименован в роту, которая вошла в 1-й батальон. Командовать ротой назначили старшего лейтенанта Андропова.

По предложению Винокурова было организовано партизанское информбюро. В его состав вошли радиолюбитель инженер Макаров и комсомолка Рая Соломонова. Ночью Макаров принимал специальные радиопередачи из Москвы для местных газет. Точно записывал текст сообщений, затем монтировал их в ежедневный информационный бюллетень. На смену ему часа в четыре утра приходила Рая. Четким, убористым почерком она переписывала бюллетень для каждой роты, штабов и отдельных подразделений. А утром, еще до завтрака, вооружившись этими сводками новостей, политруки проводили политинформации. Так партизаны, а вслед за ними население своевременно узнавали о важных военных и политических событиях в стране и за рубежом.

Появилась и своя периодическая печать — еженедельный рукописный боевой листок. Его редактором был назначен Владимир Белов, отличавшийся неистощимым юмором. Белов немного знал газетную работу. Нашелся у него и хороший помощник — художник-карикатурист, боец 3-го батальона Шлихенмайер. С первых номеров боевой листок получил признание партизан, стал важным средством воспитания в руках партийной организации.

Винокуров все силы отдавал тому, чтобы партийная организация, каждый коммунист были цементирующей силой отряда, надежной опорой командования.

Особой заботы требовало материальное снабжение. Не просто было обеспечить крупный отряд, действовавший в тылу врага, продовольствием и обмундированием. Партизаны должны были не только истреблять гитлеровцев и их ставленников, но и с боем добывать себе оружие, боеприпасы, продукты питания, одежду, обувь. Причем все это надо было делать попутно, не отвлекая основные силы от главного — от ударов по коммуникациям и гарнизонам противника.

Всесторонне взвесив все «за» и «против», мы назначили начальником хозяйственной части объединенного отряда (с правами заместителя командира) Федора Лазарева, хорошо знавшего не только Ершичский, но и соседние районы, а его заместителем — специалиста своего дела инженер-интенданта Степана Сухина. Главным хранителем всех наших богатств стал известный своей аккуратностью и рачительностью Борода — Миронов. Сама хозяйственная часть была сформирована с таким расчетом, чтобы все хозяйственные операции, кроме особо крупных, она проводила самостоятельно.

Без некоторого шума, конечно, не обошлось. Батальоны начали посылать в хозяйственную часть самых небоеспособных людей. Лазарев возмутился, побежал к начальнику штаба.

— Зачем мне старики, ревматики, язвенники да бабы? У меня хозяйственная, а не музыкальная команда.

— А неплохо бы организовать и музыкальную команду, — весело улыбаясь, сказал Коротченков. — Вот бы здорово было! Нет продуктов — играй марш.

— Вы смеетесь, а мне отвечать... Что я с ними буду делать?

— Хватит, Лазарев! — прервал Коротченков. — Командир приказал направить в хозяйственную часть самых слабых. Идите

принимайте людей и как следует используйте их. Исполнение доложите!

— Есть!

Лазарев знал, что ждать от Коротченкова повторения приказа не рекомендуется. Правда, он еще попытался потихоньку торговаться с командирами батальонов, но выделенных ими людей принял. И всем нашлось дело. Заработали швейная и сапожная мастерские.

С утра до вечера стиралось и штопалось белье. Вопреки опасениям Лазарева в хозчасти набрался вполне боеготовый взвод для разгрома волостных полицейских гарнизонов, у которых предстояло «заготавливать» продовольствие. Нашлось дело даже для старика Суперфина. Он стал старшим команды из двух человек, которая охраняла и пасла партизанское стадо. Пока не было снега, запасы говядины хранились «на собственных ногах». Это давало двойную выгоду: мы всегда имели свежее мясо да еще и молоко для раненых.

Отлично организовал дело заместитель начхоза Сухин. Благодаря его смекалке и старанию появилась первая партизанская пекарня. За сутки она давала больше тонны хорошего хлеба.

Отдельным островком в хозяйственной части пристроились «боепитанцы». Главным у них был чудесный мастер Владимир Филиппов, неулыбчивый, неразговорчивый человек с золотыми руками, одинаково искусно чинивший пулеметы, баяны, часы. Вдвоем с товарищем Филиппов не только успевал исправлять поврежденное в боях оружие, но и ходил в деревни, доставал инструменты, смазку.

Определенную систему удалось придать и медико-санитарной службе отряда. Самым богатым на медицинские кадры оказался наш новый — 3-й батальон. Кроме ветерана Павла Демидовича Костенко в нем были еще два врача — молодой хирург Григорий Луцков и студентка предпоследнего курса медицинского института Анна Маслова.

Война застала Аню Маслову в родном Рославле, где она проходила практику в городской больнице. Перед оккупацией города девушка была ранена осколком авиабомбы и не смогла эвакуироваться. Когда фашисты погнали на биржу труда всех горожан от шестнадцати до шестидесяти, она вынуждена была пойти работать в инфекционную больницу для русских разъездным врачом по борьбе

с сыпным тифом. Частые выезды из города позволили Масловой установить связь с армейской разведывательной группой, в которой работала ее двоюродная сестра Анна Полякова.

Выполняя задания разведгруппы, Маслова не заботилась о конспирации... В марте ее вызвали к начальнику полиции. После допроса отправили в городскую тюрьму.

В тесной, сырой камере с маленьким окошечком, через которое еле проникал дневной свет, оказалась еще одна молодая женщина. Маслова не сразу узнала в ней Тамару Чистякову — секретаря комсомольского комитета вагоно-ремонтного завода. Страшно исхудавшее, почерневшее лицо Тамары было покрыто ссадинами и кровоподтеками. В волосах блестели седые пряди. Руки были неумело забинтованы почерневшими от крови тряпками. Тамара, хорошо знавшая Маслову, рассказала, как ее пытали гестаповцы. «Звери! Кровожадные звери! — думала Анна, слушая подругу с замирающим сердцем. — Тамара скоро будет матерью, а ее пытаются...»

Через два дня Маслову неожиданно освободили. Каким-то образом сумел доказать ее «преданность» немецким властям работавший в отделе «здравоохранения» городской управы врач Луцков. Теперь Анна решила действовать осторожней. Но действовать ей уже не пришлось — спустя несколько дней свалил тиф. Большой специалист своего дела, доктор Гриневич спасла девушке жизнь. Но доктор Гриневич не могла спасти Анну от худшей, чем смерть, угрозы — от угрозы фашистских пыток. В бреду больная выдала себя с головой. Трудно было предположить, что полиция и гестапо оставят Маслову в покое. После выписки из больницы следовало ждать нового ареста.

Поэтому Анна, едва встав на ноги, решила бежать. На помощь опять пришел Луцков, хотя и в его сторону давно уже косились гитлеровцы. Пользуясь своим служебным пропуском, Луцков поздно вечером проводил больную на окраину города. Мать Анны выпросила у знакомых лошадь. Ночью они втроем отправились в лес. Путь был неблизкий — больше двадцати километров предстояло проехать полевыми дорогами. Утром в лесу трем беглецам повезло встретить партизана Карпа Ермолаевича Носовца, который после проверки направил их к Озернову...

Влюбленный в свое дело Луцков неплохо организовал

медицинское обслуживание в отряде. Особенно это проявилось после налета на Корсики, когда в одну ночь было ранено семнадцать партизан. Медикаментов и перевязочных средств почти не было, но раненные получили необходимую помощь, поправились, были довольны своим госпиталем.

По предложению Коротченкова Луцкого назначили начальником санчасти объединенного отряда, а его помощником по стационару — Маслову. Костенко, Сперанский и Хотеева получили назначение врачами в батальоны. Средних медработников оказалось достаточно, чтобы обеспечить госпиталь и направить по одному медику в каждую роту. Правда, половина из них не имела специальной подготовки, но каждый был способен оказать первую медицинскую помощь.

Боевая учеба партизан по плану Коротченкова подходила к концу. Результаты радовали нас.

Три партизанских отряда быстро слились в единый боевой кулак, поднятый на врага. С полной уверенностью в успехе мы снова поставили на повестку дня разгром станции Понетовка.

РАЗГРОМ СТАНЦИИ ПОНЕТОВКА

Таких были тысячи

ел к концу пасмурный октябрьский день. Землю окутала пелена темных облаков, которые, казалось, опустились до самых вершин деревьев. Воздух пропитался мельчайшими капельками измороси. Сумрачно, сыро, неуютно было в лесу. На извилистой дороге построилась длинная колонна партизан, готовых тронуться в путь.

Только командование знало, когда и на какой объект будет совершен налет. Но люди понимали, что предстоит марш и большой ночной бой, каких еще не было. Об этом говорило все: и тщательная подготовка оружия и снаряжения, и выдача пятидневного запаса продовольствия, и то, что на операцию не брали не только больных и ослабленных, но даже партизан в плохой обуви. И наконец, то, что цель похода держалась в секрете.

Настроение у тех, кто стоял в колонне, было приподнятым. С грустью и завистью смотрели на них товарищи, которым было приказано остаться в лагере. Особенно переживал командир 3-го батальона Озернов. Накануне у него разыгрался флюс, температура подскочила до тридцати девяти, боль не утихала ни на минуту. И все же он готовил батальон к походу, собирался идти и сам.

— У меня прекрасная лошадь, в седле буду чувствовать себя лучше, чем в шалаше, — пытался он убедить командира отряда.

Но Кезиков по настоянию врачей запретил Озернову участвовать в операции и назначил старшим над теми, кто остался в лагере. Батальон Озернова возглавил начальник штаба Петр Родивилин. Комбат обиделся до слез, но подчинился. Тоскливым взглядом провожал он своих ребят, не ведая, что очень скоро и самому придется встретиться с фашистами...

Начальник штаба Коротченков обошел колонну, проверил каждое подразделение, и с разрешения командира подал команду на марш.

Впереди был неблизкий путь — до места первой дневки предстояло пройти более сорока километров, и я решил, пока отряд будет двигаться, заехать вместе с Коротченковым в деревню Артемовку, к учительнице Кузнецовой, о которой много рассказывали озерновцы. Опередив товарищей у переправы через Вороницу, мы с Коротченковым свернули на Артемовку. Лошади шли спорой рысью. Высокий вороной жеребец начальника штаба ревниво следил, чтобы мой буланый не опередил его ни на шаг.

В седле я чувствовал себя теперь легко и уверенно. И обязан этим был своему попутчику. Как-то в первые дни после объединения с озерновцами Коротченков пригласил меня на лесную поляну, где думал провести учебный штурм «укрепленного объекта». А когда мы приехали на место, ехидно улыбаясь, сказал:

— Отличная полянка для джигитовки!

— Особенно для некоторых джигитов, — ответил я ему в тон, имея в виду себя.

— Комиссар обязан быть джигитом, — сказал он так, что это можно было принять и как шутку, и как упрек.

— Согласен, но у меня ни черта не получается. Я новичок. Гляжу на других, вроде все легко и просто, а сам сяду в седло — болтаюсь, как мешок.

— Хотите научу?

— Конечно! Буду самым примерным учеником.

После краткого теоретического вступления, Коротченков стал до пота гонять меня по поляне и наконец изрек:

— Можете смело ездить, комиссар. Придаться не к чему...

Изредка перебрасываясь словами о предстоящем деле, мы незаметно доехали до Артемовки и остановились у деревянного здания школы. Только одно окно светилось тусклым, красноватым светом — окно школьной квартиры Марии Петровны Кузнецовой.

В просторной, скромно обставленной, но уютной комнате нас встретила пожилая, миловидная женщина с проседью в густых волосах. Увидев моего спутника, она очень обрадовалась.

— Знакомьтесь, Мария Петровна, это наш комиссар, — сказал Коротченков.

— Очень приятно, — ответила она, протягивая руку. — У нас хорошо говорят о лазовцах... Вы не торопитесь? Я чайку приготавлию.

На столе появился небольшой тусклого никеля самовар, чайник с заваркой сушеной малины и баночка чудом сохранившегося довоенного засахарившегося меда. Завязалась беседа. Мария Петровна рассказала, что немцам в Ершичах известно об объединении наших партизанских отрядов. Охрана гарнизона усилилась. Местных жителей заставили вырубить кустарник, подходивший к селу со стороны деревни Танино. Гитлеровцы построили вышку и все дни наблюдают в бинокль за окружающей местностью. А тут еще подмога из Рославля к ним подоспела.

— Когда это было? — спросил Коротченков.

— Вчера перед вечером. Прикатили на восьми машинах.

— Это интересно... Надо, пожалуй, предупредить Озернова.

— А вы разве не к себе едете? — встрепенулась Мария Петровна.

— В том-то и дело, что нет.

— Не беспокойтесь, Тимофей Михайлович, я все сделаю. Пошлю раненько надежную девушку в Пашино к Петьке Максименкову, он знает, как найти Озернова.

По моей просьбе Мария Петровна, поначалу неохотно, а потом все больше оживляясь, рассказала нам о пережитом за пятнадцать месяцев фашистской оккупации.

...Всю жизнь работали сельскими учителями супруги Кузнецовы. Петр Иванович начал учительствовать еще в годы первой русской революции. Педагогический стаж у него был немалый — тридцать пять лет. Более четверти века преподавала в школе и Мария Петровна. С началом войны супруги долго раздумывали, как быть. Фронт приближался, надо было эвакуироваться. Но в глубине души теплилась надежда: фашисты до Артемовки не дойдут... Да и уехать было нелегко. Петр Иванович постоянно хворал, на попечении Марии Петровны находилась дряхлая, почти неподвижная слепая мать. С приходом оккупантов жизнь словно остановилась. Школу закрыли. Большинство учителей уехало.

Но затишье длилось недолго. Оккупанты торопились утвердить новый порядок. В Ершичах они создали районную управу и полицию. Вместо сельских Советов образо-

вали волости. В каждую назначили бургомистра. В деревнях стали править старосты — кулацкие сынки и бывшие уголовники. По заданию фельдкомендатуры бургомистры и старосты составляли списки жителей. В специальной графе против каждой фамилии ставилось «свой» или «чужой». К «своим» относились коренные жители деревни, к «чужим» — все, кто прибыл во время войны. Один за другим вводились непосильные натуральные и денежные налоги.

В Артемовку стали часто заглядывать полицейские из Ершичей и Епишево. Они шныряли по домам, искали коммунистов, депутатов местных Советов, колхозных активистов и... самогонку. Предатели хвастливо кричали о победах гитлеровцев и крушении Советской власти. Но верили им немногие. Каждый день то в одном, то в другом доме появлялись Петр Иванович или Мария Петровна. Они советовали крестьянам учить детей на дому, предлагали свою помощь, невзначай роняли слово о положении на фронте.

Петр Иванович без спора выполнил приказ оккупантов — сдал старенький радиоприемник. А ночью с помощью жены оборудовал в тайнике под полом новую «радиорубку»: он вовремя успел припрятать добротный радиоприемник, которым давно постоянно пользовался.

Каждый день спускался учитель Кузнецов в свой тайник, слушал Москву, а затем нес людям слово правды.

Глубокой осенью 1941 года Кузнецовы наладили связь с местными партизанами. У них на квартире побывали Свиридкин, Лазарев, Носовец, Рыков. По заданию Свиридкина Мария Петровна стала частенько ходить в Ершичи «на прием к доктору». Разговаривая со старыми знакомыми и друзьями, Кузнецова узнавала о расположении гарнизона в Ершичах, об обстановке в районе, запоминала фамилии предателей, переметнувшихся к фашистам.

Радиоприемник Петра Ивановича работал безотказно. Учитель записывал важнейшие сообщения и передавал их односельчанам и партизанам. Ему помогала племянница комсомолка Лина Полубинская, бежавшая из Рославля в первые дни оккупации. По заданию командования отряда Петр Иванович присматривался к проживавшим в деревне окруженцам, осторожно наводил их на мысль о возможности снова обрести оружие. Многие понимали его с полуслова, старались скорее включиться в борьбу с окку-

пантами. Но Петр Иванович не торопился. Только убедившись в надежности человека, он переправлял его в отряд.

Обо всем этом пронюхали гестаповские ищейки. В конце мая в деревню нагрянули полицаи из Рославля и Епишева. В квартире Кузнецовых перевернули все вверх дном, обшарили школу. И хотя ничего не нашли, Петра Ивановича арестовали и увезли в Епишево, а через день переправили в рославльскую тюрьму.

Уверенная, что никаких улик у полиции нет, Мария Петровна сделала все, чтобы вызволить мужа из беды. Но спасти Петра Ивановича не удалось. Близкие люди окольными путями узнали: Петр Иванович, не выдержав пыток, потерял рассудок. Фашисты не нашли нужным возиться с больным стариком и расстреляли его.

С великой болью восприняла Мария Петровна эту страшную весть, но мужественно справилась с тяжелым горем. Взяла себя в руки и уже через несколько дней, осунувшаяся, поседевшая, но еще более собранная, строгая, вернулась из Рославля в Артемовку. Вернулась, чтобы продолжать то дело, за которое погиб ее муж.

Прежде всего она отправила в партизанский отряд свою племянницу Лину. Марии Петровне казалось, что девушка еще не обладает выдержкой, необходимой подпольщику. Окружающим было сказано, что Лина вернулась в Рославль, к матери.

Опасаясь слежки, Мария Петровна трижды меняла место жительства. Но ее квартира всегда служила явкой для партизанских разведчиков. Каждое такое посещение грозило гибелью добровольной помощнице партизан. Старая учительница хорошо понимала это, но не склонила головы перед опасностью, не перестала выполнять свой патристический долг.

Жизнь Марии Петровны Кузнецовой стала более спокойной только после того, как заметно выросли силы партизанского отряда Озернова, как расширилась зона его влияния. Староста и другие прихлебатели оккупантов куда-то сбежали. Ни полицейские, ни гитлеровцы появляться в деревне в одиночку или мелкими группами теперь не осмеливались. Ну а если обрушивался крупный отряд карателей, то пересидеть вместе с другими жителями несколько дней в лесу было совсем не трудно. Не то что раньше, когда ежеминутно приходилось ждать ареста или расправы...

Было далеко за полночь, когда мы с Коротченковым распрощались с гостеприимной учительницей, а часа через два догнали отряд. Всю дорогу находился я под впечатлением этой встречи. Беспартийная сельская учительница, а какая силища, какая беззаветная преданность Родине, партии, какая святая вера в правоту нашего дела!

К рассвету отряд прибыл на место дневки — в бывший лагерь лазовцев в Орлином Гнезде. От лагеря осталось одно пепелище.

Всю ночь шел мелкий, но спорый дождь. Люди промокли. Командир приказал выставить охранение, развести костры, обсушиться, позавтракать. Только после этого партизанам разрешили соснуть. Я тоже с удовольствием пристроился к костру, прислонился к стволу разлапистой ели и тут же задремал.

Проснулся где-то около полудня от зябкого озноба. Костер давно погас. Тесно прижавшись друг к другу, безмятежно спали партизаны. Поблизости ярко пылал костер караульной роты: возле него бодрствовало дежурное подразделение. Там же сидели капитан Ключев и представитель Западного штаба партизанского движения подполковник Архангельский. Было ясно, что оба не сомкнули глаз. Архангельский прилетел в наш партизанский край несколько дней назад и остановился в отряде Данченко. Приехав к нам познакомиться, подполковник узнал о решении командования отряда напасть на железнодорожную станцию. Он очень заинтересовался этим — таких операций здешние партизаны еще не проводили — и решил принять участие в бою. Предварительно Архангельский передал приказ отряду Толочина разгромить одновременно соседний разъезд Зверинка.

— Не спится? — спросил я, подходя к костру.

— Надо объявлять подъем, — взглянув на часы, сказал Ключев.

— Пора, — подтвердил Архангельский.

— Пожалуй, время, — согласился я. — Пойдемте к командиру.

Немного погодя собрались командиры и политработники. Коротченков зачитал приказ о нападении на станцию Понетовка, четко определил задачи каждому подразделению. 1-й батальон берет станцию, перебрасывает

Вместе с П. Д. Родивилиным партизанили его жена Анна Федоровна и дочь Лиза. С этой семьей и сфотографировался Т. М. Коротченков (в центре)

М. П. Кузнецова

Н. К. Майоров

И. Д. Миронов (Борода)

Ф. И. Лазарев

**Партизаны А. Е. Гуревич, М. М. Капитонов, Б. Х. Смоленский,
Я. Е. Мироненков, Н. А. Хворяков, С. К. Мищенко,
Н. В. Щербаков, Ю. П. Осадчий (1943 год)**

основные силы к шумовскому аэродрому и имитирует нападение на аэродром. 2-й действует на левом фланге, захватывает станционный поселок, образует заслон со стороны Кричева и уничтожает станционные сооружения и подвижной состав. 3-й батальон участвует в налете на станцию на правом фланге, выходит на железнодорожное полотно, оставляет роту как заслон со стороны Рославля, остальными силами помогает 1-му батальону сковывать гарнизон аэродрома.

— Это очень важно, — предупредил Коротченков. — Численность гарнизонов аэродрома и станции превышает численность нашего отряда. Да и вооружены гитлеровцы лучше. Разгромить оба гарнизона сразу нам не под силу. Поэтому один надо парализовать, чтобы уничтожить другой.

Узнав содержание приказа, отряд забурлил, как весенний поток. Всем была по душе предстоящая схватка. Особенно радовались в батальоне Щербакова. Тут не забыли гибель двух товарищей в лесу под Понетовкой и горели желанием отомстить за них.

Командиры подразделений еще раз проверили оружие. Политруки провели беседы с людьми. Секретари парторганизаций и партгруппорги напомнили коммунистам об их особой роли в бою. Врачи батальонов со своим персоналом уточнили порядок предполагаемой эвакуации раненых. Ну, а старшины... с огорчением констатировали, что запасы продуктов тают быстрее, чем течет время.

Отряд снялся с места и быстро двинулся по лесным дорожкам вверх по течению Ипути. В назначенный срок партизаны пересекли Мухинский лес, миновали деревни Изборовщина и Дунаевщина и достигли Понетовского леса. Но здесь начались неприятности. Тьма стояла непроглядная. А под ногами сплошные мочажины, бурелом. Движение почти застопорилось. Время подходило к двенадцати, надо бы, как задумано, начинать бой, а до станции, судя по паровозным гудкам, еще несколько километров.

Ровно в двенадцать со стороны разъезда Зверинка доносились пулеметные и автоматные очереди. Мы остановили колонну, стали прислушиваться. Сомнений не было — Толочин напал на разъезд. Это ломало весь план. По приказу отряду Толочина отводилась вспомогательная роль. Ему предстояло напасть на разъезд, где не было гарнизо-

на, но напасть только после того, как закипит бой на станции, затем подорвать стрелки, пути и двигаться обратно. В тот момент трудно было судить, почему произошло иначе. Возможно, отряд Толочина неожиданно наткнулся на немцев... Как бы там ни было, а гарнизон станции этим наверняка поднят на ноги.

Коротко посоветовавшись, командир решил перенести операцию на следующую ночь и отойти на дневку к опушке Мухинского леса. На месте был оставлен только командир взвода разведки 3-го батальона Илья Игумнов с тремя разведчиками.

Меня очень взволновала вся эта история. Первая боевая операция объединенными силами начиналась с неудачи, пусть мелкой, но все-таки неудачи.

— Не беспокойся, комиссар, — попытался подбодрить меня Коротченков. — Все будет в порядке! Мы не учли одну деталь — хотели напасть тринадцатого, а это ведь чертова дюжина. Какая может быть удача?

— Ты автор плана. Почему забыл про чертей?

— Всего не предусмотреть. Зато завтра четырнадцатое, день праздничный — Покров. Земля снежком покрывается. Вот и покроем фашистов белым саваном.

Спокойствие и уверенность Коротченкова передались людям. Обходя батальоны, я убедился, что настроение у партизан нормальное. Одни уже отдыхали, другие готовились к отдыху. Я же просто не находил себе места. Несколько раз укладывался, вставал, проверял посты, снова ложился. Только под вечер усталость взяла свое. Проспал два-три часа.

Вскоре вернулся Илья Игумнов со своими ребятами. Ничего тревожного на станции не обнаружено.

В числе разведчиков я с удивлением увидел Тоню Фигловскую, она ходила на разведку Понетовки еще из лагеря. Сразу по возвращении двинулась вместе с отрядом. Три конца, которые отмахала девушка, составляли в общей сложности более двухсот километров. Теперь Фигловской предстояло идти в бой.

— Как самочувствие, Тоня? — спросил я.

— Отличное!

— А ноги?

— На своем месте, товарищ комиссар! — ответила девушка, лукаво улыбаясь.

Вокруг засмеялись.

— Один — ноль в пользу Тони! — выкрикнул Коротченков, продолжая заразительно смеяться.

Хотя результаты разведки были успокаивающими, мы все же перенесли час нападения на станцию — с двенадцати на два часа ночи.

— Пусть разоспятся паршивцы, — говорил Коротченков, — легче бить будет! А отойти всегда успеем — лес рядом.

Даешь Понетовку!

На этот раз отряд точно и вовремя вышел на исходные позиции. Батальоны разделились и, развертываясь, стали приближаться к станции. Подходы к ней оказались на редкость удобными. В двухстах метрах от станционных путей стеной стоял лес. 1-й и 2-й батальоны беспрепятственно вышли на опушку и залегли в ожидании сигнала. 3-й батальон неожиданно наткнулся на вражеский секрет. Немецкий пулемет и несколько автоматов вынудили наших остановиться и залечь. В ту же секунду батальоны Коновальчука и Щербакова обрушили на станцию и вытянувшийся на северо-запад поселок шквал огня.

Застрочили пулеметы и автоматы. Над поселком рвались мины партизанского миномета. Его принесли на плечах щербаковцы.

Заметив заминку в 3-м батальоне, Коротченков подбежал и скомандовал:

— Третий батальон! Родивилин! Вперед! За мной!

Петр Родивилин, политрук Иван Блинов, командир взвода Исаак Кошепаве, а за ними и все остальные рванулись вперед.

— Ура-а-а! — понеслось над притихшим лесом.

Бой развивался молниеносно. Застигнутые врасплох, гитлеровцы выскакивали из домов в одном белье и падали, сраженные партизанскими пулями. Батальон Коновальчука с ходу овладел станционными путями и постройками. Оставив взвод для блокады вокзала, Коновальчук с остальными партизанами двинулся к аэродрому. К нему присоединились две роты из батальона Родивилина, занявшие перед тем восточную окраину станции. Одну роту Родивилин поставил в качестве заслона со стороны Рославля.

Батальон Щербакова без потерь взял поселки, перебил основную часть гарнизона. Теперь дело было за подрывниками. Их командиру Юрию Осадчему работы было по горло, он метался от одной группы к другой, подсказывая, как лучше заложить заряд под стрелочный перевод, водокачку и другие объекты, чтобы экономнее расходовать взрывчатку. Сильные взрывы сотрясали землю. Буйно горели складские помещения, все ярче освещая территорию.

Нелегким орешком оказалось для взвода, оставленного Коновальчуком, станционное здание. Фашисты, видимо, не очень уютно чувствовали себя на оккупированной территории. Здание вокзала они укрепили весьма основательно, даже обнесли второй стеной метра в два высоты. Из окон, как из бойниц, гитлеровцы вели яростный огонь, не подпуская партизан ни на шаг. Несколько наших было ранено.

Мы с Коротченковым задержались у взвода, штурмовавшего станционное здание, да так и остались здесь до конца боя. Через несколько минут к нам присоединились капитан Ключев с неразлучным адъютантом Ванюшкой Ивановым и политруком штабной роты Михаилом Капитоновым. Оценив обстановку, Коротченков приказал командиру взвода оттянуть людей из зоны, освещенной пожаром, и строго следить, чтобы немцы не удрали. При себе он оставил одно отделение с пулеметом и шестью автоматами. Сосредоточив огонь по окнам, мы перебежками почти вплотную приблизились к зданию и укрылись за поленницей дров.

— Собрать гранаты! — приказал Коротченков.

Гранат оказалось всего три, в том числе одна лимонка.

— Маловато, черт возьми! — сказал Коротченков. — Но в Корсиках было не больше, а школу с фашистами зажгли!

Охотников бросить гранаты нашлось больше, чем требовалось. Каждый уверял, что он чуть ли не перворазрядник по гранатометанию. Но ни Иванов, ни Капитонов, ни Ключев в окна не попали. Шлепнувшись о стену, их гранаты взорвались, не причинив вреда врагу.

— Надо поджечь! Без этого их не возьмешь, — сказал Коротченков. — Бензина не найдется?

— Бензин есть, — ответил молодой партизан Петр Новиков. — Недалеко отсюда я видел бензохранилище. Проверить?

— Проверь и тащи, что найдешь!

Новиков, не сгибаясь, метнулся через простреливаемую противником зону и исчез в темноте. Через несколько минут он появился с ведром.

— Прикрыть Новикова огнем! — скомандовал Коротченков.

Пулемет и автоматы дружно ударили по окнам. Воспользовавшись этим, Новиков рванулся к зданию и успел незамеченным проскочить самое опасное место. Прижавшись к стене, он хладнокровно осмотрелся и пополз к тамбуру главного выхода на перрон, осторожно передвигая драгоценное ведро. Остановился он рядом со станционным колоколом. Мы поняли это, услышав три звонких удара. Вслед за ними вспыхнул огонь.

Старое деревянное здание быстро разгоралось. Гитлеровцы попытались вырваться из огня через запасный выход на южной стороне. Но здесь их встретили партизанские пули.

Петя Новиков пробрался к нам с пустым ведром в руках.

— Не зря подал я фашистам третий звонок, — отпартовал он, довольный удачей.

Последний очаг сопротивления противника был уничтожен. Коротченков поручил капитану Ключеву проверить еще не охваченную огнем часть здания, забрать трофейное оружие и документы. Проникнуть в вокзал можно было только с южного входа, у которого только что утихла схватка. Когда Ключев приблизился к двери, от крыльца метнулся человек и скрылся за углом.

— Фриц! Держите! — крикнул капитан, бросаясь вслед, но гитлеровец точно сквозь землю провалился.

Мы с Коротченковым в это время ходили по путям — проверяли, все ли уничтожено. Батальон Щербакова времени зря не терял. Пылали не только склады, пакгауз, но и все вагоны длинных товарных составов. Бой на станции можно было считать законченным. Комбат Щербаков доложил:

— Подорвано двенадцать стрелочных переводов, водоканал и водонапорная башня, два семафора, уничтожено шесть складов и сенобаза. Подожжено около семидесяти вагонов с зерном, картофелем и прессованным сеном.

— Все закончили? — спросил Коротченков.

— Все! Мы бы давно управились, да долго с вагонами возились: никак не хотели гореть. Хорошо — напали на склад с горючим, сразу пошло по-другому.

— Вот и навели партизаны у немцев на станции полный порядок, — с удовлетворением резюмировал Коротченков. — Теперь можно отдохнуть. Пойдем, комиссар, на КП, доложим командиру.

...Оставив разгромленную Понетовку, отряд возвращался на базу. Разгоряченные боем, партизаны не замечали усталости. Шумно, многогласно обсуждали итоги операции. Они были блестящими: убито более ста гитлеровцев, противнику нанесен огромный материальный ущерб, на несколько дней выведена из строя станция. Но в тот момент, вгорячах, результаты боя невольно преувеличивал каждый.

— Станция выведена из строя недели на две, не меньше! — говорил один.

— Да что ты! — поправляли его. — Самое малое — на месяц!

Веселый смех доносился из штабной роты. Николай Бронебойный, как всегда, без тени улыбки сообщал о своих «подвигах».

— Что там у вас на станции! — укоризненно говорил он Капитонову. — Постреляли, постреляли — и делу конец. Видел бы ты, как я фашиста на штык наколол!

— Откуда же штык взялся? — еле сдерживая смех, спросил Капитонов. — У тебя-то на вооружении только немецкий крюк.

— Штык, говоришь, откуда? В горячке у кого-то из ребят выхватил винтовку со штыком.

— Ну, поехала душа в рай, — резюмировал Капитонов под громовой хохот товарищей. — А на будущее запомни: нет ни у кого из нас винтовок со штыками. Нет, и не предвидится. Ясно?

Чем дальше уходили мы от Понетовки, тем тише становились разговоры и шутки. Вступали в права строгие требования дисциплины. Начиная сказываться и усталость. Но близкой остановки не предвиделось. До рассвета надо было поглубже вклиниться в Мухинский лес, чтобы обезопасить себя от преследования.

На кратковременном привале меня разыскал Илья Игумнов и сказал, что плохо с Тоней Фигловской.

— Ранена?

— Нет, но идти дальше не может. Ноги распухли, шагает босиком.

— Немедленно посадите на лошады!

— Все лошади заняты ранеными, свободны только две — командира и ваша.

— Берите мою.

Игумнов поблагодарил и заторопился к своим разведчикам. Спустя несколько минут он привел еле ковылявшую Тоню. Девушка чувствовала себя неловко, тяжело переживала случившееся.

— Извините, товарищ комиссар... Не думала, что так могут подвести ноги, — сказала она сквозь слезы.

— Ничего, Тоня, не волнуйтесь. Садитесь на лошадь. На большом привале медики окажут вам помощь.

Над лесом уже поднялось погожее осеннее утро, когда колонна свернула с дороги и остановилась в старом хвойном лесу. Партизаны с радостью располагались на отдых. Задымили костры. Пошли в ход последние запасы продуктов. Но не успела закипеть вода в котелках, раздалась команда:

— Воздух!

На предельно малой высоте над нами прошел вражеский самолет-разведчик. Сомкнувшиеся кроны деревьев на этот раз, видимо, помешали летчику заметить партизан. Но отдых был нарушен. Через равные промежутки времени самолет снова и снова появлялся над местом расположения отряда. Чтобы не демаскировать себя, погасили костры и завтракали всухомятку.

За следующую ночь и часть дня мы рассчитывали дойти до лагеря, но пришлось остановиться на дневку километрах в пятнадцати: противник настойчиво продолжал разведку с воздуха. Двигаться днем было рискованно. К вечеру на стоянку прибыли разведчики, которые проверяли через местных жителей результаты налета на Понетовку. Они в основном подтвердили первоначальные данные и рассказали одну деталь, развеселившую партизан. Немецкий офицер, которого преследовал капитан Ключев, был не кто иной, как комендант станции. Скрыться от преследования ему удалось весьма необычным способом. Видя, что бежать некуда, комендант влетел в уборную и, не раздумывая, махнул через очко вниз: страх за собственную шкуру оказался сильнее зловония. Из этого убежища его извлекли через несколько часов. Целый день

отмывался комендант, обливался одеколоном, пил шнапс, закатывал истерику, а ночью куда-то исчез. Говорят, получил отпуск и укатил домой домываться...

Радость победы в Понетовке была омрачена тем, что мы застали в лагере.

На месте стоявших в строгом порядке шалашей лежали груды пепла. Лишь от штабного шалаша сохранился скелет из обуглившихся переключков. Через день после нашего ухода в Понетовку гитлеровцы напали на лагерь.

— Предупредили меня вовремя, — рассказывал Озернов. — Но что я мог предпринять с оставшимися людьми? Боеспособных чуть больше взвода, а остальные — раненые, больные да женщины из санитарной и хозяйственной части. Я считал своей задачей сохранить людей и радиостанцию. Хорошо, что это удалось сделать. Здорово помог дядька Роман...

Когда с поста от Вороницы сообщили, что к лесу движется большой отряд оккупантов, Озернов собрал всех людей и приказал быстро подготовиться к уходу.

— Дядька Роман, в голову колонны! Веди туда, где можно укрыться и пересидеть, пока наши вернутся из Понетовки!

Роман Семенович Анодин спокойно и уверенно повел партизан еле заметной тропинкой. Пропетляв по лесу около часу, они забрались в глухие заросли и отсиживались там до вечера. Внимательно прислушиваясь к стрельбе карателей, прочесывавших лес, Роман Семенович безошибочно определял, какие лесные квадраты они уже прошли. Ночью он перевел партизан туда, где днем побывали гитлеровцы, и нашел место, также хорошо скрытое от чужого глаза.

Наутро фашисты стали прочесывать те участки, где накануне отсиживались партизаны. Расстреляв десятки тысяч патронов и не встретив ни одного партизана, каратели сожгли лагерь и отправились рапортовать по начальству «о разгроме партизан».

...А в лагере снова кипела жизнь. Уже в день нашего возвращения Белов выпустил очередной номер газеты, посвященный победе партизан. Художник Шлихенмайер оживил его чудесными карикатурами. Номер получился содержательный и остроумный. Каждый с удовольствием

прочитал о штурме станции, вдоволь посмеялся над карикатурой, изображавшей нырнувшего в клозет немецкого коменданта. С улыбкой рассматривали два рисунка, посвященные Николаю Бронбойному. На одном наш штатный балагур накалывал на несуществующий штык фашиста, а на другом боязливо обстреливал пустую будку путевого обходчика. Вокруг газеты собиралось столько народу, что пришлось снять ее с подставки и по очереди отправлять в подразделения.

Коротченков тщательно подготовил и провел разбор боя. Вооружившись большой красочной схемой, он три часа втолковывал командирам и политработникам батальонов, рот, самостоятельных подразделений, где, кем и какие были допущены ошибки.

Я восхищенно слушал Коротченкова: как умело предостерегал он от шапкозакидательства, как толково учил управлению боем.

Особенно много хлопот было, естественно, у наших хозяйственников. Начхоз Лазарев, не теряя ни минуты, занялся восстановлением пекарни, энергично налаживал питание. Его заместитель по строительству инженер Сухин деятельно готовился к строительству нового, зимнего лагеря, чертил схемы размещения землянок, проверял, у всех ли есть пилы и топоры.

По-прежнему вели боевую работу разведчики и диверсионные группы. Ежедневно передавали мы на Большую землю сводки о движении железнодорожных эшелонов и автоколонн с войсками и военными грузами противника. Регулярно дежурили по ночам на железной дороге между Брянском, Рославлем и Кричевом по несколько диверсионных групп, выжидая момента, чтобы пустить под откос эшелон.

Возобновился приток в отряд новых людей из Ершичского, Рославльского и Шумячского районов Смоленщины, из Климовичского и Костюковичского районов Белоруссии.

ПРИГОРЬЕВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Неожиданные разногласия

Холодные октябрьские ночи заставили нас перейти в новый, недостроенный лагерь. Полностью были готовы только штаб, госпиталь и по одной землянке на два взвода. Правда, землянки были капитальные, просторные и удобные. Строительство же четырех бань, штабной и батальонных кухонь, хозчасти, санчасти, штабов батальонов и землянок на каждый взвод шло полным ходом.

— Замечательное место нашел дядька Роман! — восхищались партизаны, придя в новый лагерь. Здесь можно жить до конца войны.

Лагерь стоял на возвышенности, в хорошем хвойном лесу, в нескольких километрах от деревень Прыща и Малаховка. Вблизи протекал небольшой ручей с холодной чистой водой и множеством родничков. В трех километрах партизаны облюбовали большую поляну под аэродром.

Место было удобным не только для жилья, но и для обороны. В этом мы убедились спустя месяц.

Переход в новый лагерь совпал с получением приказа Центрального штаба партизанского движения о реорганизации отряда в бригаду, что здорово повысило боевой дух партизан. Бригада... Это слово поднимало людей в собственных глазах, невольно подтягивало и дисциплинировало. Особенно импонировало новое название бывшим военным. В день, когда был объявлен приказ, появилась песня о бригаде лазовцев. В тот момент я не записал слов, а теперь удалось восстановить только два куплета. Пели на мотив «Раскинулось море широко».

Раскинулся лагерь бригады
В Смоленском лесу фронтовом.
Дрожите, фашистские каты, —
За Родину мстить мы идем!

Мы бьем вас в бою, из засады,
Взрываем мосты, поезда.
Мы мстим за народ беспощадно!
Не дрогнем нигде, никогда!

Далеко от нас, у берегов могучей Волги, шла гигантская битва за Сталинград.

Как там, на Сталинградском фронте? Об этом были все мысли и разговоры. О том, как напрягает силы фашистская Германия, чтобы не проиграть эту битву, мы, партизаны, могли судить не только по сводкам Совинформбюро. По железным дорогам южного направления непрерывно шли с запада вражеские эшелоны с живой силой и техникой. Бригада имени Сергея Лазо, как и другие четыре бригады, созданные на базе отрядов, действовавших в Клетнянских лесах Брянщины, стремилась всячески затормозить переброску сил противника. Диверсионные группы безвылазно находились у железных дорог — подрывали поезда, пути. Задумывались крупные диверсии, которые приостановили бы движение не на часы, а на целые дни.

Оккупационные власти и охранные войска принимали контрмеры. На всех станциях и в населенных пунктах, находившихся между железной дорогой и лесами, были поставлены небольшие гарнизоны для перехвата партизан-подрывников. Местных жителей заставили срубить деревья и кусты на сто пятьдесят — двести метров от железнодорожного полотна. Образовавшиеся завалы во многих местах заминировали. В ночное время вдоль железнодорожной линии выставляли охрану из полицаев. Охранника, во время дежурства которого случалась диверсия, немедленно расстреливали. Каждое утро железнодорожное полотно обследовали саперы с миноискателями.

Все это осложнило, но не остановило рельсовую войну. Пришлось увеличить численность диверсионных групп и усилить их автоматическим оружием. Мины нажимного действия были заменены более эффективными. И хотя теперь реже удавалось пускать под откос поезда, зато чаще взрывали партизаны большие отрезки железнодорожного полотна, на восстановление которого требовалось немало времени.

К ударам партизан по вражеским коммуникациям прибавились ощутимые удары подпольщиков, действовавших

на крупных станциях. Время от времени по неизвестным причинам взрывались на перегонах паровозы, загорались цистерны с горючим...

Штаб бригады принял решение разгромить станцию Пригорье. Мысль об этом возникала и раньше. Еще при первом знакомстве с Коротченковым я заинтересовался его мнением о возможности нападения на Пригорье. Посмотрев на карту, он с минуту подумал и ответил:

— Вполне возможно, но силенок надо порядочно!

Тогда мой вопрос не был вызван какими-либо конкретными соображениями. Мне было все равно — Пригорье или Понетовка. Интересовался я этой станцией лишь потому, что первую попытку лавовцев напасть на Понетовку сорвал затесавшийся в наши ряды предатель. Теперь, когда мы располагали о Пригорье данными разведки, знали окружающую обстановку, было ясно, что предстоящую операцию нельзя сравнить по значимости, сложности и трудности ни с одной из тех, что нам уже удалось провести.

Линейная станция Пригорье, мало кому известная до войны, приобрела в то время для оккупантов весьма существенное значение.

Советская авиация все чаще бомбила рославльский железнодорожный узел, через который шли поезда на юг и на Западный фронт. Одноколейка Рославль — Сухиничи, проходившая по лесному району, не успевала полностью обеспечивать грузами Кировский участок фронта. Поэтому немцы перенесли часть грузовых операций на Пригорье. Отсюда до фронтовых тылов было чуть больше шестидесяти километров по довольно приличным грунтовым дорогам.

После разгрома партизанами Понетовки оккупанты резко усилили гарнизон на станции Пригорье. С южной стороны были сооружены два дзота, вырыты окопчики. Однако главная трудность для нас заключалась не в этом. От места дислокации бригады до станции было более семидесяти километров, а ближайший лес находился от нее в двадцати пяти километрах. Параллельно железной дороге, в двух-трех километрах южнее, проходило шоссе Рославль — Брянск. До Рославля по нему двадцать четыре километра, до станции Сечинская и огромного аэродрома семнадцать. В обоих пунктах фашисты держали войска, которые по шоссе быстро могли подойти на помощь пригорьевскому гарнизону.

Пока велась разведка и шли общие приготовления к операции, мнение командования бригады было единым. Но как только возникла мысль разгромить станцию накануне двадцать пятой годовщины Октябрьской революции, командир бригады Кезиков заколебался. На предложение Коротченкова он ответил:

— Бросьте об этом думать! Обстановка сейчас неблагоприятная. Изменится в нашу пользу — пойдем на Пригорье. А пока будем действовать только диверсионными группами.

Разгорелся горячий спор. Я предложил разобраться во всем детально, внимательно выслушать соображения начальника штаба Коротченкова, разработавшего план операции.

— Я продумал, Григорий Иванович, все детали, — начал Коротченков, развертывая карту. — Мы располагаем точными данными о гарнизоне. Совершенно ясна и обстановка вокруг. При всей сложности операции сил у нас вполне достаточно, чтобы выполнить ее.

— Это будет достойный подарок лазовцев к празднику Октября! — добавил Винокуров.

— Это будет авантюра, а не подарок! — сердито парировал Кезиков.

— Разрешите продолжать, товарищ командир? — спросил Коротченков.

— Продолжай.

— Гарнизон противника насчитывает пятьсот пятьдесят человек. Около ста солдат расположены в деревне Пригоры, в семистах метрах южнее станции, остальные — в здании средней школы и в домах станционного поселка. Вооружение — батарея легких минометов, тридцать пулеметов и до сотни автоматов.

— Чтобы напасть на такой гарнизон, надо поднять всю бригаду, — прервал Кезиков. — И то будет мало. А лагерь на кого оставим? Один урок мы уже получили...

— Я полагаю, для нападения на Пригорье потребуется не более шестисот человек, — сказал Коротченков, словно не замечая настроения командира. — У нас почти девятьсот. Хватит и для охраны лагеря.

— Я полностью согласен, — поддержал Ключев.

— Да разве только в этом дело? — вырвалось у Кезикова.

— В чем же еще?

— А расстояние до Пригорья! А окружающая обстановка! А время! Потребуется ночь, чтобы только дойти до станции от леса. А когда проводить бой? Утром, что ли!

— Эту проблему можно решить, — не сдавался Коротченков.

— Каким образом?

— Прошу обратить внимание на карту... В одну ночь можно совершить марш от лагеря до северной опушки Мухинского леса. Следующей ночью пройдем поле между Рославлем и Пригорьем, пересечем шоссе и железную дорогу, вклинимся в Банковский лес, продвинемся поближе к станции и устроим дневку. В третью ночь дадим бой и вернемся в лес. При хорошей организации это, безусловно, возможно.

— А если бой затянется? Если из Рославля и Сечинской немцы подбросят на машинах новые силы, закроют нам выход. Тогда что? — стоял на своем Кезиков.

— Все это не исключено, конечно. Но и мы примем свои меры. Перекроем шоссе заслонами... А вообще-то — каждый серьезный бой связан с риском.

— Я не могу рисковать бригадой! — отрезал Кезиков.

Спор затянулся. Я предложил оставить вопрос открытым и вернуться к нему утром. В глубине души надеялся, что в разговоре один на один смогу переубедить Кезикова. Но командир бригады твердо стоял на своем.

Что было делать? Я видел в бою Коротченкова, верил ему, верил в его план, верил в людей.

Но и в доводах Кезикова были серьезные аргументы. Речь, по существу, шла не о Пригорье, а о том, следует ли переходить к большой рельсовой войне, крупным диверсиям, требующим риска, или ограничиться действиями мелких диверсионных групп. Не было сомнений, что коммунисты бригады всегда поддержат разумный риск, который может принести наибольший урон врагу.

Однако о том, чтобы обсуждать действия командира бригады, не могло быть и речи. Это подорвало бы его авторитет, а следовательно, и боеспособность бригады. Посоветовавшись, мы с Винокуровым сошлись на том, что надо искать помощь у представителя Западного штаба партизанского движения. Не сказав никому ни слова, мы сели на лошадей и поскакали в 1-ю Клетнянскую бригаду, где находился после разгрома Понетовки Архангельский...

Поход

Вечером 2 ноября 1942 года бригада двинулась на разгром станции Пригорье. Почти до самой Вороницы путь проходил лесом. В воздухе кружились одинокие снежинки. Погода на этот раз была союзницей партизан — ночь ожидалась сухая и темная. Я шагал рядом с Коротченковым в середине колонны и с благодарностью думал об Архангельском. Он внимательно отнесся к нашей с Винокуровым просьбе, умело помог выйти из создавшегося положения.

Архангельский приехал к лазовцам через день после нашей встречи в лагере бригады Данченко. Накануне он вызвал к себе Коротченкова и познакомился с планом операции. Появившись в штабе, Архангельский приветливо поздоровался, принялся расхваливать землянку.

— Ну и молодцы лазовцы, какое помещение отгрохали! Не землянка, а целый дом!

— Долго здесь собираемся жить, — довольно ответил Кезиков.

— Это хорошо... Но я в обиде на вас, Григорий Иванович! Готовите интереснейшую операцию и держите от меня в секрете!

— Да мы не все до конца решили...

— Задумано замечательно, — продолжал Архангельский, сделав вид, что не расслышал Кезикова. — Смело, дерзко, именно по-партизански! Я, как узнал, немедленно связался с начальником штаба Поповым. Он полностью одобрил намерение лазовцев и приказал помочь вам. С планом операции я знаком. О том, какая требуется помощь, тоже примерно знаю. Вот и документ уже подготовлен. Посмотрите, пожалуйста.

Кезиков взял исписанный четким, убористым почерком лист и стал внимательно читать...

В помощь нам из 2-й Клетнянской бригады придавалась рота из батальона Шевцова для подрыва мостов и рота из батальона Толочина для отвлечения сечинского гарнизона.

Кезиков ни словом больше не обмолвился о своих сомнениях и безропотно принял план похода на Пригорье.

Закипела работа. Командира бригады будто подменили. Он внимательно следил за подготовкой батальонов, подразделений разведки, диверсионной службы, санча-

сти. Но довести дело до конца ему не пришлось. За несколько часов до выхода бригады Кезикова свалили острые боли в желудке, он вынужден был остаться в лагере, а руководство операцией возложили на Коротченкова...

После недолгой задержки на переправе через Вороницу колонна безостановочно двигалась по маршруту и за час до рассвета остановилась на отдых на опушке леса у деревни Максимково.

Часа за два до начала второго этапа марша Коротченков собрал командиров и политработников, еще раз предупредил о трудностях предстоящего пути, попросил побеседовать с каждым партизаном.

С наступлением полной темноты снова двинулись в путь. Впереди шли начальник разведки Алексей Данильченко и политрук роты 2-го батальона Кондрат Михайлович Соловьев, отлично знавший местность. Много лет до войны он был здесь председателем сельского Совета, изучил каждую деревню, каждую дорожку и стежку. Память не изменила Соловьеву. Он уверенно вел за собой партизан.

Штаб паходился, как всегда, в середине колонны. Как ни всматривался я в темноту, как ни прислушивался, не уловил ни одного подозрительного звука. Но колонна вдруг остановилась. Спустя минуту тронулась, продвинулась на пятнадцать — двадцать метров и снова стала. Так повторялось несколько раз. Коротченков сделал шаг в сторону и быстро пошел вперед. Я поторопился за ним. Вскоре мы узнали причину остановки: путь преграждал глубокий овраг, по дну которого журчал ручеек. Партизаны без труда перепрыгивали через ручей. Но никто не подумал, что секунды, затрачиваемые на прыжок, в конечном счете вызовут потерю многих драгоценных минут.

Коротченков приказал пересекать овраг одновременно в нескольких местах, и дело пошло быстрее.

— Времени в обрез! — торопил он каждого.

Лишь на исходе ночи сделали небольшую остановку, чтобы разведать переход через Брянское шоссе.

На востоке уже занималась заря, когда голова колонны приблизилась к железной дороге. Все более отчетливо слышались звуки приближавшегося со стороны Рославля поезда. Наших подрывников так и подмывало устроить ему встречу. Заразившись их настроением, капитан Ключев попросил разрешения атаковать эшелон.

— Остыньте, капитан! — сурово ответил Коротченков. — Дело сейчас не в этом эшелоне!

Не успел скрыться красный огонек хвостового вагона, мы устремились через насыпь. Чтобы не оставлять следов, разостлали плащ-палатки. Подразделение, замыкавшее колонну, собрало потом плащ-палатки и замаскировало оставленные кое-где следы.

Никем не замеченные, лавовцы углубились в болотистый лес и, повернув под прямым углом, двинулись параллельно железной дороге к Пригорью.

Над лесом уже поднялось солнце, когда наконец был разрешен долгожданный отдых. Место, где расположилась бригада, представляло собой сухой остров среди болота, заросшего лозняком и орешником. Коротченков сориентировался по карте. Сомнений не было: Соловьев привел нас туда, куда было приказано. В семи километрах должно быть Пригорье. И все же начальник штаба послал разведчиков проверить, так ли проходят ближайшие дороги, как показано на карте. Окончательно убедившись в правильности местоположения бригады, Коротченков приказал выставить охрану и разрешил на час развести небольшие костры, чтобы приготовить пищу и немного обсушиться.

— Ну что, комиссар, пора и нам отдохнуть, — предложил он, укладываясь на плащ-палатку под одиноким старым дубом.

Я прилег рядом и с удовольствием вытянул затекшие ноги. В памяти всплыл эпизод из студенческой жизни, связанный с Пригорьем. Я рассмеялся.

— Чему смеешься? — удивился Тимофей Михайлович.

— Вспомнил, как из Пригорья в Рославль благодаря балалайке проехал.

— Интересно!

— Да как тебе сказать... Ну ладно, слушай.

— Приехал я в Рославль учиться в медицинском техникуме. Сдружился с пареньком из Жарыни. Оба были самые молодые и низкорослые из первокурсников. А еще — оба любили балалайку. Надумали однажды съездить к родным приятеля на выходной, благо встретили попутную машину из совхоза. Прихватили, конечно, с собой балалайку. Денек погостили, надо возвращаться. Вышли на шоссе — никто не сажает. Решили податься на станцию. Пассажирского поезда ждать очень долго, да и платить за проезд было печем. А тут подошел товарняк.

Чем не транспорт? Вскочили на свободную тормозную площадку, притаились. В общем, не повезло. Поезд стоит и стоит. А мы уже не дышим от страха. И, знаешь, заметили нас, голубчиков. Кондуктор заметил. Сердитый такой, усатый. «Слезайте — и все!» Что делать? Тут меня и осенило. Взял у дружка балалайку, ударил по струнам. Кондуктор заулыбался. А я знай нажариваю частушки! Не помню уже, сколько продолжалась эта самодеятельность. Однако до Рославля доехали на том самом товарном.

— Ты, значит, знаком с Пригорьем, — улыбаясь, сказал Коротченков, выслушав рассказ. — Ну что ж, сегодня мы немцам тоже устроим музыку на станции.

Бой на станции

Быстро кончился короткий ноябрьский день. Заметно похолодало. Небо расчистилось, к ночи следовало ждать заморозка. У дуба, под которым отдыхали мы с Тимофеем Михайловичем, собрались командиры и политработники. Коротченков отдал приказ о начале операции.

Силы бригады разделили на два эшелона. В первый эшелон входили 1-й и 3-й батальоны. Им предстояло ворваться на станцию, подавить сопротивление противника, овладеть деревней Пригоры, оставить взвод для охраны моста через реку и выйти на шоссе Брянск — Рославль в районе хутора Лошаков. Здесь батальонам нужно разъединиться и организовать засады: одному — у деревни Косицы со стороны Рославля, другому — у деревни Жилинка со стороны Сечинской. При этом между ними образуется коридор, который гарантирует в случае необходимости отход второго эшелона. Для увеличения ударной силы первого эшелона каждой роте придавались штурмовые группы из гранатометчиков, пулеметчиков и автоматчиков.

Во второй эшелон включили батальон Щербакова, диверсионные группы всех трех батальонов, хозяйственную часть и роту из батальона Шевцова (2-я Клетнянская бригада). Задача второго эшелона: ликвидировать оставшиеся очаги сопротивления противника, взорвать станционные сооружения, уничтожить подвижный состав и склады, эвакуировать раненых и трофеи.

Чтобы помешать гитлеровцам подбросить подкрепление по железной дороге, Шевцову и его людям было приказано в двенадцать часов ночи взорвать небольшие железнодорожные мосты через речки Боровка и Поповка — северо-западнее и юго-восточнее станции.

— Успех боя, — заключил Коротченков, — будет зависеть не только от внезапности, но и от быстроты наших действий. Ни малейшего промедления! Отступление исключено. Только вперед!

Часа за два до полуночи бригада вышла к станции. Батальоны Коновальчука и Озернова развернулись и стали бесшумно приближаться к черневшим впереди домам. Бойцы второго эшелона залегли в поле. Со станции отчетливо доносилось пыхтение паровоза и лязг металла, неясно слышалась немецкая речь. Грохот приближавшегося поезда быстро нарастал. Начальник разведки Данильченко в шутку обратился к Коротченкову:

— Товарищ подполковник, разрешите принять эшелон.

— Я и сам об этом подумал, — совершенно серьезно ответил Коротченков. — Догони-ка быстренько Коновальчука, пусть выбросит вперед группу смельчаков и расстреляет паровоз. Нельзя выпускать его со станции.

— Есть! — ответил Данильченко и тут же скрылся в темноте.

Тишину ночи взорвал начавшийся бой. Застрочили пулеметы и автоматы. Загрохотали разрывы гранат.

Батальон Озернова с ходу разгромил оккупантов на западной окраине поселка и вышел к школе. Здесь немцы успели организовать и оказали сильное сопротивление. Участь гарнизона на станции Понетовка кое-чему научила противника. Школа была основательно укреплена. Многие окна были заложены изнутри мешками с песком. Вокруг здания темнели окопы с ходами сообщения внутрь школы. Гитлеровцы вели из-за укрытия непрерывный огонь и вынудили партизан прижаться к земле.

Озернов мигом оценил создавшуюся обстановку. «Взять школу будет очень трудно, — подумал он. — Но оставлять такой орешек Щербакову тоже нельзя. Он еле успеет разделаться с эшелонами... Попробуем все-таки выполнить приказ — не задерживаться и разгромить школу...» Оставив для штурма школы одну роту и гранатометчиков, комбат приказал остальным бойцам под коман-

дованием Петра Родивилина двигаться на деревню Пригоры...

Под прикрытием огня наши гранатометчики с трех сторон подползли к школе и по сигналу комбата забросали окопы гранатами. Еще не утих грохот последних разрывов, как раздалась команда Озернова:

— За Родину! Вперед!

Партизаны вихрем рванулись к школе.

Все смешалось... Наши не дали опомниться фашистам. Стреляя на ходу, партизаны ворвались в здание сразу через три входа. Вскочив в темный коридор, Озернов споткнулся и упал. Из дальнего угла застрочил автомат. В тот же миг над головой комбата заплесало пламя длинной пулеметной очереди. Это подоспел на выручку пулеметчик Николай Солдатов. Припав со своим «дегтярем» у порога, он поливал огнем темный коридор.

Через несколько минут школа была в наших руках. Но бой еще продолжался. С неослабевающей силой кипел он в районе станции и в деревне Пригоры. Озернов торопил ребят, спешил присоединиться к батальону.

В северо-западной части поселка 1-й батальон молниеносно разбил гитлеровцев и вышел без задержки к станционным путям. У разгрузочной площадки на пути стоял длинный состав с громоздкими машинами на гусеничном ходу.

— Танки! — крикнул кто-то из партизан.

— Бронетягачи, — уточнил Ключев, служивший в танковых войсках.

На противоположной стороне стоял недавно подошедший воинский эшелон. Впереди, набирая пары, пыхтел паровоз. На платформах возвышались громады самолетов. На других путях виднелись цистерны с горючим, товарные вагоны.

Окрыленные первым успехом, Ключев и Коновальчук рассчитывали быстро овладеть вокзалом и станционной территорией, однако это оказалось невозможным.

К солдатам местного гарнизона присоединились охрана эшелонов и экипажи бронетягачей. Укрывшись за вагонами и стенами пакгауза, гитлеровцы яростно били из пулеметов и автоматов. Прижатые шквалом огня, партизаны несли потери, но не могли продвинуться ни на шаг.

Неожиданно землю потряс оглушительный взрыв в районе Сещинской. Буквально через минуту громыхнул

второй, еще большей силы, на подходе к станции со стороны Рославля. «Молодцы клетнянцы, — мысленно отметил Ключев, — мосты взорвали вовремя, теперь ни один эшелон со станции не уйдет...» Огонь противника ослабел, там явно растерялись. Коновальчук решил, что наступил подходящий момент для атаки. И хотя атака не удалась, позиции батальона значительно улучшились. Вокзал и эшелоны с самолетами и бронетягачами были теперь совсем рядом. Оставалось сделать последний решительный бросок. Ждали только команды комбата. Но не слышно было голоса Андрея Коновальчука. Не добежав несколько метров до укрытия, он упал, скошенный пулей. Автоматчик Хасан Джапаридзе с друзьями подняли и перенесли командира в защищенное место. Подбежал врач, но было поздно.

По цепи молнией пронеслось: «Комбат убит». Эта горестная весть чуть не парализовала батальон. Бойцы растерялись, прекратили огонь, начали отползать. Находившийся на правом фланге Ключев заметил это и немедленно передал по цепи приказ: «Командование батальоном принял капитан Ключев. Ни шагу назад! Приготовиться к последней атаке!»

Рискуя жизнью, Ключев пробрался к месту, где находились комиссар батальона Чиберяк и секретарь партбюро бригады Винокуров.

— Что будем делать дальше? — спросил капитан.

— Бить гадов до конца, атаковать! — горячась, ответил Винокуров.

— Задерживаться нам здесь нельзя, но и в лоб их не возьмешь, — раздумывая, сказал Ключев.

— А что, если частью сил обойти немцев с правого фланга и ударить одновременно? — спросил Чиберяк.

— Правильно, — поддержал его Ключев.

— Разрешите сделать это мне? — волнуясь сказал Чиберяк. — После гибели командира за самое опасное дело должен взяться комиссар.

— В бою везде опасно, — возразил Ключев.

— Оно, конечно... Но от этого флангового удара во многом зависит исход боя и наши потери.

— Хорошо, иди, — согласился Ключев. — Возьми самых надежных людей.

— Я с ним, — решительно заявил Винокуров. — Если что, скажи комиссару...

Небольшая группа партизан во главе с Чиберяком и Винокуровым сосредоточилась в самом конце станционных путей и приготовилась пересечь их. На противоположной стороне прямо перед ними темнело небольшое служебное здание.

— Надо добраться до него, — тихо сказал Чиберяк Винокурову. — Оттуда будет удобно бить по эшелону с самолетами и пакгаузу.

Винокуров согласился и глазами показал влево — на хвостовой вагон эшелона, стоявшего у перрона. Из-под колес вагона время от времени вырывались огненные трассы. Продвинуться дальше, к входной стрелке, было невозможно: там штурмовал школу 3-й батальон. Расположение сил было неизвестно. Выходить в ночном бою из сектора своего батальона Чиберяк считал нежелательным. Он приказал молодому пулеметчику Михаилу Свиридову сковать вражескую огневую точку, а остальным короткими перебежками следовать за ним.

Худой, но сильный и ловкий Свиридов укрылся за кряжистой ивой и послал длинную очередь по колесам вагона, за которым притаились гитлеровцы. Партизаны, низко пригнувшись, бросились через путь. Впереди бежали Чиберяк и Винокуров. Не отставая ни на шаг, за ними следовали два пулеметчика и автоматчики. Партизаны пересекли уже часть станционных путей, когда над ними снова замелькали огненные трассы. Винокуров слышал, как за спиной кто-то упал, тихо вскрикнув. Но продолжал бежать, чувствуя рядом Чиберяка. Все внимание секретаря партбюро было приковано к находившейся уже совсем близко железнодорожной будке. Правую ногу резанула острая боль, однако он не остановился, уверенный, что товарищи следуют за ним. Винокуров не мог оглянуться. Иначе бы увидел, как один за другим замертво рухнули трое партизан, как залегли остальные и, прикрывая друг друга огнем, стали отползать за одиноко стоящую на путях цистерну.

Цели достигли только трое.

Обливаясь кровью, как подкошенный, упал Чиберяк. На бледном лице его угасали последние признаки жизни. Судорожно вздымалась изрешеченная пулями грудь.

— Передайте семье и друзьям... Я честно выполнил долг, — прошептал он и затих навеки.

Потрясенный Винокуров забыл обо всем. Забыл даже,

зачем бежал к этой будке. Забыл, что вокруг кипит бой, что Ключев ждет удара по немцам с фланга как сигнала к общей атаке. Трудно сказать, сколько длилось бы у него такое состояние, не раздайся рядом приглушенный, настойчивый голос:

— Товарищ парторг, вы ранены, надо перевязать.

Подняв глаза, Винокуров увидел поляка Николая Дьяконова — старшего переводчика штаба бригады.

Наскоро забинтовав ногу, Винокуров приказал Дьякову взять автомат Чиберяка. В этот момент перед ними, как из-под земли, выросли командир 3-го батальона Озернов и командир отделения Николай Майоров с трофейным пулеметом.

— Кто здесь? — спросил Озернов, держа автомат наготове.

— Свои, — ответил Винокуров, узнав комбата. — Во-время вы подоспели! Коновальчук и Чиберяк погибли... Захватить эшелоны и вокзал пока не удастся. Надо помочь.

— Я получил приказ подполковника Коротченкова, товарищ парторг. Сейчас мы их долбанем. Побегут не хуже, чем из школы. Правда, людей у меня не богато: один взвод, остальные штурмуют Пригоры. А все же, попробуем.

Быстро расставив людей, Озернов приказал открыть огонь и беспрерывно во весь дух кричать «ура». Его нехитрый замысел тут же оправдал себя. Люди Озернова появились с той стороны, откуда гитлеровцы никак не ждали наших. От железнодорожного состава, являвшегося главной линией обороны, немцы шарахнулись к пакгаузу и угодили точно под партизанские пули. По команде Ключева рванулся в решающую атаку 1-й батальон. Перекрывая звуки боя, над станцией покатилося могучее «ура».

Через несколько минут вокзал и территория станции были в руках лазовцев. Попав в комнату дежурного по станции, Ключев схватил телефонную трубку и крикнул:

— Диспетчер! Доложи Гитлеру: Пригорью капут!

Капитан забыл в пылу боя, что связь со станцией давно прервана.

Выполняя команды Ключева, партизаны проверили все места, куда могли забиться фашисты, осмотрели поле боя, подобрали раненых и быстро зашагали на Пригоры.

В деревне они появились вскоре после того, как батальон Озернова с боем занял ее. Здесь врачи батальонов осмотрели раненых, переменили наспех наложенные повязки, сделали уколы тем, кто страдал от боли. Затем 1-й и 3-й батальоны вышли на шоссе Брянск — Рославль и заняли названные в приказе пункты, образовав заслоны от Рославля и Сечинской. Раненых Ключев отправил на сборный пункт в Волконщинский лес, выделив надежную охрану. Повел их Кондрат Соловьев.

Прошел час, другой... На шоссе ни с той, ни с другой стороны не появилось ни души.

Ключев начал волноваться. «По плану, — размышлял он, — бой предполагалось закончить в два часа тридцать минут. Значит, не позднее половины четвертого бригада должна быть здесь в полном сборе. Сейчас четыре — и никого... Коротченков предупреждал всех, чтобы позднее четырех не задерживались. Кто не успеет к этому времени, пусть отходит на сборный пункт самостоятельно. А как отойти, если бой на станции не закончен?»

Прождав еще минут тридцать, показавшихся вечно, Ключев преодолел колебания, приказал батальонам сняться и форсированным маршем двигаться на сборный пункт.

...Второй эшелон бригады вступил в поселок, как только завязался бой у школы и на станционных путях. Все как будто шло по задуманному плану. Но я страшно волновался, то и дело посылал связных выяснить обстановку, порывался бежать сам то в 1-й, то в 3-й батальон, в зависимости от того, где в тот момент был сильнее огонь. Коротченков всякий раз останавливал, подтрунивая над моей горячностью.

— Не волнуйся, комиссар! Это тебе не балалайка. Тут другая музыка. Ее понимать надо! Впереди может встретиться много такого, во что надо будет вмешаться лично. Бой только начинается.

И в самом деле, он удивительно хорошо понимал музыку боя, безошибочно определял, на чьей стороне перевес. Когда в районе школы огонь достиг наибольшей интенсивности и мне показалось, что дело там осложнилось, Коротченков спокойно заметил, что Озернов кончает громить гитлеровцев, засевших в школе. Об этом ему говорили первые отдаленные пулеметные очереди у деревни Пригоры, куда озерновцы могли попасть, только миновав

школу. Так же точно определил подполковник, что 1-й батальон не сумел пересилить огонь противника, что положение там осложнилось, и тут же послал связного к Озернову с приказанием помочь Коновальчуку ударом с фланга.

Коротченков был уверен, что наш первый эшелон, быстро проскочивший поселок, не мог уничтожить всех оккупантов. А потому приказал командиру 2-го батальона Щербакову хорошенько проверить все дома, и, как мы узнали потом, не ошибся.

С захватом станции батальон Щербакова и подрывники Василия Черезова занялись уничтожением вражеских эшелонов, станционных зданий и сооружений. Запылали вещевые склады, вокзал, вагоны, сенобаза. Буйное пламя далеко освещало все вокруг. Взлетели в воздух стрелки, семафоры, водокачка.

Коротченков расхаживал по путям, попыхивая трубкой, которую он не вынимал изо рта с начала боя. Только это показывало, что он волнуется так же, как остальные, но внешне сохранял невозмутимое спокойствие. Глядя на состав с самолетами, он в раздумье сказал:

— Видно, не густо у немцев с горючим, коль самолеты перевозят по железной дороге... Интересно, куда они направлялись?

— Куда бы ни шли, а попали к нам! — весело отозвался возившийся у самолета бесстрашный подрывник Юрий Осадчий.

— Как думаешь разделаться с ними? Будешь подрывать? — спросил подполковник.

— Зачем взрывчатку тратить! Мы их обложим сеном, обольем бензином и зажжем. Вспыхнут как свечи.

— А что с паровозом?

— Полный порядок, товарищ подполковник. Я ведь в МИИТе учился, знаю, как с локомотивами обращаться!

Неожиданно зло ошетилилась пулеметным огнем водонапорная башня. Это не выдержали нервы у притаившихся там гитлеровцев: к башне приближались партизаны, чтобы взорвать бак. Несколько лазовцев получили ранения. Времени, чтобы возиться с башней, не было. Пришлось взорвать ее вместе с засевшими внутри фашистами.

Время летело неудержимо. Часы показывали половину четвертого. Коротченков торопил, упрекал Щербакова в медлительности.

— Все уничтожено, — оправдывался тот. — Остались только бронетягачи. Их сорок штук. А подрывать нечем: последний тол пошел на водонапорную башню. Придется поджигать. Машины заправлены, загорятся за милую душу.

— Действуйте аккуратно, чтоб от взрыва бензобаков не пострадали наши люди. Даю на все десять минут! — строго сказал Коротченков.

Лихо козырнув, Щербаков побежал к составу.

В этот момент вспыхнул сильный пулеметный огонь северо-западнее станции, в районе подорванного моста. Интенсивность огня с каждой минутой нарастала. От командира группы клетнянцев, находившихся в засаде у железной дороги, примчался запыхавшийся посыльный. Там произошло непредвиденное. Партизаны уже собрались отходить, когда увидели приближавшийся поезд. Командир приказал задержаться, хотел своими глазами увидеть, как рухнет состав, когда паровоз наскочит на взорванный мост. А эшелон остановился, не дойдя до моста. Из вагонов высыпало несколько сот гитлеровцев. С ходу развернувшись, они двинулись на партизан. Пришлось, отстреливаясь, отходить к станции.

Словно в подтверждение того, что противник получил крупное подкрепление, загорелся бой и на западной окраине деревни Пригоры. Гитлеровцы явно решили не только выбить партизан со станции, но и помешать их отходу через Пригоры.

Коротченков приказал начать эвакуацию раненых и трофеев, выдвинуть небольшое прикрытие, чтобы задерживать наступающих немцев, а остальным быстро двигаться к мосту через Вороницу.

— Самое важное сейчас — удержать мост! — сказал он, отдав последние распоряжения. — Если придется переправляться вброд, рассвет застанет нас в открытом поле, вблизи деревень, занятых фашистами.

Как мы ни спешили, изменить положение было уже невозможно. Используя большое численное превосходство, противник сбил партизанский взвод, охранявший мост, и овладел им до подхода батальона Щербакова. Коротченков намеревался снова взять мост, но гитлеровцы открыли такой огонь, что пришлось серьезно задуматься, прежде чем принять окончательное решение. Бой за мост занял бы много времени и мог вызвать огромные потери.

Я предложил искать подходящий брод.

— Другого выхода, пожалуй, нет, — согласился Коротченков и отдал приказание двигаться вдоль реки восточнее деревни.

Начинавшаяся где-то недалеко река Вороница оказалась здесь не очень глубокой, но неудобной для переправы. Пришлось продвигнуться немного вперед по течению.

Первыми, ломая тонкую корочку льда, спустились в обжигающую воду разведчики. И хотя на середине реки вода доходила до горла, оружие удалось сохранить сухим, готовым к бою. Самые высокие и сильные перенесли раненых.

Как ни переживал начхоз Федор Лазарев, нам все же пришлось бросить не только подводы, на которых он рассчитывал вывозить трофеи, но даже верховых лошадей: переправить их на другой берег оказалось невозможно. Скрепя сердце Лазарев со своей командой опустил в реку до лучших времен четыре миномета и несколько ящиков мин, чугунные немецкие печки, седла и другие трофеи. Использовать удалось только десятка три новых немецких шинелей: их надели на себя партизаны.

Переправа через Вороницу подходила к концу. Не предупредив Коротченкова, я решил добраться до места, где остановились подводы с ранеными, чтобы проверить, всех ли перенесли к переправе. Не успел выбраться из топины, попал под огонь. Над головой засвистели пули. Я плюхнулся в грязь между двумя кустами лозы и, когда на голову упала сбитая пулей ветка, почувствовал, что на мне нет фуражки. Пошарил вокруг — ничего. Чертыхнувшись, решил вернуться к переправе. «А что скажут ребята? Небось подумают: ну и драпанул комиссар! Фуражку и ту не уберег... Надо обязательно найти ее, проклятую!»

Что за блажь на меня напала, не пойму и по сей день, только я снова взялся за поиски.

Реку переходили уже последние партизаны. На этом берегу оставался только Коротченков с несколькими бойцами. Тут он и обнаружил, что меня нет.

— Где комиссар? — спросил Коротченков сидевшего рядом Толю Акимова, выполнявшего в этом походе обязанности нашего ординарца.

— Недавно был здесь, товарищ подполковник.

— Это я и сам видел. Немедленно разыскать! Без комиссара дальше не пойдём.

Барахтаясь в грязи, я услышал тихий свист, понял, что меня ищут, отозвался и в тот же миг нашёл свою злополучную фуражку.

— Вы ранены? — полушепотом спросил Акимов, пробираясь через лозняк.

— Нет, все в порядке. Как с переправой?

— Переправу закончили. Подполковник ждёт вас.

Спотыкаясь, проваливаясь в глубокие колдобины, мы выбрались к переправе и через несколько минут увидели Коротченкова.

— Что случилось?

— Да вот, ходил к раненым...

— Нашёл время, — недовольно буркнул Тимофей Михайлович. — Дорога каждая минута... Сигай в речку, подержу, когда станешь пузыри пускать.

О действительной причине задержки я тогда и не заикнулся. Чувствовал себя неловко, да и момент был неподходящий. Молча вынул из нагрудного кармана партбилет, отцепил кобуру с маузером, высоко поднял над головой руки и решительно шагнул в ледяную воду. В первую секунду перехватило дыхание. Тело стало деревянным. Нащупывая илистое дно, я осторожно продвигался вперёд. Местами вода доходила до подбородка, и тогда я чувствовал сильную руку Коротченкова.

Настоящий лютый холод я ощутил, только выбравшись на сушу.

Противник давно разгадал наши намерения и перенес огонь на правый берег. Река в месте переправы делала крутой изгиб, недалеко от берега начинался косогор, за ним партизаны чувствовали себя в полной безопасности. Здесь мы спокойно выжали одежду и портянки, вылили воду из сапог, обулись снова, построились в колонну. Впереди был трудный, продолжительный марш.

ДОБРАЯ СЛАВА

Здравствуй, родной лагерь!

олонна второго эшелона прошла только половину пути до Волконщинского леса, когда наступил рассвет. Нас это не смутило: немногочисленные гарнизоны оккупантов в окружающих деревнях нас не пугали, а в том, чтобы остаться незамеченными, не было особой нужды после боя. Беспокоило только появление немецких самолетов. Несколько раз пролетали они над колонной на предельно малой высоте. Правда, нас пока надежно укрывала пелена густого тумана.

Взяться за оружие пришлось лишь в конце пути, да и то надобности пустить его в ход не возникло... Полевая дорожка привела колонну к деревне Бехово. Коротченков знал, что в ней стоят гитлеровцы, но был почти уверен, что в бой с партизанами они ввязываться не станут. И действительно, мы прошли через Бехово совершенно спокойно. Пальба там началась после того, как наша колонна скрылась в тумане.

— Предприимчивый офицер командует этим гарнизоном, — с ехидной улыбкой заметил Коротченков. — В опасный бой не полез, шкуру свою сберег, а по начальству доложит, что не пустил партизан в деревню...

Туман постепенно редел. Подул легкий, но холодный ветер. Выбываясь из последних сил, лазовцы приближались к опушке леса, сулившего тепло и отдых.

Навстречу высыпала толпа. Это был наш первый эшелон. Товарищи бежали навстречу, обгоняя друг друга, шумно радуясь нашему приходу. Но, увидев наши почерневшие, измученные лица, увидев обледеневшую одежду, сразу умолкли, словно почувствовали себя виноватыми. Бережно принимали они носилки с ранеными, освобождали плечи пулеметчиков от их драгоценной ноши, поддерживали тех, кто готов был свалиться от усталости.

И от этой дружеской заботы у людей теплело на душе, светлели лица, легче казался пройденный путь.

Особенно был взволнован капитан Ключев. Тревога не покидала его с той минуты, когда он с основными силами бригады оставил Брянское шоссе. Увидев внушительные размеры подходившей колонны, капитан сразу понял: ничего страшного не случилось, второй эшелон удачно вышел из боя. И все же Ключева мучила мысль: правильно ли он поступил, отойдя с шоссе и не дождавшись остальных.

— У нас все в порядке, — доложил он Коротченкову. — Прибыли в лес часа три назад. Люди отдыхают.

— У нас тоже все в порядке... — как-то неопределенно произнес подполковник. — Пришлось вот искупаться в Воронице...

— А мост? Я ведь оставил, как было приказано, взвод для его охраны.

— Гитлеровцы получили подкрепление и отбили мост.

— Значит, я поступил неверно?! Нельзя было отходить. Надо было идти к вам на помощь.

— Ты выполнил приказ и поступить иначе не имел права! — отрезал Коротченков. — Тумана могло не быть... Достигнув вовремя леса, ты вывел людей из-под возможного удара.

— А что могло быть с вами? — с испугом спросил Ключев.

— Не будем гадать, капитан, — сказал Коротченков более миролюбиво. — Если обстоятельства вынуждают рисковать, то лучше рисковать только частью сил!

— Понимаю, — дрогнувшим голосом сказал Ключев. — Но я очень беспокоился за вас...

Слушая разговор начальника штаба с заместителем командира бригады, я не сразу обратил внимание на необычный вид Алексея Данильченко. Всегда веселый, полный юмора, готовый лукаво улыбнуться по малейшему поводу, начальник разведки был явно растерян, подавлен.

— Что случилось, Алексей?

— Тоня осталась в Пригорье, раненная, — ответил он, потупившись.

— Почему не вынесли? Где был командир взвода Игумнов? Расстрелять за это мало!

— Никто не виноват, комиссар... Тоню тяжело ранило в конце боя на станции. Девушку перевязали и понесли

трое бойцов. С ними была и ее подруга Шура Мишечкина... Тоня страшно стонала. Ребятам часто приходилось останавливаться, чтобы раненая могла передохнуть. Она очень просила оставить ее... Дать несколько лимонок и оставить... Никто, конечно, не думал выполнять просьбу. Но у деревни неожиданно попали под сильный огонь. Двое ребят было убито... Третий оставил Тоню с подругой около какого-то сарая и пошел за подмогой. Тут ранило и его. Парня подобрали без сознания. В себя пришел только на пути к лесу. Возвращаться было уже поздно...

В бригаде не было случая, чтобы раненого оставили на поле боя. Времени между моментом ухода 1-го и 3-го батальонов к Брянскому шоссе и захватом моста противником прошло немало. Подруга Тони могла добраться до партизан, охранявших мост, и с их помощью отправить раненую в санчасть.

Мы подождали, пока подтянулась колонна, проверили всех раненых. Тони среди них не оказалось. Надо было принимать срочные меры, чтобы спасти девушек, если они еще живы.

— Разрешите, товарищ комиссар, я поеду на розыски, — горячо предложил Данильченко. — Командир бригады прислал подводы для раненых и верховых лошадей вам и подполковнику.

— Лошадей ты получишь. Но одному ничего не сделать.

— Можно вдвоем с Игумновым или Шумаевым.

Отпускать на рискованное дело двоих, даже таких сильных, ловких и смелых партизан, как Данильченко и Игумнов, было безрассудно. Я предложил Алексею поскакать в лагерь, взять десяток конников и с ними ночью проникнуть в Пригоры. Коротченков согласился с этим планом и тоже отдал своего жеребца. Данильченко и Игумнов скрылись в лесной чаще.

— Молодец у нас начальник разведки! — сказал подполковник, глядя вслед. — Готов на любой риск, чтобы спасти свою разведчицу. Таким и должен быть командир, тогда люди пойдут за ним в огонь и в воду.

— Ты абсолютно прав, Тимофей Михайлович. Таким качеством Данильченко, по-моему, обладает. Но в данном случае дело не только в этом. Он любит Тоню.

— Любит, говоришь? Вполне возможно... Тоня славная девушка. Я и сам...

— Догадываюсь! Племянница Кузнецовой тоже прекрасная девушка.

— Да, комиссар. Я люблю Лину! А впрочем, не время сейчас об этом. — Тимофей Михайлович в упор посмотрел на меня. — Ты ведь знаешь о моем горе — жена скончалась, дети осиротели... Будущее покажет, что к чему.

Мы подошли к жарко пылавшим кострам, освободились от обледеневшей одежды, завернулись в чьи-то сухие шинели и мгновенно уснули.

Несколько часов отдыха и горячая пища вернули людям силы. Опасаясь последствий ледяного купания в Воронице, Коротченков приказал трогаться в путь, не дожидаясь темноты. К полуночи бригада вступила в родной лагерь.

Спасение Тони Фигловской

Командир бригады живо откликнулся на просьбу Данильченко. В группу конников приказано было отобрать самых отчаянных ребят, выдать им выносливых лошадей, трофейную форму и оружие.

В тот же вечер группа Данильченко, покрыв почти половину пути от лагеря до станции, остановилась в небольшом перелеске, чтобы дать передышку лошадям и выработать точный план действий.

В полночь конники достигли деревни Пригоры. Данильченко приказал спешиться и послал одного бойца в разведку. Вернувшись, он сообщил, что немцев по эту сторону реки нет, мост не охраняется, часовых нигде не видно. Вначале это показалось неправдоподобным, но, поразмыслив, Данильченко пришел к выводу, что гитлеровцы пока исключают возможность нового налета партизан и потому ведут себя беспечно.

Подтянув группу к ближайшему дому, Данильченко вдвоем с разведчиком осторожно взошел на крыльцо.

Хозяйка дома, узнав, что перед ней партизаны, охотно рассказала о том, что творится в их деревне, ответила на все вопросы. Только вот о девушках-партизанках не упомянула ни словом, видно, и впрямь ничего не слышала о них.

Извинившись за причиненное беспокойство, Данильченко намекнул, что партизанам может потребоваться подвода. И тут же получил от доброй женщины разрешение взять подводу: «Все равно, родимый, без дела стоит в сарае. Лошади-то давно как нет».

На прощание Данильченко подробно расспросил, как незаметно попасть на другой край села, и сердечно поблагодарил женщину за помощь.

Оставив двух партизан присматривать за лошадьми и готовить подводу, он с остальными пешком зашагал вдоль деревни в сторону станции. Где-то здесь, на окраине деревни, должен быть сарай, возле которого оставил Тоню с подругой сопровождавший раненую партизан.

Чуть в стороне от широкой с кюветом дороги, по обе стороны которой стояли крестьянские избы, Данильченко заметил постройку, непохожую на жилье. Подав знак, чтобы ребята шли вслед, Алексей осторожно направился к постройке.

Широкие тесовые ворота сарая были чуть приоткрыты. Вокруг тишина... Но вот Данильченко показалось, что он слышит частое, прерывистое дыхание. Шепнул об этом стоявшему рядом партизану. Тот отрицательно покачал головой. Данильченко снова прислушался: кто-то дышит! Окликнуть? Опасно. Да и молчать дальше нельзя. Какой-то внутренний голос твердит: здесь, здесь...

— Тоня, Шура! Это я, Данильченко. Привел за вами партизан.

— Мы здесь, ребята, — слышался слабый девичий голос...

На обратном пути партизанам во всем сопутствовала удача. Тоню бережно перенесли к месту, где были оставлены лошади, удобно устроили на пахучем сене, укутали одеждой. Данильченко сел за ездового.

Когда ночь над землей сменилась солнечным днем, смельчаков надежно укрыл родной лес.

Двойной праздник

6 ноября 1942 года Коротченков подготовил к утреннему сеансу связи донесение Западному штабу партизанского движения о результатах Пригорьевской операции. Вызвав начальников штабов батальонов и отдельных под-

разделений, он еще раз уточнил все данные и в назначенное время представил на подпись следующую радиограмму:

В ночь на 5 ноября бригада имени Сергея Лазо совершила налет на станцию Пригорье. В ночном бою истреблено 370 гитлеровцев. Уничтожено 2 воинских эшелона, 17 самолетов, 40 бронетягачей, 4 вагона с военным снаряжением, 13 автомашин, 6 мотоциклов, два вещевых склада, сенобаза, мельница с локомотивом. Взорваны и уничтожены огнем здания станции и все станционные сооружения. Участвовавшая в операции рота 2-й Клетнянской бригады взорвала вблизи станции 2 железнодорожных моста. В итоге налета станция Пригорье выведена из строя минимум на 5 дней. Потери бригады — 20 убитых и до 30 раненых.

Жизнь в лагере кипела. Отдохнув по два-три часа, врачи вплотную занялись ранеными. Затем стали готовиться к поголовному осмотру «купальщиков», чтобы вовремя предупредить серьезные простудные заболевания.

На штабной и батальонных кухнях готовили сытный завтрак и обед. Один за другим прибывали председатели сельсоветов из партизанского края бригады с подводами, груженными подарками от населения. Тут было все, вплоть до солидных посудин с крепким самогоном: праздник есть праздник.

С утра до вечера дышали благотворным жаром партизанские бани. Среди заядлых парильщиков шел нескончаемый спор: какой веник лучше — еловый или сосновый. Большинство сходилось на том, что париться такими вениками все равно, что лежать голому в муравейнике. Но как бы там ни было, из бани все выходили сияющие.

Неутомимо занимались своими кропотливыми делами политработники. Им было о чем потолковать с людьми, которые за дни похода не слышали ни одной сводки Совинформбюро. Готовила праздничный номер редакция боевого листка. Секретарь партбюро Винокуров, отказавшийся лечь в санчасть, несмотря на сквозное пулевое ранение в ногу, вызвал к себе на совет редактора Белова и обсуждал с ним, как лучше осветить бой в Пригорье. Радист Макаров со своей помощницей готовился принять в

передачах ТАСС доклад на торжественном заседании в Москве...

7 ноября партизаны выстроились на поляне большим полукругом. Ровно в десять часов утра, когда в Москве начинался парад советских войск, командир бригады Кезиков открыл торжественный митинг. Поздравив личный состав с двадцать пятой годовщиной Великой Октябрьской революции, он передал слово мне. Я рассказал о торжественном заседании в Москве. Дал оценку местной обстановке. Подвел некоторые итоги боевых действий бригады. И закончил призывом беспощадно мстить немецко-фашистским захватчикам.

Хотели выступить еще два партизана, но этому помешало неожиданное вторжение радиста Чуприна. С сияющим лицом он подбежал к нашей импровизированной трибуне и вручил командиру срочную радиограмму. Кезиков быстро пробежал ее, передал мне и с волнением подал команду:

— Внимание! Слушай телеграмму Военного совета фронта!

— *Кезикову, Шараеву*, — громко прочитал я.

Поздравляем вас и ваших партизан и партизанок с крупной победой, одержанной на станции Пригорье. Всех отличившихся в бою представить к награде. Желаем дальнейших успехов в вашей славной боевой деятельности.

Смерть немецким оккупантам!

Военный совет Западного фронта.

— Слава советским партизанам! Ура! — крикнул Кезиков.

— Ура-а! Ура-а! Ура-а! — подхватила тысяча голосов.

Партизаны разошлись по землянкам в предвкушении праздничного обеда. Несмотря на старание Лазарева сохранить в секрете свои хозяйственные тайны, все давно знали, что к обеду будет «горючее». Кое-кто опасался, что всем не хватит по стопке. Больше всех, конечно, беспокоился Бронебойный. Вокруг него, как всегда, собрались любители побалагурить.

— За себя-то я не боюсь, — с серьезным видом уверял он окружающих. — Мы с Бородой земляки: в одной республике родились. А вам надеяться не на что. Считайте сами. Командирам надо — надо, хозяйственникам... можно бы не давать, но они сами возьмут. Политработникам,

вообще-то, не полагается. Но командирам выпивать без них неудобно — вместе в бой, вместе и за стол... А возьми, к примеру, докторов. Им никуда без спирту. Ну и раненых тоже надо повеселить. А там разведчики, автоматчики. Откуда ж остальным взять? Борода тебе не винокуренный завод!

Но щедрость людей, приславших праздничные подарки, была безграничной. Зря волновался Николай Броневой. Всем хватило, да еще и осталось, на всякий случай.

После обеда все высыпали из землянок. Увидев Кезикова, Лазарев бойко отпрапортовал:

— Товарищ комбриг! Музыкальная команда явилась в полном составе: старшина хозяйки Миронов, оружейный мастер Филиппов, медсестра Антонина Григорьева и один баян...

— Невелика команда, — улыбнулся Кезиков.

— Будет больше! Дайте только начать.

— Ну начнем.

И поплыли над лесом задумчивые русские песни...

Лишь к вечеру утомился лагерь. Партизаны разошлись на отдых. Бдительно несла охрану караульная рота: для нее праздник начнется только завтра.

А сегодня Данильченко вместе с разведчиками и начальник санчасти со своим персоналом готовились принять ночью самолеты для эвакуации раненых. Первой отправят Тоню Фигловскую, ей срочно необходима сложная операция. Запросили помощь с Большой земли. Утром была получена радиограмма:

Ночью ждите самолеты. Сигнал опознания площадки — номер семь. Попов.

Все было готово к приему самолетов. Погода стояла летная. Но в штабе никто не уснул, пока над лагерем не раздался знакомый рокот наших крылатых друзей.

Кто заменит Коновальчука?

Начальник штаба бригады Коротченков внес совершенно неожиданное предложение — назначить командиром 1-го батальона командира отделения младшего лейтенанта Николая Майорова. Кезиков недоуменно пожал плечами. У меня это предложение также не вызвало эн-

тузиазма. В бригаде были офицеры с большими званиями, проверенные на командовании взводами и ротами. Советуясь между собой, мы отдавали предпочтение бывшему десантнику старшему лейтенанту Андропову. Но Коротченков утверждал, что лучшей кандидатуры, чем Майоров, просто не найти — толковый офицер, человек большой воли.

Кезиков вызвал Майорова в штаб, познакомиться поближе. На просьбу рассказать о себе Майоров ответил более чем кратко: украинец, комсомолец, служил в армии, партизанить начал в Дорогобужском районе... Разговор о выдвижении на командный пост встретил без тени смущения, но и без особой радости.

— Если дадим вам взвод, справитесь? — спросил командир.

— Справлюсь.

— А роту?

— Тоже справлюсь.

— А батальон?

— Батальон? — Майоров немного подумал. — Справлюсь и с батальоном.

— Ты, я вижу, парень смелый, — с некоторой иронией сказал Кезиков.

— А на войне нельзя быть несмелым, — спокойно ответил Майоров.

— Ну хорошо, иди, мы подумаем.

Мне показалось, что за скупой односложностью ответов Майорова, за его прямоотой, которую легко можно было принять за нескромность, скрывается много пережитого. Отправился в 3-й батальон, чтобы узнать о нем поподробнее. Ребята, бывавшие с Николаем Майоровым в боях, рассказывали легенды о его смелости и смекалке, утверждали, что младший лейтенант заколдован от немецких пуль. Необычным было и само появление его в отряде...

Расположить Майорова к откровенности мне помог случайно заданный вопрос:

— Что вы слышали в Дорогобуже о Деменкове и Симоновой.

— О Дусе Симоновой? — восторженно воскликнул он. — А вы ее знаете?

— Очень хорошо! До войны работали вместе. А в мае встретились в партизанском крае...

— Я и не думал, что вы там были, — с удивлением сказал он. — Дуся замечательная девушка!

Завязался душевный разговор. Тут я и узнал, что родился Николай Майоров в селе Александровка, Херсонской области. В раннем детстве потерял отца и мать. Воспитывался в детском доме в Одессе. В 1934 году вступил в комсомол. С пятнадцати лет начал трудиться. Работал слесарем, а потом токарем в одесском трамвайном депо. Без отрыва от производства окончил одесский машиностроительный техникум. В 1939 году был призван в армию, служил в полку связи, где его и застала война.

Боевое крещение Майоров получил под Оршей. С боями прошел почти всю Смоленщину. Особенно помнил тяжелые бои под Рудней и у Соловьевой переправы на Днепре.

В районе Вязьмы часть, в которой служил младший лейтенант, попала в окружение. После нескольких безуспешных попыток вырваться из вражеского кольца, пересечь линию фронта, он решил идти в знакомый по прежним боям район, искать связи с местными патриотами. Где-то недалеко от переправы через Днепр случайно встретил девушку, назвавшую себя Дусей. Она посоветовала остановиться в деревне Купелище.

Здесь оказалось много таких, как Майоров. С ними установили связь начальник дорогобужской милиции Деменков и секретарь райкома комсомола Симонова, занимавшиеся сколачиванием партизанских отрядов. Вскоре в деревне возник партизанский отряд «Ураган» во главе с Калугиным и Демонковым. Николай Майоров являлся одним из его организаторов. Он был бесконечно благодарен сероглазой Дусе, которая помогла ему найти свое место в борьбе. Командование отряда все чаще отмечало Николая как смелого и находчивого партизана, четко выполнявшего все задания. Когда по указанию подпольного райкома партии отряды «Ураган», «Дедушка» и другие объединились в 1-ю партизанскую дивизию, Майорову предложили занять пост помощника начальника связи. Но он упросил оставить его на прежнем месте — командиром взвода. Хотел своими руками бить ненавистных захватчиков.

В конце мая 1942 года немецкое командование решило любой ценой ликвидировать Дорогобужский партизанский край. Против группы войск генерала Белова и партизан

было брошено до четырех пехотных и одна танковая дивизии. Ведя кровопролитные бои, партизаны постепенно оставляли населенные пункты и отходили в леса.

Находясь в самом центре боя, в районе деревни Бражино, Майоров со своим взводом попал под сильную бомбежку, был контужен... Пришел в себя ночью. Вокруг никого. Добрался до глубокого заросшего оврага и решил ждать рассвета. Утром обнаружил в овраге трех своих бойцов. От них узнал: гитлеровцы не только заняли все окружающие деревни, но и плотным кольцом охватили лес, куда отошли партизаны.

Снова встал вопрос, как выбраться с занятой врагом территории. Не сумев пробиться в окруженный немцами лес, Майоров и его товарищи решили двигаться на восток, к линии фронта. Но и тут их постигла неудача: наткнулись на противника у реки Угры. От попытки перейти фронт пришлось отказаться.

Из газет, которые довольно регулярно доставлялись в партизанский край, Николай знал, что в Брянских лесах все шире разгорается пламя партизанской войны. Вместе с другом Петром Кравченко решил пробираться на Брянщину. Имевшаяся у них немецкая топографическая карта обрывалась районом Рославля. Сюда и решили держать путь, чтобы потом перебраться в Брянские леса.

Немало пережили тревожных дней и ночей, пока добрались от Угры до южной границы Смоленской области, до последней точки, имевшейся на карте. Друзья упорно шли к намеченной цели и наконец встретили партизанский отряд.

Правда, встреча эта поначалу была не из приятных. Партизаны застали Майорова и Кравченко за обедом в одном из домов деревни Тросна, быстро обезоружили и арестовали обоих. Автомат, пистолет, карта и компас немецкого производства, найденные у задержанных, тоже свидетельствовали отнюдь не в их пользу.

Майорова и Кравченко привели в лес, в штаб отряда Озернова. Задержанные горячо доказывали, что пришли из Дорогобужского партизанского края. Но отряд Озернова не имел связи с Большой землей, там ничего не знали о дорогобужских партизанах. Многие вообще не поверили Майорову и Кравченко: «Что с ними возиться? Типичные шпионы. Пришли из Рославля, а не из Дорогобужа. Расстрелять, и делу конец!»

Но Озернов и Свиридкин не торопились с выводами: решили оставить обоих в отряде, хорошенько проверить. Вначале их использовали на работах по кухне. Оружия не вернули. Строго следили за каждым шагом. Майорову было страшно обидно, но терпел: понимал, осторожность — закон партизанской жизни.

Зато как ликовал, когда его и Кравченко взяли на боевую операцию и вручили им трофейные винтовки с одной обоймой патронов. Храбрость новичков в первом бою сняла с них всякие подозрения. Вскоре Майоров получил пулемет, а после стычки с оккупантами в селе Корсики был признан одним из лучших пулеметчиков.

Так по пути в Брянские леса Николай Майоров нашел партизанскую семью на Смоленщине и стал в этой семье своим, уважаемым человеком.

...Командование бригады единодушно утвердило младшего лейтенанта Майорова командиром 1-го батальона. Комиссаром батальона одновременно был назначен капитан Балькин. Развернувшиеся вскоре крупные бои с гитлеровцами подтвердили правильность нашего выбора.

Перед большими испытаниями

Добрая молва о победе лазовцев на станции Пригорье ширилась с каждым днем. Люди, томившиеся под фашистской пятой, с восторгом встречали каждое новое сообщение об успехах партизан. И не удивительно, что успехи эти нередко преувеличивались нашими доброжелателями: ведь каждый удар по врагу приближал час их радостного освобождения. Число убитых гитлеровцев в рассказах «очевидцев» вырастало до семисот и даже до тысячи! В Рошле ходили слухи, что партизаны вот-вот нападут на город...

С братской сердечностью поздравляли лазовцев с одержанной победой партизаны бригад и отрядов, дислоцировавшихся в Клетнянских лесах. Одна за другой приезжали делегации. Интересовал их главным образом один вопрос: как готовилась и проводилась операция. Делалось это отнюдь не из праздного любопытства — на железных дорогах последовал вскоре целый ряд крупных диверсий клетнянских партизан.

Одними из первых приехали к нам секретарь Клет-

нянского подпольного райкома партии Алексей Филиппович Семенов и комиссар 2-й Клетнянской бригады, принимавшей участие в операции, Петр Васильевич Лебедев. После обычного обмена приветствиями Лебедев прямо спросил:

— Как действовали наши ребята?

— Отлично, — ответил Коротченков. — Капитан Шевцов прекрасный командир.

— Мы знали, кого послать, чтобы наладить дружбу с лазовцами, — полушутя-полусерьезно сказал Лебедев.

— Толочин тоже хорошо выполнил свою задачу, — как бы подчеркивая, что и другие командиры не хуже, сказал Семенов. — Вытащил свои пушки в ближайший лесок, пальнул по аэродрому и неожиданно угодил в самолет. Поэтому к тем, что уничтожены на станции, прибавьте еще один.

— А скоро ли ответили с аэродрома? — поинтересовался Коротченков.

— Не очень... Но уж когда разобрались, сыпанули так, что толочинцам пришлось быстро убираться восвояси.

Гости горячо интересовались партийно-политической работой. Я ходил с ними по батальонам, знакомил с политработниками, не таясь рассказывал и об успехах и о недочетах. Лебедеву понравился наш порядок решения вопроса о партийности партизан, оказавшихся без партдокументов.

— У нас тоже с этим не все благополучно, — сказал он, обращаясь к Семенову. — По-моему, следует ввести такой порядок, как у лазовцев.

— Конечно, — поддержал тот. — Вам даже проще это сделать: решение парторганизации бригады сразу рассматривает райком.

В ходе знакомства с бригадой Семенов поделился опытом партийной работы, накопленным клетнянскими партизанами. А опыт у них был огромный. Секретарю подпольного райкома было что рассказать... Сам Алексей Филиппович являлся одним из ветеранов партизанской борьбы на Брянщине. Возглавляемый им Клетнянский райком партии ушел в подполье в первые дни оккупации области. Тогда ударной силой райкома был лишь небольшой партизанский отряд, состоявший из местных коммунистов. Прошел год, и Клетнянские леса стали базой многотысячной армии партизан, действовавших на огромной территории

Брянской и соседней Смоленской области. Ведущей, цементирующей силой партизанских отрядов и соединений были и остались коммунисты.

Проводив гостей, я много думал о них, особенно о своем коллеге комиссаре Петре Васильевиче Лебедеве. Петр Васильевич прилетел из-за линии фронта в самом начале осени с поручением командования 10-й армии создать оперативный центр по руководству партизанскими отрядами, базирующимися в Клетнянских лесах. Когда работа близилась к концу, была получена директива из Москвы, определившая новую структуру партизанских соединений и порядок управления ими. Миссия Лебедева закончилась. Но он не пожелал возвращаться и был назначен комиссаром 2-й Клетнянской бригады. Душевность, простота и высокая эрудиция снискали ему глубокое уважение партизан. Бригада, сложившаяся из очень разных по составу отрядов, быстро стала дружной и сильной боевой единицей.

Командование нашей бригады не сомневалось, что фашисты обязательно попытаются свести с нами счеты за Пригорье. Появления карателей следовало ожидать со дня на день. Мы понимали это и времени зря не теряли. Беспокоил только недостаток боеприпасов. Патронов было не больше чем на один серьезный бой. А что, если каратели не ограничатся одним наскоком? Погода, как на грех, держалась нелетная, самолеты с Большой земли не прилетали.

Много раз обсуждая, как пополнить запасы патронов, гранат, взрывчатки, мы с Кезиковым пришли к выводу, что с первым самолетом ему надо лететь к Попову.

Наконец выдалась ясная звездная ночь. Командир бригады улетел на Большую землю... По ряду причин он задержался там на несколько месяцев. Вместо Кезикова был назначен подполковник Коротченков. Приняв командование, он предложил капитану Ключеву занять место начальника штаба, на что тот охотно согласился.

На совещании командного состава, где было объявлено об этих перемещениях, Коротченков торжественно сказал:

— То, что мне доверили командовать бригадой, я считаю для себя высокой честью... Чтобы оправдать доверие, не пожалею жизни!

Перейдя затем на обычный деловой тон, Коротченков подчеркнул, что бригаде предстоят серьезные испытания.

— Гитлеровцы обязательно попытаются напасть на нас и, может быть, не раз. Отрываться от базы на пороге зимы нам невыгодно. Количество боеприпасов ограничено. Вывод из всего сказанного напрашивается сам собой: надо подготовить оборону. Подготовить так, чтобы любой истраченный патрон нес смерть фашисту.

Указав каждому батальону основной и запасной рубежи обороны на случай внезапного нападения карателей, командир бригады потребовал в течение суток закончить подготовку рубежей.

После совещания мы объехали предполагаемые рубежи обороны. Командирам батальонов Коротченков показал на месте, как расставить силы, где отрыть окопчики для пулеметчиков, автоматчиков и бойцов, где использовать для прикрытия деревья.

Несколько дней подряд он тренировал батальоны, объявляя ложные тревоги, проверял, как быстро занимается оборона, как соблюдается маскировка огневых точек, разносил за ошибки, поправлял, учил. Убедившись, что все подразделения отработали быстроту и четкость действий, Коротченков взялся за проверку диверсионной службы и штабной разведки...

Клетнянцы сообщили как-то, что по приказу немецкого коменданта Брянска на опушках леса появились щиты с предупреждением: «Вход в лес запрещен! За нарушение — расстрел!» Партизаны решили заменить текст: «Немцам вход в лес запрещен! Кто сунется — получит пулю!» Этот случай навел наших политработников на мысль заняться «наглядной агитацией». Через несколько дней на всех больших дорогах в зоне деятельности бригады можно было увидеть деревянные щиты с текстами, выжженными раскаленным концом шомпола: «Фашист, ты будешь убит!», «Немец, уходи домой! Здесь тебя ждет смерть!», «Фашист, ты обречен!», «Смерть фашистам!», «Гитлер послал вас на гибель!»

Оккупанты и полиция с остервенением уничтожали наши щиты, но их количество не уменьшалось. Для этого нам пришлось выделить в помощь переводчику Николаю Дьяконову, который первым начал выжигать тексты, несколько человек, знакомых с немецким языком. Дело у ребят пошло вполне успешно.

КАРАТЕЛИ НАЖИМАЮТ

Планы врага разгаданы

На исходе погожего поябрьско-го дня с одного из дальних постов охранения лагеря сообщили, что в деревне Сукромля появились на машинах каратели. Так близко от нашего леса они давно не показывались. Комбриг приказал Данильченко разведать численность неприятеля и установить наблюдение за населенными пунктами, примыкавшими к лесу.

Вечером начальник разведки доложил, что на юго-западе от лагеря, в деревнях Малаховка, Прыща и Алексеевка, сосредоточены большие силы врага, замечено более десяти легких орудий. С западной и северо-западной стороны немцы разместились помимо Сукромли еще в двух населенных пунктах. Численность карателей определить не удалось, но, судя по количеству автомашин, в Сукромле их человек триста — четыреста. В других деревнях тоже не меньше.

Выслушав доклад, Коротченков еще раз посмотрел на разостланную перед ним карту.

— Надо подготовиться к отпору. Разведчикам продолжать наблюдение. Подрывникам заминировать дороги из Прыщи на Барковичи и от Сукромли.

На следующий день разведка сообщила, что из Прыщи большаком движется на машинах в сторону Барковичей большая группа гитлеровцев. Впереди несколько мотоциклистов.

1-й батальон быстро покинул лагерь и занял оборону. Майоров приказал мотоциклистов не трогать, а автомашины подпустить как можно ближе и расстрелять в упор.

Дорога была заминирована. Но мотоциклы спокойно проскочили опасный участок: их тяжесть была недостаточной для противотанковых мин.

Взгляды партизан, притаившихся на опушке, были со-

средоточены на приближавшихся машинах. Борта их оцетинились дулами пулеметов и автоматов, солдаты сидели плечом к плечу.

Огонь открыли только после того, как наскочил на мину первый немецкий грузовик. Раздался оглушительный взрыв. Машина подпрыгнула и перевернулась, окутанная дымом. Пытаясь объехать препятствие, несколько грузовиков свернули на обочину и тут же подорвались. Расчет партизан-минеров оказался верным... Остальные грузовики начали поспешно разворачиваться. Проскочившие было к лесу мотоциклисты, услышав взрывы на дороге, кинулись догонять своих.

Стычка закончилась. На дороге пылало пять машин — три наскочившие на мины и две подбитые пулеметным огнем.

Майоров приказал подобрать трофеи, взять документы убитых.

— Пойду в штаб бригады. Доложу о результатах, — предупредил он начальника штаба батальона Лисицына.

— Отставить доклад! — весело сказал Коротченков, выходя из-за мохнатой елки. — Я все видел. Молодцы! Но успокаиваться рано. Надо ждать нападения со стороны Малаховки. Будьте внимательны!

В полдень получили радиogramму Попова: «Ночью ждите самолеты...» Самолеты были бы нам очень кстати. Но примыкавшее к лесу поле, по краю которого проходила дорога на Барковичи и где разыгрались только что описанные события, являлось партизанским аэродромом. Показать это противнику было нельзя. «Ведем бой с карателями, — ответили мы. — Принять самолеты этой ночью невозможно».

Томительно тянулось время, а каратели не появлялись.

Каждый человек волнуется в ожидании боя. Одни умеют это скрывать за внешним спокойствием, другие — нет. Ни перед боем, ни в бою мне ни разу не приходилось видеть волнения на лице у Коротченкова. Но в тот день он был явно чем-то озабочен. Выслушивая сообщения появлявшихся время от времени разведчиков, Тимофеем Михайлович молча ходил по землянке, подолгу рассматривал карту. Трубка его с резной маской Мефистофеля не гасла ни на минуту. В землянке висело облако махорочного дыма.

Я попытался вызвать его на разговор:

— Сегодня мы, кажется, поменялись местами. Ты волнуешься, как я в Пригорье.

— Нет, комиссар, я спокоен, — ответил Коротченков, рассеянно глядя на карту. — Только вот не могу понять этого офицера?

— Какого офицера?

— Того, что командует карателями. Подумай сам, в его распоряжении огромные силы, а он так глупо сунулся под огонь в походной колонне... Что-то здесь не так... Или мы имеем дело с солдафоном, уверовавшим в свою непобедимость, или немцы решили усыпить нашу бдительность даже ценой определенных потерь. Да, да, комиссар. В этом тоже есть свой резон! Возрадуются партизаны легкой победой, развесят уши и получают по зубам. Разве не логично?

В землянку вошел капитан Ключев.

— Я от Майорова. Там все спокойно. Уже темнеет, можно отвести батальон в лагерь.

— Хорошо, — согласился командир бригады. — Распорядитесь об этом.

Прежде чем выйти и послать связного к Майорову, Ключев положил перед нами немецкую топографическую карту, найденную в планшете убитого. Коротченков обратил внимание на некоторые пометки. Барковичи и соседняя деревня были очерчены кружками. В двух местах на большаке — у пересечения с просекой и лесной дорожкой — стояли две жирные точки. Почти в центре лесного массива, между большаком и Вороницей, был нарисован небольшой треугольник.

Тимофей Михайлович взял карандаш, обвел кружками Малаховку, Прыцу, Сукромлю, Пашино и нарисовал от них стрелки, обращенные к треугольнику. Потом провел длинную стрелу от Прыщи к Барковичам.

— Теперь все ясно, — сказал он, пододвигая карту ко мне. — Ничего нового они не придумали. Тактика известная: окружить и уничтожить. Перед колонной, наравшейся на нашу засаду, и не стояла задача нападать на нас. Гитлеровцы, видимо, тоже не ждали нападения. Они направлялись в Барковичи, чтобы закончить окружение бригады и заодно блокировать большак. Эту их ошибку можно объяснить незнанием месторасположения лагеря.

Ошиблись они всего километра на три, и не без причины; в том месте, где обозначен треугольник, был в свое время зимний лагерь отряда Озернова...

Чтобы укрепить мнение противника, что он не ошибся в определении места партизанского лагеря, к Сукромле и Пашину были посланы небольшие группы партизан с задачей имитировать разведку боем. Ключев скомплектовал группы «охотников», которые должны были затемно уйти ко всем лесным дорогам. Им поручили перехватывать вражеских разведчиков и создать впечатление, что в лесу стреляет каждый куст.

Фашисты прямо с утра начали артиллерийскую подготовку. Полчаса содрогался лес от разрывов снарядов нескольких батарей. С чисто немецкой педантичностью вражеские артиллеристы обрабатывали поочередно то полосу леса вдоль Барковичского большака, то центральный квадрат леса.

— Похоже, они опять собираются пробиваться через лес на Барковичи, — прислушиваясь к разрывам, обронил Коротченков. И оказался прав.

Еще не закончился оружейный огонь, как из Прищи и Малаховки большими колоннами выступили каратели. От вчерашней самоуверенности не осталось и следа. Впереди шли саперы с миноискателями. Их прикрывали две роты солдат, непрерывно стрелявших на ходу. За ними на машинах следовали остальные. Метрах в трехстах от опушки немцы остановились и развернулись в цепь. Офицер долго разглядывал в бинокль безмолвный лес. Не заметив ничего подозрительного, махнул рукой — дал сигнал двигаться дальше.

Надежно замаскировавшись, партизаны батальона решили подпустить карателей как можно ближе. Вот они уже прошли место, где вчера подорвались машины. Каждый партизан выбрал себе цель. Нервы были напряжены до предела. Казалось, еще секунда — и палец невольно нажмет на спусковой крючок...

— Ого-о-оны! — раздалась громкая команда Майорова.

И лес мгновенно ответил свинцовым ливнем... Падали убитые и раненые, припадали к земле живые, стремясь избежать смерти, поразить огнем невидимого врага. Но и залегшие гитлеровцы оставались хорошей мишенью на открытом заснеженном поле. Поняв это, они начали откатываться, прикрываясь огнем.

А тут как раз на сукромлянской дороге, находившейся в тылу колонны карателей, раздался взрыв, за ним последовал шквал ружейно-пулеметного огня. Это на засаду «охотников» из 2-го батальона под командованием начальника штаба батальона Пантелеева налетела машина с гитлеровцами, которые направлялись на Прыщу.

До самого вечера в разных участках леса слышались короткие автоматные очереди: партизаны-«охотники» пресекали попытки карателей разведать расположение лагеря.

Так кончился второй день обороны.

Потерь бригада не имела. Повторить попытку вклиниться в лес оккупанты не решились. Как бы в отместку за неудачу, они часа полтора обстреливали опушку из орудий и минометов. Но партизаны вовремя отошли в глубь леса...

В штабе бригады обдумывали, как отразить следующие атаки карателей. Захваченные в этот день документы — солдатские книжки, неотправленные письма и особенно небольшой дневник убитого обер-лейтенанта — прояснили нам все. На этот раз функции карателей выполняли не охранные войска СД или части СС, а мотомехдивизия из группы армий «Центр», отведенная на доукомплектование.

С наступлением темноты в Малаховку, Прыщу, Алексеевку к гитлеровцам начало прибывать подкрепление. Коротченков сделал вывод, что утром надо ждать нового штурма. Он решил несколько изменить расстановку сил и выдвинуть на главное направление два батальона. Небольшую, но хорошо вооруженную группу партизан решено было заслать для удара в тыл наступающим гитлеровцам. Начальник диверсионной службы лейтенант Черезов получил задание заминировать все дороги между населенными пунктами, занятыми оккупантами. Подвижным группам «охотников» предстояло действовать всюду, где удастся приблизиться к колоннам противника на пути к лагерю.

Утром загремела, загрохотала артиллерийская канонада. Сотни снарядов и мин рвались на опушке леса почти на всем протяжении оборонительных рубежей партизан. Лишь одна батарея методично посылала снаряды в центр леса — по мнимому лагерю.

Как только закончилась артиллерийская подготовка, батальоны Майорова и Щербакова быстро выдвинулись

на опушку. Под прикрытием артиллерии гитлеровцы успели почти вплотную приблизиться к лесу.

Но атаки не последовало. У немцев произошла непонятная заминка. Они явно чего-то ждали. Капитан Ключев, находившийся в 1-м батальоне, насторожился.

— Не думают ли фашисты повторить артиллерийский налет? — спросил он у Майорова.

— Все возможно, — ответил тот не очень уверенно.

— Осторожность не помешает. Передай-ка по цепи: оставить наблюдателей, остальным отойти на запасной рубеж. Подготовиться к рукопашной!

Умное и своевременное решение принял капитан Ключев. Через несколько минут по опушке снова ударили все немецкие батареи.

Теперь важно было не упустить момент и немедленно вернуться после обстрела на старое место. Ключев и командиры батальонов хорошо понимали это. Несколько раз они подтверждали команду: «Как только замолчит артиллерия, немедленно занять свои места!» И партизаны четко выполнили команду.

На изрытую воронками опушку развернутыми колоннами, чеканя шаг, без единого выстрела двигались гитлеровцы. Еще минута — и они достигнут цели. Но навстречу полыхнул огонь. Каратели вынуждены были залечь. Они вели яростный огонь по опушке. Однако положение было неравным: партизаны били прицельным огнем из-за укрытия, а немцы строчили по лесу, не видя цели. Неся большие потери, они начали пятиться.

По отступавшим ударила с тыла группа лейтенанта Абрамова, засевшая в перелеске близ дороги. Пулеметчик Киреев длинными очередями косил гитлеровцев, только что вырвавшихся из-под огня двух наших батальонов...

До позднего вечера обсуждались в штабе итоги трехдневных боев. Нам было что доложить на Большую землю. Противник потерял больше трехсот человек убитыми и ранеными. Но с патронами у нас стало совсем худо. Капитан Ключев предлагал немедленно запросить помощь с Большой земли. Однако командир бригады считал нужным подождать прояснения обстановки. Он полагал, что фронтовая мотомехдивизия гитлеровцев долго не задержится в нашем районе.

Часов в одиннадцать вспыхнула сильная стрельба в районе Малаховки.

— Что за чертовщина? — удивился Коротченков. — Данильченко! Немедленно разведку. Ключев, подымите третий батальон!

Мы вышли из землянки, чтобы точнее определить, откуда и в каком направлении ведется стрельба. Сквозь пулеметные очереди явственно слышался гул машин. Винокуров не удержался, чтобы по-дружески не подковырнуть командира бригады:

— Видишь, как оно получается! Ты их на фронт отправляешь, а они ночной бой затевают.

— Не торопись! — ответил Коротченков, внимательно вслушиваясь. — Никакого боя пока нет.

— Через пять минут батальон будет готов. Куда его направлять? — спросил подошедший Ключев.

— Подождем разведку, — сказал Коротченков. — Огонь односторонний, причем бьют довольно далеко от нашего поста. Работает только немецкое оружие.

Стрельба продолжалась еще минут двадцать. Было уже ясно: она не имеет непосредственного отношения к бригаде. И все же хотелось знать, что произошло. Мы сидели у коптилки, перебрасываясь шутками, и ждали Данильченко, ушедшего с разведчиками. Он вернулся во втором часу ночи и доложил, что немцы оставили Малаховку. Боясь напороться на засаду, они обстреливали поле и кусты на всем пути до Прыщи.

...Лагерь гудел. Каратели ушли из всех ближайших деревень. Победа партизан была полной. На все лады обсуждались эпизоды трехдневных боев с оккупантами.

— Ты мне все-таки растолкуй, — приставал Николай Бронебойный к своему другу Ларину, — почему они вот так, во весь рост, молча, перли на нас?

— С твоим умом этого не понять, — отвечал Ларин, поглядывая на собравшихся вокруг любителей потравить баланду. — Это, дружок, особая атака — психическая.

— Выходит, каратели пустили против нас психов?

— Ничего такого не выходит. Они тебя хотели заставить психануть и сбежать от страха.

— Меня? А чего мне психовать? Я свободно могу...

— Штыком? Как тогда... в Понетовке? — съязвил Ларин под общий хохот...

Звездная морозная ночь подарила нам большую радость — прилетели самолеты. Аэродромная команда пригнала два тяжелых воза, нагруженных ящиками с патро-

нами, взрывчаткой, гранатами. Нашелся здесь и мешочек махорки. Задымили свежие самокрутки.

Не успели уgomониться партизаны, Макаров на своем стареньком приемнике принял сообщение, которое потрясло всех нас: войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов взломали оборону противника и за несколько дней успешных наступательных боев окружили трехсоттысячную армию гитлеровцев.

Трудно описать ликование лазовцев. Бедного радиста качали до изнеможения. Он хоть и не участвовал в окружении армии Паулюса, но первый принес счастливую весть.

Зимние хлопоты

Обычно на Смоленщине в первой половине зимы снегу бывает мало. Но та зима была особой. Еще не наступил декабрь, а все утопало в сугробах. С одной стороны это было на руку нам, а с другой — очень мешало работе диверсионных групп и разведчиков. Снег предательски выдавал следы. Ходить, минуя дороги, становилось все трудней.

Возникла крайняя необходимость в лыжах. Добыть их было негде. Пришлось организовать собственное производство. По заданию командования Роман Семенович Анодин нашел глухой, заброшенный хутор лесника. Инженер Сухин подобрал среди партизан хороших столяров и обосновал на хуторе мастерскую. Поначалу дело не ладилось. Перепробовали сотню вариантов, натащили уйму инструмента, изучили все капризы дерева, и оно стало послушным... Мастерская начала выдавать вполне сносные охотничьи лыжи. Однако далеко не все подрывники и разведчики умели пользоваться ими. Надо было быстро научить ходить на лыжах хотя бы человек двести.

Команду тренеров возглавил политрук штабной роты москвич Михаил Капитонов. Политрука считали сиднем, отчаянно влюбленным в шахматы. А когда этот медлительный, чуть мешковатый мужчина стал на лыжи, он преобразился прямо на глазах. Ловко и быстро двигался он по лесу. Легко маневрировал между деревьями, без труда выполнял крутые повороты.

Целыми днями Капитонов и другие тренеры занима-

лись с партизанами. К середине декабря всю диверсионную службу и разведку удалось поставить на лыжи.

Зима несколько не снизила боевой активности бригады. С прежней настойчивостью продолжалась охота за вражескими железнодорожными эшелонами. На диверсии рвался каждый, но это дело поручалось только специально подготовленным группам.

Получив однажды разрешение пойти на железку, командир 2-й роты Ларин направился в знакомые с детства места. На дороге Смоленск — Рославль он облюбовал участок в глубокой выемке, подкараулил эшелон с танками и подорвал его. Двое суток растаскивали оккупанты искореженные вагоны и танки...

О размахе партизанских диверсий на железных дорогах в этом районе свидетельствует и одна из записей в дневнике убитого немецкого солдата Пауля Рихтера.

Когда я впервые проехал по линии Смоленск, Рославль, Брянск, Жиздра, то четыре поезда, вышедшие перед нами, навалились на мину и загородили путь, — пишет он. — Много было убитых. Что значит из России выбраться на родину, может понять только тот, кто это сам испытал. Отпускники, словно в сладком сне, садятся в наши немецкие вагоны из бывшего экспресса «Децуг» и... взлетают на небеса.

Командование бригады понимало: рано или поздно, каратели снова попытаются уничтожить партизан. Предвидя это, мы настойчиво приучали командиров батальонов самостоятельно решать боевые задачи.

Как-то в конце ноября штабу 3-го батальона было приказано разгромить гарнизон гитлеровцев в деревне Тросна. Озернов тяжело заболел — у него открылся туберкулез. Руководить боевой вылазкой комбриг поручил начальнику штаба Петру Родивилину. Получив данные разведки, тот явился к Коротченкову за советом.

— Решайте все сами, учитесь обходиться без нянек! — отрезал подполковник.

Родивилин попробовал тайком от комбрига проконсультироваться с капитаном Ключевым. Тот внимательно выслушал товарища, но разбирать план не стал, сославшись на занятость. Родивилин наконец понял, чего от него ждут. И хотя первый бой, которым он руководил, про-

шел не без шероховатостей, гарнизон гитлеровцев был разгромлен.

Через несколько дней командиру 2-го батальона Щербакову поручили разделаться с вражеским гарнизоном в деревне Грязенять, расположенной на большаке Рославль — Мглин. Вместе с комиссаром батальона Мищенко и начальником штаба Пантелеевым Щербакову пришлось серьезно попотеть, продумывая детали предстоящего боя, и батальон отлично решил поставленную задачу.

Несколько позднее мы испытали таким же образом и командира 1-го батальона Николая Майорова. Ему удалось самостоятельно разработать и осуществить крупную диверсию на железной дороге Брянск — Унеча, в районе станции Россосшь. Нейтрализовав гарнизон станции, партизаны взорвали около шести километров полотна. Движение прекратилось на несколько дней.

В начале декабря подпольщики из Рославля и Клетни сообщили, что гитлеровцы в строгой тайне готовят какую-то акцию против партизан, базирующихся в Клетнянских лесах. Гарнизоны оккупантов, стоявшие вдоль железных и шоссейных дорог, передвинулись ближе к лесам. В Рославле, Брянске, Мглине и других ближайших городах появились новые части СД и СС.

— Гитлеровцы определенно готовят против партизан серьезный поход, — уверенно сказал Коротченков, проанализировав все полученные данные.

Оккупанты стягивают силы

К нашествию гитлеровцев начали усиленно готовиться все партизанские соединения. По инициативе подпольного райкома партии дважды созывались совещания командования бригад. Был выработан план совместных действий. Наладился быстрый обмен разведывательной информацией.

Часто бывая в те дни во 2-й Клетнянской бригаде, я ближе познакомился с земляком — командиром батальона Владимиром Павловичем Добровольским. Накануне войны Добровольский работал в отделе народного образования в Ершичах. Затем воевал на Западном фронте, попал в окружение, стал партизаном. Отряд, где он был начальником штаба, долгое время базировался в Екимовичских лесах. А затем, разросшись, передвинулся на юг, ближе к

большому массиву Клетнянских лесов, и оказался рядом с нашей бригадой. По приказу Центрального штаба партизанского движения он вошел в состав 2-й Клетнянской бригады.

15 декабря стало известно, что из Рославля, Дубровки и Жуковки движутся к лесу крупные силы противника. Перед вечером в наш лагерь по поручению клетнянцев прискакал Добровольский.

— Командование нашей бригады, — сказал он, — получило данные, что наступление карателей назначено на завтрашнее утро. Начнется оно в северной части леса.

— Мы тоже получили такие сведения, — подтвердил Коротченков. — А что известно о юге?

— Секретарь подпольного райкома Семенов передал, что немцы блокировали весь массив Клетнянских лесов. По его данным, они стянули больше тридцати тысяч солдат и полицаев. Наша бригада будет действовать по согласованному плану. Обо всем непредвиденном немедленно сообщим, — закончил Добровольский.

— Лазовцы тоже намерены строго придерживаться общего плана. В лес карателей не пустим! — твердо сказал Коротченков.

Около полуночи в лагерь вернулись наши разведчики. Они сообщили, что с наступлением темноты большое количество гитлеровцев прибыло в Малаховку, Прыцу, Су-кромлю, Пашино, Барковичи и другие населенные пункты, расположенные вокруг леса.

Что ж, бригада была готова встретить врага...

До рассвета было еще далеко, а мы с Коротченковым, Ключев, Винокуров и Данильченко давно были на ногах. Едва успели умыться, из темноты вынырнул постовой, вернувшийся из-под Барковичей.

— Каратели! Стеной идут! — сказал он, с трудом переводя дыхание.

Как бы в подтверждение этих слов на посту заработал наш пулемет, ударили винтовки. А через секунду загостились немецкие пулеметы и автоматы.

— Раненько начинают, — сказал комбриг, прислушиваясь к перестрелке. — Решили прощупать, не спят ли партизаны.

Он приказал Озернову, который почувствовал себя лучше и вновь встал в строй, немедленно отправить под Барковичи 6-ю роту и следом двигаться всем батальоном.

Пока батальон Озернова достиг места боя, большая группа гитлеровцев, подавив огонь партизанского поста, успела проникнуть в лес. План обороны на заранее подготовленном рубеже начал ломаться... Быстро оценив обстановку, Озернов с ходу повел батальон в атаку.

Каратели попятились. Батальон занял свой оборонительный рубеж. Не видя в темноте цели, Озернов приказал прекратить огонь. Через несколько минут замолчал и противник.

С восходом солнца по всей линии партизанской обороны, протянувшейся на двадцать километров, заработали десятки артиллерийских батарей противника. На участке бригады Данченко к пушечным залпам прибавился скрипучий визг шестиствольного миномета.

Над нашим расположением повисла «рама». Снаряды стали все гуще ложиться на участке 2-го батальона. Основной обработке подверглась и опушка леса в районе Барковичского большака. Интенсивно обстреливалась линия обороны 3-го батальона.

Часам к десяти утра немцы перенесли артиллерийский огонь в глубину леса. На правом фланге обороны бригады — против Барковичей — снова закипел бой. Гитлеровцы пошли в атаку на 3-й батальон. Озерновцы выстояли и заставили их отойти к деревне.

Одновременно разгорелся интенсивный бой на левом фланге обороны — на участке батальона Майорова. Первый удар карателей, выступивших из Малаховки, приняла 3-я рота. Обороне ее рубежа комбат придавал большое значение. Рота оседлала лесной выступ и могла не только отражать атаки, но и наносить фланговые удары по цепям оккупантов, наступавшим на роты Абрамова и Ларина.

Умело и расчетливо действовал командир 3-й роты младший лейтенант Степанов. Но в пылу боя он не сразу заметил, что большая группа карателей обошла его роту и придвинулась к просеке. Над батальоном нависла угроза. Оставив на основном рубеже один взвод, Степанов с остальными бойцами успел перехватить карателей на просеке и отбросил их.

Однако гитлеровцы все же воспользовались временным ослаблением обороны на важном для обеих сторон участке: они атаковали оставленный Степановым взвод и отте-

снили его. Позиции карателей несколько улучшились. Обезопасив фланг, они пошли в атаку.

Верный своему правилу — вести только ближний бой, Майоров предупредил людей:

— Подпустить фашистов на пятьдесят метров. Без моей команды не стрелять!

Нервы у партизан не дрогнули. Каратели откатились. Но ожесточенная стычка продолжалась до полудня.

К этому времени батальон Озернова отразил третью атаку противника. На помощь Озернову командир бригады послал всех бойцов штабных подразделений, оставив в своем резерве лишь отделение автоматчиков Виктора Мацко и взвод хозяйственной части. В ожидании очередной атаки Озернов проверил остаток боеприпасов. В штаб бригады был направлен посыльный с просьбой подбросить тысяч десять патронов. Но запасы «боепитанцев» были исчерпаны. Коротченков отослал посыльного с пустыми руками, приказав передать комбату: вести только прицельный огонь, при повторении атаки — пустить в ход гранаты.

Спустя некоторое время прискакал на огненно-рыжем коне сам Озернов.

— Батя! — взмолился он. — Дай хоть пять тысяч! Половина пулеметов и автоматов молчит, а в остальные направлены последние диски!

— Патронов нет! Понимаешь, нет! — сердито ответил Коротченков.

— Не может быть! У вас есть НЗ! — горячился Озернов. — Мне нечем отбить атаку, а она обязательно будет: до вечера еще далеко. Не дадите патронов, пойду в атаку на коне, с саблей!

— Остыньте, комбат! В батальоне полтысячи гранат. С таким оружием можно отбить врага!

— Есть отбить врага! — уже другим тоном ответил Озернов, вскочил на коня и умчался к батальону.

— Как же ему все-таки помочь? — вопросительно посмотрел на меня Коротченков.

— Попробуем кое-что подсобить.

Я знал, что раненные, попадая в госпиталь, не расстаются ни с оружием, ни с вещмешками, в которых хранят патроны. Послал Винокурова в санчасть, а сам взялся вытряхивать запасы штабников. Один только писарь Тиханкин высыпал на стол больше трехсот патронов к автомату. По столько же нашлось у двух ординарцев. Кое-что на-

скребли радисты. Винокуров вернулся из санчасти тоже не с пустыми руками.

Взобравшись на командирского вороного жеребца, оружейный мастер Володя Филиппов повез Озернову около трех тысяч патронов...

Командир 1-го батальона Майоров прислал связного с сообщением, что из Малаховки в сторону южной просеки движется около роты гитлеровцев и что он не может выставить против них заслон — некого снять с обороны. Коротченков приказал отделению автоматчиков взять под контроль просеку и задержать карателей.

На центральном участке обороны, который занимал 2-й батальон, было относительно спокойно почти до середины дня. Лишь изредка слышалась перестрелка. Это наши «охотники» насакивали на колонну немцев, двигавшуюся по лесной дороге со стороны Сукромли. Пока противник останавливался, разворачивался и открывал огонь, пока разбирался, что к чему, «охотники» передвигались на полкилометра, поджидали колонну в новом месте, давали несколько очередей и тут же исчезали.

Так повторялось трижды. Только к четырнадцати часам гитлеровцы пересекли полосу леса, тянувшегося по берегу Вороницы, и вышли к оборонительному рубежу 2-го батальона.

В штаб прибежал взволнованный партизан из числа «охотников».

— Минут через десять каратели будут на большаке со стороны Пашина. Мы постараемся их задержать. Но нас только трое.

— Любой ценой, хотя бы ненадолго, задержите врага! — приказал Коротченков. — Потом подойдут наши.

Назревала серьезная опасность. От большака до лагеря было менее пятисот метров. Так глубоко в лес немцы еще не проникали. С этой стороны мы не ждали их никак. Достаточных сил, чтобы отразить нападение, не было, а чтобы перебросить людей из ближайшего батальона, требовалось время.

Коротченков, однако, нашел последний резерв.

— А ну, Федор, — сказал он находившемуся рядом Лазареву, — покажи, на что способна твоя музыкальная команда!

— Посмотришь, комбриг, мы умеем не только хлеб печь!

Лазарев выскочил из землянки и уже через минуту мчался со своим взводом к большаку. Рядом с начальником, как всегда, находились его верные помощники — Сухин и Борода.

Хозяйственный взвод подоспел на помощь автоматчикам в тот момент, когда на дороге, выходявшей на большак, показалась колонна противника. По ней одновременно ударили три пулемета, пять автоматов и три десятка винтовок.

— Ура-а-а! — басом рявкнул Лазарев.

— Ура-а-а-а! — на редкость дружно подхватили бойцы хозяйственного взвода (вот оно когда пригодилось участие в художественной самодеятельности!).

И тут произошло непредвиденное, на первый взгляд невероятное: нервы у гитлеровцев, несколько часов пробиравшихся по лесу, не выдержали...

В штабе бригады подводились итоги прошедшего дня. Партизаны сохранили свои оборонительные рубежи. Во всех подразделениях люди дрались хорошо, трудно даже было выделить отличившихся. Погибли шестнадцать человек. В их числе Шевяков, Брагин, Борисенков, Пранов со Смоленщины, Харитонов с Брянщины, Хасанов с Алтая.

Лишь командир бригады не принимал участия в наших разговорах. Он сосредоточенно просматривал поданную Ключевым сводку расхода боеприпасов. Сто тысяч патронов расстреляли партизаны за один день. Такого количества патронов мы не израсходовали даже во время разгрома вражеских гарнизонов в Понетовке и Пригорье. Когда Коротченков после долгих размышлений назвал эту цифру, она прозвучала как гром с ясного неба.

— Надо серьезно обдумать, как быть дальше, — сказал он. — Осталось шестьдесят тысяч патронов. Этого вполне достаточно, чтобы провести, к примеру, один ночной налет, вроде налета на Понетовку. Но чтобы выдержать еще один такой оборонительный бой, как сегодня, патронов у нас мало.

— Неужели ты предлагаешь уходить? — удивленно спросил Винокуров.

— Нельзя нам уходить. Хлеба здесь заготовлено почти на всю зиму, картошки месяца на два! — горячо сказал Лазарев.

— Я пока не принял решения и хочу знать ваше мнение, — продолжал комбриг.

— А мы ждем твоего мнения, Батя. Ты лучше знаешь, как надо решить вопрос, — сказал Озернов.

— Правильно! — поддержали его Щербаков и Майоров.

— Нет, неправильно, — с укором сказал Коротченков. — Каждый из нас отвечает за жизнь подчиненных нам людей, за судьбу бригады. И каждый обязан думать, как поступить дальше.

— С этим, я думаю, согласны все, — заметил Винокуров. — А все же хочется знать твое мнение: сможем мы отбить завтра натиск карателей?

— Сможем! Не сомневаюсь. Меня волнует другое... Мы имеем дело с опытным противником, который не боится леса. У карателей по меньшей мере тройное превосходство в численности, есть артиллерия, много боеприпасов. Блокада может длиться долго. Положим, мы выиграем бой завтра, послезавтра, расстреляем все патроны. А потом? Наш рубеж — там, где мы стоим. Наше призвание — нападать. Нам невыгодно связывать себя обороной...

В землянку вошел посыльный клетнянцев капитан Шилин. Его послали передать, что командование 2-й Клетнянской бригады приняло решение отходить в южную часть лесов. Удерживать оборону бригада не может из-за недостатка боеприпасов.

— Если вы примете такое же решение, — закончил Шилин, — могу назвать наш маршрут и пароль.

— Мы на юг не пойдем! — твердо ответил Коротченков.

Данильченко ушел проводить Шилина. Несколько минут в штабе царила гнетущая тишина. Как быть дальше? Как бросить в лютую стужу обжитые землянки? Что делать с продовольственными базами? А как оставаться здесь дальше?

— Ну что, комиссар, будем молчать или продолжим совет? — разрубил тишину Коротченков.

— Все ясно, Тимофей Михайлович. Надо отходить. И конечно не на юг. А в знакомые местные леса. Нельзя нам удаляться от рославльского узла коммуникации противника.

Других мнений ни у кого не было. Комбриг приказал погрузить на подводы все самое необходимое и в одиннадцать часов оставить лагерь.

БРИГАДА МАНЕВРИРУЕТ

Над головой только небо

ороша русская зима! Приятно, находясь в тепле, читать о трескучих морозах, снежных метелях, лютой пурге...

Температура к ночи понизилась градусов до двадцати. Лесными, неезженными дорогами двигались мы к устью Вороницы. Шагая по глубокому снегу, я думал о том, как выросла наша бригада, как трудно будет маневрировать такой массе людей...

В середине колонны, вытянувшейся почти на два километра, обоз из двухсот подвод. Там раненые, продовольствие, хозяйственный скарб, сено. Под полозьями шуршит снег, поскрипывает, кряхтит скованная морозом сбуруя. Кажется, противник непременно услышит нас, не даст вырваться из кольца. Но лес, наш верный друг не только скрывает партизан, он надежно гасит все звуки.

К рассвету бригада вышла в глубокий тыл карателей, окруживших Клетнянский лес, и остановилась дневать на лесном берегу Ипути. Самым точным подтверждением того, что наш выход пока не замечен, была артиллерийская канонада. Гитлеровцы, по-видимому, готовились к новому штурму бывшего партизанского лагеря.

Это вполне отвечало нашим планам. Чтобы выиграть время и запутать противника, мы оставили в лагере 1-ю роту. Комбриг поручил лейтенанту Абрамову утром выдвинуть по одному взводу на рубежи, где ожидается наступление, и завязать бой. А когда каратели войдут в лес, с шумом отойти на юг, оторваться от них, дожидаться ночи и пробираться в Воровский лес.

Прислушиваясь к орудийным залпам, Коротченков с удовлетворением сказал:

— Пусть пуляют, лес большой. Все снарядов останется меньше.

— Тяжело будет первой роте, — сокрушался Ключев.

— Ничего, лейтенант Абрамов свое дело сделает...

Наблюдая за противоположным берегом Ипути, разведчики выяснили неприятное для нас обстоятельство — все населенные пункты на Мглинском большаке заняты немцами.

— Все понятно, — резюмировал командир бригады. — Решили не выпускать нас из блокированного леса. Ну и шут с ними. Пусть стоят здесь. А мы пойдем туда, где они меньше всего ждут, поближе к Ершичам.

Ночью мы продвинулись вдоль Ипути и остановились в сосновом лесу километрах в семи от Ершичей. Запылали костры. На таганках зашипело мясо, закипела в ведрах и котелках вода. Остатки хлеба так промерзли, что есть его было невозможно. Пробовали отогреть на костре, но сгорало больше, чем оставалось. Более изобретательные рубили заледеневшую буханку на куски, опускали в кипяток и подогревали, пока не получалась горячая тюря. Выдали всем понемногу муки. Стали печь знакомые по прежним дням пресные лепешки.

В общем, поесть кое-как удалось, а вот бороться со стужей было труднее. Появились первые случаи обморожения. Особенно тяжело приходилось раненым, которые не могли двигаться. Отдых тоже становился проблемой. Пристроившись у костров, люди во сне инстинктивно придвигались к теплу, одежда и обувь начинали гореть. Запасного обмундирования не было. Пришлось назначить дневальных — они заставляли спящих переворачиваться каждые полчаса.

Хорошо знавший здешние места Лазарев предложил занять пустующий поселок торфопредприятия ворговского стекольного завода «Галое».

18 декабря бригада вошла в поселок. Здесь давно никто не жил. Вместо окон и дверей в домах зияли темные дыры, печей не было. Но все-таки мы получили какой-то кров. Окна и двери заделали хвоей, завесили плащ-палатками. Затопили железные печки, предусмотрительно захваченные хозяйственниками из лагеря. Партизаны поселились. Правда, из-за тесноты только раненые постоянно находились под крышей. Но остальных вполне удовлетворяло и то, что есть где переспать. В остальное время над головой у нас было только небо.

Мы прекрасно понимали — стоянка в «Галом» будет недолгой, скоро опять возвратимся в лес. Но прежде надо

как-то устроить раненых. Их набралось больше семидесяти человек.

— Рассчитывать, что отправим людей на Большую землю, нельзя, — говорил начальник санчасти Луцков. — Надо лечить здесь. А как лечить на двадцатиградусном морозе, под открытым небом? Делайте что хотите, но дайте раненым постоянное пристанище.

О том, чтобы разместить раненых в деревне, не могло быть и речи — кругом свирепствовали каратели. Командир бригады послал людей на поиски подходящего места в лесной глухомани. К вечеру такое место нашли. Это был густой ельник, окруженный непролазной чащобой, удаленный от лесных дорог и троп. За два дня мы построили в ельнике утепленные шалаши типа юрт, заготовили дрова, завезли железные печки, продукты. Временный госпиталь был готов.

На разведку в Рославль мы послали Игоря Иванова и Феню Бакутину. Отец Игоря, Григорий Иванович, по-прежнему возглавлял одну из подпольных групп. С его помощью мы надеялись уточнить характер размещения в городе некоторых объектов противника.

Собрав всех командиров диверсионных групп, Коротченков приказал возобновить операции на железной дороге, а затем подробно растолковал, где искать бригаду после выполнения заданий. Это было очень важно. Подрывники должны быть уверены, что не отстанут от своих.

1-й взвод 2-го батальона во главе с секретарем партбюро Давыдовым отправился в Макеевичский лес — разведать, нельзя ли перейти на некоторое время в Белоруссию.

Зная ловкость и смелость командира 1-го взвода разведки лейтенанта Константина Рыжкова, Коротченков поручил ему пробраться в Артемовку, встретиться с учительницей Марией Петровной Кузнецовой и узнать, что делается в Ершичах.

Рыжков добрался до Артемовки, но попасть в деревню не смог: кругом шныряли оккупанты. И все же разведчику удалось кое-что пронюхать. За достоверность принесенной новости лейтенант не ручался: говорить пришлось со случайными людьми. Но по всему выходило — гитлеровцы догадываются, куда ушли партизаны, и собираются преследовать их.

В тот же день разведчики 3-го батальона встретились

со своим человеком из рабочего поселка Ворги и получили данные, которые косвенно подтверждали сообщение лейтенанта Рыжкова.

Теперь, когда замысел карателей перестал быть для нас тайной, предстояло точно определить дальнейшие действия бригады. Оставаться в «Галом» стало рискованно. От поселка до Ершичей меньше четырех километров. Его легко накрыть артиллерией. Если к тому же немцы применяют авиацию, то мы можем понести большие потери.

Передвинуться в Белоруссию вслепую, не дождавшись возвращения из разведки Давыдова, было нельзя. Тем более нецелесообразным представлялось идти на юг Клетнянских лесов. Такой уход означал бы полное прекращение диверсий на коммуникациях противника.

Прикинув все это на совещании командного состава, Коротченков заключил:

— Надо маневрировать в местных лесах. Пусть группа преследования карателей таскается за нами. Посмотрим, кто кого измотает. А тем временем наши подрывники будут вести войну на рельсах...

Дождавшись наступления темноты, бригада покинула «Галое» и направилась в западную часть Ворговского леса. Одновременно на север, в подготовленное временное укрытие, двинулся обоз с ранеными. Охранять их было поручено взводу старшего лейтенанта Шарая.

Всю ночь шел мокрый снег. К утру от проложенных нами тропинок не осталось ни малейшего следа. Это дало нам два дня передышки: каратели не могли напасть на след. Но изменилась погода. Покрепчал мороз, небо расчистилось от облаков. Над лесом, где пылали наши костры, поднялось легкое облачко синеватого дыма...

К вечеру по опушке стали бить немецкие минометы.

Терять нам, собственно говоря, было нечего. К ночи погасили костры и двинулись дальше на юг.

Впереди лежали леса, раскинувшиеся между верховьем Беседи и Ипутью. Когда-то это был сплошной массив, затем он превратился во множество больших и малых лесных островов, соединенных редкими перелесками. Находясь на пути к одному из них, мы услышали знакомый рокот самолета.

— Наш! Определенно наш! — волнуясь, сказал Клюев.

— Надо как-то показать, что мы здесь, — предложил Винокуров.

— Разреши, Батя, дать красную ракету, — обратился Ключев к комбригу. — Летчик поймет, он знает — немцы ночью пускают только белые.

— Давай, — согласился Коротченков.

Ключев дал три красные ракеты с интервалами в полминуты. Летчик заметил наш сигнал, самолет начал приближаться. По звуку мотора можно было уже безошибочно определить: идет У-2. Мы схватили три охапки сена, разнесли их так, чтобы образовать треугольник — таким был условный сигнал на эту неделю, — и зажгли. Самолет снизился прямо над треугольником и сбросил четыре грузовых места.

Забота штаба партизанского движения, пославшего нам на выручку самолет, прибавила партизанам сил и стойкости.

Дневать остановились в небольшом лесу, в стороне от деревни, которую местные жители называли Беловщиной. Лазарев разделил к завтраку последнее мясо. К обеду осталась только ржаная мука. Пустая болтушка и лепешки — не еда для людей, которые круглые сутки находятся на морозе. Комбриг приказал пристрелить несколько лошадей, чтобы партизаны и в обед и в ужин ели, что называется, досыта.

Кончились наконец наши волнения за роту Абрамова — она прибыла в полном составе. Выполнив задачу, лейтенант Абрамов повел роту на соединение с бригадой в Ворговский лес, но не обнаружил там никаких следов партизан. Недостаток продуктов заставил его передвигаться в тихий, болотистый лес под деревней Пустая Буда. Абрамов знал: здешний староста помогает партизанам.

Пустобудский староста Новиков, прозванный за светлые как лен волосы Сметаной, действовал по-крестьянски осторожно. Ни в волости, ни в Ершичах его «преданность» немцам не вызывала сомнений, а лишь немногие верные люди в деревне знали, что дом старосты навещают партизаны. А о том, например, что Новиков вместе с отделением наших автоматчиков громил полицейских своей волости, не догадывалась даже его жена.

Когда к Новикову пришел партизан от Абрамова и попросил дать продуктов, староста с готовностью пообещал все сделать и попросил встретить его к концу дня в лесочке по дороге к волости.

Как Сметана выколачивал «натуральный налог для оккупантов», покрыто мраком неизвестности. Но он передал партизанам Абрамова нагруженные продуктами розвальни.

Прощаясь с партизанами, Сметана попросил только об одном: немного «пострекотать» из автоматов. И когда они выполнили просьбу, сказал:

— Поезжайте, товарищи, я выйду на дорогу в другом месте. Прибегу, как полоумный, в деревню, подниму тарарам и поеду к волостному докладывать, как меня ограбили. Заодно всучу ему ведомость, что деревня налоги выполнила. Пусть проверяют...

Мы сидели у жарко пылавшего костра и с величайшим удовольствием пили кипяток с душистым медом — кое-что из подарков пустобудского старосты партизаны Абрамова довели до нас. Я слушал рассказ ротного и думал: «Сколько надо воли и мужества тем, кто действует, как этот Сметана! Сколько надо природного ума и смекалки, чтобы избежать фашистской расправы! Сметана знает, на что идет... Его ненавидят свои, могут даже за просто подстрелить при случае... Малейшая неосторожность приведет к провалу, и тогда — страшные пытки гестаповцев, мучительная смерть. А у него пятеро детей... Надо послать опытного разведчика — пусть предостережет старосту и запретит ходить на операции с партизанами...»

Гостеприимная деревня

Зная, что каратели следуют по пятам, бригада передвинулась ночью в другой лес. Прошли километров двадцать на запад, но гитлеровцы и там не заставили себя ждать. Сначала об этом возвестили взрывы мин, поставленных на дороге. Потом начался обстрел леса из минометов и пулеметов.

Ночью — переход целиной по глубокому снегу, днем — отдых у костров, наблюдение за противником. Так продолжалось до последнего дня декабря.

Наступал новый, 1943 год. Надо было дать партизанам по-настоящему отогреться и отдохнуть. Командование решило сделать большой переход, оторваться от карателей и занять одно из селений. Выбор пал на деревню Заведение, с трех сторон окруженную лесом.

Как только сгустилась тьма, двинулись полями и перелесками к намеченной цели. Сильный порывистый ветер пронизывал до костей, швырял в лицо тучи колючего снега, слепил глаза. Над деревнями, как и всюду, где обитали оккупанты, методично взлетали осветительные ракеты. А окна в домах не светились: русским людям, томившимся под пятой чужеземцев, было не до праздника.

Больно сжалось сердце, когда мы, крадучись, пробирались мимо деревни Беседки, где я родился и провел детство.

К середине ночи погода улучшилась: снегопад прекратился, ветер утих. Идти стало легче. Вдох облегчения вырвался у каждого, когда колонна вышла на торную дорогу, проходившую по лесу, за которым лежала деревня, сулившая долгожданный отдых.

В шесть часов утра бригада вступила в Заведение. В деревушке всего дворов тридцать. Разместиться всем было просто невозможно. Но крестьяне по-хозяйски берегли пустующие колхозные скотные дворы. Они помогли приспособить их под жилье. Загудели железные печки, наполняя помещение теплом, засветили фонари «летучая мышь», зашуршала ржаная солома, заменявшая постели.

Трое суток блаженствовали лазовцы в тепле. Ели горячую пищу. Поочередно мылись в деревенских банях, топившихся с утра до глубокой ночи. Никаких признаков приближения противника не замечалось. Данные разведки говорили о том, что каратели отказались от тактики преследования.

— Кажется, подходит время, когда можно будет вернуться поближе к нашей основной базе, — сделал вывод Коротченков.

В новогодний день нам с ним довелось отведать праздничный обед, запомнившийся на всю жизнь... В полдень дежурный по части, извинившись, прервал наш отдых. Старик, назвавший себя Моташневым, настойчиво требовал допустить его до главного командира.

— А чего хочет дед? — спросил комбриг.

— Об этом он скажет только вам лично. Так и заявил.

— Только лично, говоришь... Ну давай зови.

В дом вошел высокий, жилистый старик с негустой бородой клином. Степенно поздоровавшись, он без лишних слов перешел к делу. А дело оказалось очень скром-

ное: дед хотел пригласить на обед «главного партизанского командира».

Семен Алексеевич Моташнев жил в просторной, срубленной своими руками избе. Во всем чувствовался строгий хозяйский порядок и опрятность. Усадив нас за стол, он кивнул хозяйке и на минуту вышел. На столе появились большая сковородка с жареным салом и домашней колбасой, пахнущей чесноком, большое деревянное блюдо с нарезанным хлебом, вилки, граненые стаканы. Хозяин вернулся с графином припахивавшего дымком самогона и тарелкой квашеной капусты. При виде всего этого у нас засосало под ложечкой.

Хозяин налил полные стаканы и предложил выпить за советских партизан. Комбриг поднял тост за скорую победу над гитлеровской Германией... Немного захмелев, старик разговорился, начал рассказывать о своей молодости. Я слушал с возрастающим вниманием и все больше проникался уважением к рассказчику. Попробуй узнай его: самый обычный, ничем не приметный деревенский старик, а какая жизнь за плечами... Служил в империалистическую войну матросом на Балтике. Сблизился с большевиками. Участвовал в революционных битвах. Видел Ленина. Сражался с белогвардейцами в гражданскую... А потом потянуло к земле. Вернулся домой — выращивал хлеб, ухаживал за скотом, строил и укреплял колхоз. Нигде и никогда не хвастал своими заслугами. И лишь при встрече с партизанами в трудную годину войны поведал о прошлом, как о самом сокровенном...

На четвертый день нашего отдыха в деревню сунулся было полицейский отряд, прибывший из Белоруссии. Десятков семь полицаев подъехали на лошадях почти вплотную к околице и пошли в атаку, но тут же попали под меткий огонь роты Абрамова. Сообразив, что дело плохо, полицаи кинулись врассыпную. Убежать удалось немногим. Четверых захватили в плен, начали допрашивать. Тут их и опознали партизаны Давыдов и Гайдаров.

— Эти гадюки уничтожили наши семьи. Смерть предателям! — крикнул Гайдаров.

Только вмешательство комбрига предотвратило неминуемую расправу.

— У нас не может быть самосуда, — спокойно сказал Коротченков. — Отведите арестованных в особый отдел. Там разберутся.

По решению командования предатели Родины были расстреляны.

Вечером 4 января бригада распрощалась с гостеприимными жителями Заведения. Партизаны 2-го батальона, состоявшего преимущественно из белорусов, были немногочисленны. Им очень хотелось, чтобы бригада перешла в Климовичский район Белоруссии, где в то время было относительно спокойно. Но командование решило держать путь в свой, Ворговский лес.

Вместе с нами из деревни ушел и старик Моташнев. Заметив приготовления к отходу, он ввалился в штаб с небольшой группой подростков. Все были тепло одеты, вооружены винтовками. За плечами торчали туго набитые вещевые мешки.

— Прошу приять в отряд! — обратился старик к командиру.

— У вас даже оружие есть? — удивился тот.

— А как же! Не в нахлебники просимся!

Коротченков приказал зачислить всех во 2-й батальон и назначил Моташнева командиром организованного им молодежного отделения. Лица и командира отделения и его подчиненных сияли от радости.

Щедрая помощь

За два перехода бригада вернулась в Ворговский лес и снова остановилась в поселке «Галое». Обстановка в основном не изменилась. Все населенные пункты вокруг были заняты гитлеровцами. Их внимание было приковано к Клетнянским лесам. Ворговский лес каратели считали свободным от партизан, а потому беспечно передвигались по Мглинскому большаку небольшими подразделениями и даже мелкими группами...

Тайный партизанский госпиталь работал без помех. Лазарев послал раненым подкрепление продуктами. Заодно поехал Володя Филиппов с баяном — подбодрить выздоравливающих.

Капитан Ключев с командиром штабной роты Кутняковым отказались от отдыха после большого ночного перехода и отправились на поиски места для аэродрома. К обеду нашли подходящую поляну, куда самолеты могли сбрасывать грузы. Радисты отстучали на Большую землю координаты и на следующий день получили ответ:

При летной погоде ночью ждите самолеты, сигнал номер три. Попов.

Три дня стояла нелетная погода. Потом выпала ясная, звездная ночь. Штабная рота едва успела расчистить площадку, как появились четыре Р-5.

Радости не было конца. Никто не уснул, пока не прибыли подводы с драгоценным грузом, хотя было далеко за полночь: ждали не только боеприпасы, но и махорку, по которой давно тосковали.

— Порядок! — торжествовал Коротченков, глядя, как растет гряда ящиков с патронами. — Теперь можно будет подтянуть дисциплину среди карателей. А то обнаглели, разгуливают по дорогам, как у себя дома.

Следующей ночью прилетели еще три самолета. Кроме боеприпасов нам сбросили перевязочные материалы, газеты, литературу.

Пришла пора во весь голос заговорить с оккупантами. Командование решило обосноваться более прочно. Место для лагеря выбрали в восточной части леса, недалеко от речки с необычным названием Черный Пёт. Батальоны и штабные подразделения отправили половину людей на строительство землянок и теплых шалашей.

Получив солидное подкрепление литературой, политработники наряду с повседневной воспитательной работой в бригаде более обстоятельно занялись пропагандой среди населения. В ближние и дальние деревни ежедневно посылались газеты и брошюры, сброшенные самолетами, принятые по радио последние сводки Совинформбюро. Ни один разведчик, подрывник, ни один партизан не уходил на задание, не захватив литературу, газеты, листовки...

Послание карателям

Партизанский секрет у дороги на Ершичи задержал сани с тремя седоками в теплой крестьянской одежде. На вопросы постового они ответили, что живут в Старой Рудне и едут в «Галое» покупать сани. Такое объяснение показалось подозрительным.

Уполномоченный особого отдела бригады Елисеев пригласил Родивилина, Лазарева, Носовца и других партизан, знавших жителей Старой Рудни. «Покупатели» вынуждены были признаться, что служат оккупантам и получили задание обнаружить партизан.

Весть о задержанных моментально разнеслась по бригаде. У дома, где их допрашивали, собралась толпа партизан. Невдалеке, привязанная к столбу, понуро стояла покрытая инеем лошаденка. Она-то и привлекла внимание подошедшего Винокурова.

— Такой конь мне как раз нужен! — громко сказал он.

— На кой черт тебе эта кляча? — раздалось сразу несколько голосов.

— Понимать надо, — лукаво ответил Винокуров. — Мы сделаем лошадь вроде бы почтальоном: поднагрузим литературой и пошлем в Ершичи.

— Голодный конь всегда домой побежит. Это точно, — подтвердил Родивилин.

— Здорово придумал, парторг! Давай снаряжать «почтальона»! — поддержали партизаны.

— Хорошо бы еще письмишко карателям сочинить, — предложил кто-то. — Да такое, чтобы у них глаза на лоб полезли.

— Недурственно будет, — согласился Винокуров. — Только кто напишет?

— А хотя бы и я, — отозвался Данильченко.

Важно усевшись на край саней, он положил на колени планшет, вынул лист немецкой писчей бумаги, немецкую авторучку и начал сочинять. Напишет одно-два предложения, зачитает, выслушает поправки и опять за дело. А кругом галдеж, шутливые споры. Кто соглашается, кто кричит «Слабо!», кто предлагает словечко позабористей. Хохот стоит оглушительный. Как в этой обстановке не растерялся Данильченко, просто не знаю. Однако партизанское послание командующему карательными частями гитлеровцев все же родилось.

...В лесу таких дураков, как сыны твоей злосчастной матери, нет. Шлем тебе небезызвестную лошадь с упряжью. Сани у нас не продаются, и «покупатели» назад не возвращаются... Плоха псарня твоего бесноватого фюрера, коли дала тебе только бульдожьей морду, волчьей кровожадность и ослиные уши... На себя глядя, подыскал ты сподвижников. Скудный умишко не позволил тебе понять, что они способны только на одно: лизать поганый зад, севший им на голову. Не зря говорится: «Свояк свояка узнает издалека!»

Ты задался целью уничтожить народных мстителей... Скорее ты сумеешь раздавить голым задом ежа, чем до-

стигнуть этой цели. Посмотри на «колечко» сталинградское, которым благословил наш народ триста тысяч твоих собратьев. Молись, чтоб с тобой не случилось хуже...

Мы знаем о твоих гнусных расправах над безоружными стариками, женщинами и детьми. По заслугам мы представляем тебя к награде крестом... Посчитай, сколько таких, как ты, бешеных собак, уже получили крест в наших лесах. Скоро получишь и ты свой...

Пока готовили письмо, Винокуров хлопотал возле подводы. Помощников у него было хоть отбавляй. Особенно старались Григорий Винник и Игорь Иванов. Они прикрепили к дуге, оглоблям и гриве лошади газеты «Рабочий путь» с красной полосой на полях (специальный выпуск для оккупированного населения), положили в сани десяток экземпляров «Правды» со схемой окружения армии Паулюса под Сталинградом. К головкам саней прибили деревянный щит: «Смерть фашистам!» Само же послание засунули под супонь хомута.

Винокуров еще раз обошел сани и остался чем-то недоволен. Подозвав Фомченкова, парторг попросил устроить что-либо устрашающее. Поняв с полуслова, тот побежал к дому и через минуту явился с пустой коробкой от мины. Положив ее в сено так, чтобы был замечен один угол, Фомченков соединил коробку тоненьким проводом с нахлесткой. Винокуров подсунул под провод газету, сложенную так, чтобы хорошо была видна схема сталинградского окружения.

— Теперь, пожалуй, все в порядке, — удовлетворенно заключил он. — Разрешите отправлять «почтальона», товарищ комбриг?

— Давай, да поторопись, — ответил Коротченков. — А то скоро стемнеет — эффект будет не тот.

Винокуров взял коня под уздцы, вывел на дорогу и подхлестнул березовым прутом. Под смех и свист партизан перемерзшая лошадевка охотно затрусила в сторону Ершичей.

— Ну, друзья, повеселились и хватит, — сказал Коротченков, когда люди немного утомились. — Через час будьте готовы к переходу на новое место,

НА РЕЧКЕ ЧЕРНЫЙ ПЁТ

Воюем не только оружием

Бригада основательно устроилась в новом лагере у речки Черный Пёт, в той части леса, которую местные жители называли Соколовщиной. Одно за другим подразделения зарывались в землю. Партизаны рассудили правильно: лучше кровавые мозоли на руках от долбежки мерзлого грунта, чем зверский холод в простых шалашах. Больше всех радовались новому лагерю раненые, вернувшиеся в родную семью.

Хозяйственники с помощью бойцов, выделенных батальонами, разгромили несколько полицейских гарнизонов. Положение с продовольствием заметно улучшилось. Заработала наскоро сооруженная пекарня.

Хорошие вести приносили подрывники. Группа во главе с комсомольцем Игорем Ивановым уничтожила в двадцати километрах от Рославля эшелон с горючим.

В погожие ночи к нам прилетали самолеты. Пользуясь близостью бригады к линии фронта, в одну из ночей звено Р-5 совершило три вылета подряд. Штабная рота буквально сбилась с ног, подбирая сброшенные грузы. Разбогатеv боеприпасами, мы не только сполна удовлетворили нужды подразделений, но и создали в лесу надежно замаскированную резервную базу.

День и ночь строчили в швейной мастерской ручные машинки. Из парашютов шили белье. Стеганные упаковочные мешки превращались в теплые брюки, пиджаки и даже в спальные мешки для подрывников.

Газет и брошюр самолеты сбросили столько, что я рекомендовал комиссарам батальонов создать для их распространения специальные группы, включив в них местных товарищей, хорошо знавших ближайшие населенные пункты.

По этому поводу произошла даже стычка с комбригом. Кто-то из комбатов пожаловался, что комиссар загрузил

распространением литературы слишком много людей. А тут еще не оказалось на месте командира разведчиков 3-го батальона Ильи Игумнова, когда тот срочно понадобился Коротченкову.

— Не знаешь ли, комиссар, где Илья? — спросил Коротченков каким-то необычным тоном.

— Я послал его наладить доставку литературы в Воргу.

— А где Кондрат Соловьев?

— Ушел с тем же заданием в Рославльский район.

— Это безобразие! — закричал Коротченков. — Доставкой твоей литературы занимается вся бригада!

— Людям, как воздух, нужна правда. А каждое печатное слово — это слово партии! Это тоже наше оружие! — вскипел я. — Неужели непонятно?!

— Не учи меня, — бушевал комбриг. — Я не хуже тебя знаю это. Но я командир и не позволю гонять по пустякам лучших разведчиков!

— Засылка литературы в Воргу не пустяк! — не сдавался я. — Ты сам говорил: Ворга — один из главных опорных пунктов карателей.

Чтобы погасить закипавшую ссору, присутствовавший при этом Ключев решил отвлечь огонь на себя.

— Извини, Батя, кажется, виноват тут больше всего я.

— А ты-то при чем? — недовольно уставился на него Коротченков.

— Комиссар спрашивал, свободен ли Игумнов. Я ответил, что никакого задания ему не предвидится...

Чуть поостыв, комбриг просмотрел строевую записку, убедился, что не так уж много бойцов занято доставкой литературы, кого-то ругнул про себя и уже совсем другим тоном предложил сходить вместе посмотреть, как живут раненые.

В последних числах января 1943 года наша разведка обнаружила передвижение крупных сил противника по Мглинскому большаку. В сторону Ершичей прошло больше ста машин с солдатами, до дивизиона артиллерии, два танка. Около двухсот гитлеровцев прибыло одновременно в Воргу. Удвоился гарнизон в Волконщине и в соседних с ней деревнях на северо-восточной стороне леса.

Когда мы обсуждали в штабе данные разведки, мнения

о намерениях противника разошлись. Коротченков полагал, что это обычное передвижение сил. Я считал, что каратели готовятся напасть на бригаду. Другие колебались. Спор длился до ночи. Несколько раз в землянке появлялись командиры батальонов. Быстро уловив суть спора, они тут же исчезали, чтобы на всякий случай подготовить бойцов к предстоящему бою.

Так ничего и не доказав друг другу, мы улеглись спать... Но какой мог быть сон! Я без конца перебирал и сопоставлял известные факты и каждый раз приходил к одному и тому же выводу: завтра будет тяжелый бой. Видимо, неспроста сболтнул задержанный в «Галом» предатель, что каратели собираются прочесать лес... Пусть идут, не страшно — есть чем встретить. Но почему командир не согласен со мной? Ключев, Данильченко, Винокуров явно разделяют мое мнение. А Коротченков... Он всегда раньше нас разгадывал намерения противника и вдруг не хочет понимать очевидного...

Я делал вид, что безмятежно сплю. Коротченков, напротив, и не думал скрывать, что не находит себе места, без конца дымил трубкой. Кто-то из штабных уже начал похрапывать.

И вдруг раздался спокойный голос комбрига:

— Николай, ты не спишь?

— Нет.

— Так как? Будет завтра бой?

— Я думаю, да.

— Ну что ж. Бой так бой. Взглянем-ка на карту.

Он энергично встал, подошел к столу, зажег коптилку, развернул карту.

— Главный удар наиболее вероятен с запада — вдоль основной дороги, к центру Соколовщины, — сказал я.

— Да, по ней могут двинуться силы, сконцентрированные в Ворге, Артемовке и ближних к ним населенных пунктах. Одновременно можно ждать удара с юга — от Тросны, Короедовки и Петракова. На первом направлении я думаю поставить первый батальон, на втором — третий.

— В Волконщине и соседних деревнях тоже много карателей. Могут пойти и с востока и с севера.

— Вряд ли, — ответил Коротченков. — Но все-таки выдвинем сюда второй батальон. Основной массив леса идет на запад. Немцы будут стремиться оттеснить нас на север — выгнать в поле.

— У тебя, я смотрю, давно обдуман план обороны... Чего ж ты тогда спорил? Нехорошо шутить такими вещами!

— Не обижайся, комиссар, я не шутил... Хотел, чтобы, поверив мне, люди спокойно отдохнули ночь. Стычка может быть очень тяжелой.

— Но мы потеряли время на подготовку.

— Времени, я думаю, хватит. Начать рано каратели не смогут: основным их силам надо преодолеть порядочное расстояние.

Как всегда, я полностью согласился с планом и доводами комбрига.

Драться так драться!

Готовиться к бою в батальонах начали задолго до рассвета: каратели обычно появлялись рано утром. Но тут изменили своей тактике, и мы уже стали подумывать, что никакого боя не будет. Однако ровно в одиннадцать с запада, юга и востока заговорила немецкая артиллерия. На каждом направлении работало по две-три батареи. По лесу загрохотали разрывы снарядов и мин. Начав с обработки опушек и края большой поляны по дороге к лагерю, орудия постепенно перенесли огонь в глубину леса...

В штабную землянку заглянул крепко сложенный черноглазый автоматчик Хасан Джапаридзе.

— Товарищ подполковник! — подошел он к Коротченкову. — Разрешите обратиться к комиссару?

— Обращайтесь.

— Прошу, товарищ комиссар, принять меня в партию. Хочу идти в бой коммунистом! Вот заявление.

Джапаридзе протянул мне листок бумаги.

— Это ему, — передал я заявление сидевшему рядом секретарю партбюро Винокурову.

— Я понимаю, товарищ комиссар. — Голос автоматчика звенел от волнения. — Партбюро соберется нескоро. А сейчас бой... Я думал, можно прямо к вам.

— Ты правильно поступил, — сказал автоматчику Винокуров. — Командир и комиссар — члены партбюро. Мы немедленно рассмотрим твоё заявление. Только как быть с рекомендациями?

— Не успел взять, товарищ секретарь партбюро. Думаю, коммунисты-автоматчики поручатся за меня...

— Я знаю Джапаридзе как отличного автоматчика, смелого, предприимчивого партизана, — сказал слышавший этот разговор Коротченков, — и рекомендую его в партию.

— Присоединяюсь к мнению командира бригады и даю рекомендацию Джапаридзе, — поддержал я Коротченкова.

— Я того же мнения, — сказал Винокуров, обращаясь к Хасану. — Так как вас рекомендует все присутствующие на заседании члены партбюро, считайте себя, товарищ Джапаридзе, коммунистом!

— Спасибо за доверие, я оправдаю его!

Большие черные глаза юноши сияли счастьем. Четко повернувшись, коммунист Джапаридзе вышел из штабной землянки. Начинался бой... Вслед за огневым валом артиллерии двинулась пехота.

Первым принял атаку 3-й батальон. Наткнувшись на огонь партизан, каратели залегли и начали яростно отстреливаться.

С угрожающим ревом к позициям партизан приближался танк. Комбат приказал подготовить связки гранат. Пулеметчики ударили по смотровым щелям, сбили пристроившихся на броне автоматчиков. Но танк проскочил через молодую поросль, за которой не могли укрыться партизаны, и оказался в тылу батальона. Комбат Родивилин мгновенно оценил обстановку.

— Ни шагу назад! — крикнул он. — Патронов не жалеть! Огонь!

Этого было достаточно, чтобы ликвидировать минутную заминку. Ободренные прорывом танка, каратели снова поднялись в атаку, но так и не смогли прорваться сквозь огневую партизанскую завесу. Понеся немалые потери, гитлеровцы опять залегли.

В это время в штаб примчался связной от Родивилина, сообщивший, что батальон прочно удерживает позицию.

— Передай Родивилину, — сказал комбриг, — держать пехоту! На танк не обращать внимания. Он в лесу слеп. Повертится и уйдет, если не нарвется на наши мины.

Проводив взглядом связного, Коротченков приказал Черезову заминировать дороги на подступах к лагерю, по которым может пойти танк.

Командир подрывников взял с собой пять человек и отправился выполнять задание. Поставив мины на одной

дороге, минеры перешли на другую. И вдруг всего в полукилометре от лагеря наткнулись на большую группу карателей. Не растерявшись, партизаны резанули по ним из автоматов и бросились за деревья. Но двое больше не поднялись с земли. Сраженный пулеметной очередью, погиб искусный минер и отважный солдат, начальник диверсионной службы бригады Василий Черезов.

Коротченков понял — стык между 3-м и 2-м батальонами в опасности, послал туда штабную роту и хозяйственный взвод. Через несколько минут они атаковали не успевшую по-настоящему развернуться колонну и даже потеснили ее. Образовавшаяся брешь была закрыта.

Как мы и предполагали, главный удар противник нанес с запада. 1-й батальон, вступивший в бой вслед за 3-м, не имел ни минуты передышки. К двенадцати часам немецкие орудия умолкли. Только в тылу 1-го батальона и на речке Черный Пёт, за лагерем, продолжали рваться снаряды. Напрасно Майоров метался от роты к роте. Под давлением превосходящих сил и огневых средств противника батальон вынужден был постепенно отступать к лагерю.

На помощь Майорову комбриг послал всех автоматчиков. Однако и им удалось лишь задержать, но не остановить упорное продвижение карателей.

Драматические события разыгрались на просеке на правом фланге батальона. Просека находилась сравнительно недалеко от дороги, по которой двигались фашисты. Опасаясь обхода, Николай Майоров приказал поставить здесь станковый пулемет и ни на минуту не забывал об этом уязвимом месте. В разгар боя комбат послал лейтенанта Рыжкова проверить, что делается на просеке. Лейтенант был уже рядом с нашим пулеметом, когда приблизилась большая колонна гитлеровцев. Пулеметчик решил подпустить их как можно ближе... И упустил момент — гитлеровцы первые открыли огонь, пулеметчик был убит в ту же секунду. Рыжков швырнул в колонну гранату.

Воспользовавшись мгновенным замешательством неприятеля, второй номер заменил пулеметчика и пустил длинную очередь вдоль колонны. Ни одна пуля не пропала даром. Словно забыв о возможности свернуть в сторону, за спасительные деревья, гитлеровцы что было мочи

убегали от огня пулемета. За две-три минуты просеку усеяли трупы.

Попытка карателей обойти 1-й батальон сорвалась. Далось это нелегко — вслед за пулеметчиком пал, сраженный пулей, лейтенант Рыжков. Тяжело был ранен и последний защитник просеки — партизан Корнилов. Но он не выпускал из рук пулемет...

Долго утюжил немецкий танк мелкоколесье между обороной 3-го батальона и лагерем. Точно обезумев, бросался он из стороны в сторону, бесцельно выпуская снаряды. Партизаны перестали обращать на него внимание... Но танк, будто освоившись в незнакомом лесу, двинулся к лагерю. Рев мотора становился все слышнее.

— Так он сослепу заберется в лагерь и передавит раненых! — крикнул Коротченков. — Надо встретить!

Встретить танк, кроме нас, было некому — все было брошено на помощь Майорову. Прихватив по несколько противотанковых гранат, мы с комбригом выскочили из землянки и притаились за толстыми деревьями. Невидный за деревьями танк был где-то совсем рядом. Его снаряды летели через лагерь и рвались у речки Черный Пёт. Пулемет бил точно по лагерю.

Неожиданно рядом со мной появилась врач Анна Маслова. Через плечо у нее висела санитарная сумка, в правой руке была зажата лимонка.

— Вы зачем здесь? — спросил я строго. — Быстро в землянку!

— Место врача там, где могут быть раненые, — ответила женщина, прячась за дерево.

Между ветвями на секунду мелькнул хобот танка. Я заметил, что комбриг приготовил гранату, и сделал то же. Учащенно забило сердце. «Еще пятнадцать — двадцать метров, и надо бросать». Но танк, взревев, повернул на девяносто градусов и стал удаляться...

Положение на участке 1-го батальона становилось все более напряженным. Лавина огня неотступно двигалась к лагерю, над землянками все чаще посвистывали пули. Комбриг принял решение перебросить на помощь Майорову часть 2-го батальона и поручил это капитану Ключеву. Не успел капитан покинуть штаб, сильный бой вспыхнул и на рубежах 2-го батальона. Не добившись решающего успеха на главном направлении, противник, как и следовало ожидать, ввел в дело все остальные силы.

— Придется отказаться от перестановки, — сказал комбриг. — Думаю, Майоров все-таки продержится, скоро стемнеет.

До вечера оставалось не больше часа. Каратели находились метрах в четырехстах от нашего лагеря...

В лагерь прибежал Лисицын:

— Комбат просит подбросить хотя бы один взвод — закрыть опасную брешь на просеке...

— Людей в резерве нет, — ответил комбриг. — Другие батальоны тоже ведут бой... Продержитесь еще пятнадцать минут. Бой будет выигран.

— Есть держаться пятнадцать минут!..

Командир батальона Майоров заметил, что гитлеровцы, хотя и усилили огонь, не стремятся продвинуться вперед. Это показалось подозрительным: не иначе, где-то готовится неожиданный удар. Предположение вскоре подтвердилось. Командир отделения, занимавшего просеку, сообщил, что против него скапливается большое количество карателей.

Это было чрезвычайно опасно: сбив отделение партизан, противник мог прямым ходом выйти в лагерь. Майоров приказал Абрамову незаметно вывести на просеку свою роту и атаковать гитлеровцев. Рубеж, оставленный 1-й ротой, тут же заняли два взвода соседней роты...

А на просеке уже шел бой. На отделение партизан навалилось больше трехсот карателей. Наши храбрецы, не дрогнув, встретили их меткими выстрелами. Но отделению недолго удалось бы продержаться, не подоспей 1-я рота. Скрытые молодым ельником, бойцы Абрамова появились как из-под земли.

Успешная контратака Абрамова сорвала планы гитлеровцев. Бой начал затухать.

С наступлением темноты все стихло. Только два немецких орудия продолжали методичный обстрел речушки Черный Пёт. И что самое удивительное, каратели впервые за время боев остались ночевать в лесу. Чувствовали, видно, свою силу.

Предвидеть дальнейшее развитие событий было нетрудно. Остаться в лагере мы не могли. Противник располагал многократным превосходством и в численности и в вооружении. Создавшаяся обстановка диктовала единственно правильное решение: любой ценой выходить из вражеского кольца,

Батальоны и другие подразделения бесшумно стягивались к лагерю и спешно готовились к походу. Наши потери, к счастью, были невелики. Скорбную весть сообщил Майоров. В самые последние минуты боя вражеская пуля оборвала жизнь лейтенанта Абрамова. Погиб храбрый из храбрых.

Бригада, вытянувшись колонной на север, ждала, пока закончатся похороны погибших. Раздался прощальный салют.

Прощайте, товарищи! Прощай, лагерь!

Снова в пути

Бригада двинулась в далекий путь. Пройдя целиной строго на север около двух километров, головная часть колонны вышла на засыпанную снегом, без единого следа дорогу и повернула на запад...

Незадолго до рассвета мы приблизились к насыпи, пересекавшей лес. В тридцатые годы здесь начинали строить железную дорогу, а потом почему-то прекратили работы. За насыпью нас ждал сильный вражеский заслон, но путь был быстро расчищен.

Дальше двигались без происшествий, если не считать казуса на Тушковском поле. Несколько подвод с гитлеровцами выехали с боковой дорожки прямо на нашу колонну... Взвод Кости Баженова знал свое дело: тринадцать карателей отвоевались навсегда. Двое сдались в плен.

К одиннадцати часам бригада приблизилась к Мглинскому большаку и остановилась среди дремучих елей на берегу Ипути.

— Эх, и хорош лес для отдыха! — обрадовались партизаны.

Но до отдыха было далеко. Каратели не зря находились в Ворге, стоявшей как раз на середине лесной части большака. Разведчики, посланные выяснить обстановку, принесли нерадостные вести. У места, намеченного нами для перехода, торчат дзоты. Справа, в деревне Старая Рудня, полно карателей. Оттуда на большак нацелены два крупнокалиберных пулемета.

Времени на раздумья у нас не было: обстановка могла усложниться с часу на час. Командир бригады приказал

2-му батальону двумя ротами парализовать гарнизон Старой Рудни, а 1-му — силами одной роты сковать дзоты. Прекрасно знавший эти места Лазарев уверял, что между дзотами и местом перехода есть небольшая возвышенность и, если идти через большак чуть пригнувшись, вражеские пули совершенно не опасны.

Сконцентрировав на маленьком участке основные огневые средства, 2-й батальон ударил по Старой Рудне. Вначале оттуда ответили довольно сильным огнем. Но вскоре он начал стихать — партизаны не давали гитлеровцам поднять головы.

Родивилин повел через большак 3-й батальон. За ним последовали санчасть и обоз.

Рядом с моими саниями я увидел сына лесника Володю Анодина. Это был смысленный, начитанный мальчик. Вел он себя в бригаде по-мальчишески смело. Но на этот раз Володя явно перетрусил.

— Страшно небось? — сочувственно спросил я.

— Нисколько! — бойко ответил мальчик.

— А мне вот страшиновато...

— Неправда! Комиссары — они всегда бесстрашные.

— Ну раз так, садись ко мне. Вместе мигом проскочим через большак.

Мальчишка с радостью забрался в сани.

За большаком на целый километр тянулось мелко-лесье. Выслеживая путь партизан, над колонной стал кружить немецкий разведчик. Чтобы отогнать его, пришлось ударить из десятка пулеметов.

К середине дня большак пересекли последние лазовцы.

Бригада двигалась без отдыха до наступления сумерек. Больше полутора суток мы находились в бою и на марше, без пищи, на лютom январском холоде. От усталости люди буквально валились с ног. После небольшого совета командование предоставило партизанам право решить, что делать дальше: либо ночевать у костров и здесь же устроить дневку, либо добираться до ближайших деревень. И все же, несмотря на страшную усталость, партизаны единодушно решили продолжать поход. Надежда на полноценный отдых в тепле словно придала им новые силы.

Часа в два ночи бригада расположилась в шумячских деревнях Дунаевщина и Изборовщина. Жители этих деревень уже второй раз гостеприимно приняли партизан.

Много знакомых встретили мы здесь. Все они искренне радовались, что лазовцев стало в десять раз больше, чем было летом.

Хорошо отдохнув, следующей ночью мы перешли в Климовичский район Белоруссии.

Две недели рейдировала бригада по белорусским деревням. В самом начале рейда, в деревне Питер, небольшой отряд гитлеровцев, не разобравшись, что к чему, попытался напасть на нас и был полностью уничтожен. После ухода бригады оккупанты выжгли Питер дотла, оставив без крова ни в чем не повинных крестьян...

Однако фашисты довольно скоро примерно установили, какими силами располагают партизаны, и стали поспешно стягивать войска: они привыкли действовать на верняка.

Началась игра в кошки-мышки. Ночью бригада занимала два-три населенных пункта. Разведчики зорко следили за передвижением противника. Как только вокруг партизанских деревень собирались силы, достаточные для нападения на партизан, бригада снималась и уходила километров за тридцать — туда, где не было гитлеровских гарнизонов. Оккупанты вынуждены были опять разыскивать нас, перебрасывать своих солдат, разрабатывать новые планы. Но стоило им закончить подготовку к нападению — партизаны снова исчезали...

Так повторялось много раз. Жители белорусских деревень Артемовка, Городок, Старая Буда, Касперка, Пехтери и других принимали смоленских партизан, как родных братьев, помогали всем, чем могли. Особую сердечность и радушие встретили мы в Макеевичах.

Игра в кошки-мышки оказалась довольно чувствительной для противника. Почти каждую ночь группы партизан, забравшись подальше от места нахождения бригады, в коротких стычках разгоняли полицейские гарнизоны, заодно пополняя наши запасы продуктов. Не было дня, чтобы немцы не нарывались на нашу засаду.

В один из ненастных февральских дней бригада получила задание взорвать небольшой однопролетный мост на железной дороге Кричев — Рославль. В радиোগрамме По-

пов предупреждал о сложности обстановки в этом районе и подчеркивал, что задание необходимо выполнить точно в назначенный срок.

Операцию поручили 3-му батальону. От командования бригады с батальоном послали меня. Отобрав наиболее тепло одетых партизан, мы с Родивилиным повели их к железной дороге. С Коротченковым условились, что к моменту нашего возвращения бригада должна передвинуться опять в Ершичский район.

Разыгралась метель. Люто завывал ветер. Снег слепил глаза. В трех шагах не видно было ни зги. Я боялся, что собьемся с пути, хотя шли в основном по дорогам и сворачивали лишь при обходе деревень. Вел нас младший брат Родивилина, Даниил, отлично ориентировавшийся в темноте.

Проникнуть в нужный район оказалось непросто. Все селения кругом были забиты оккупантами. По дорогам сновали мотоциклы, довольно часто пробегали легковые и специальные машины. По всему было видно: где-то рядом стоит крупное соединение оккупантов.

За день разведчики нащупали скрытые подходы к мосту по перелескам и балкам. Ночью мы с величайшими предосторожностями пробрались к мосту. По нему неторопливо вышагивал часовой. Родивилин отобрал двух добровольцев. Через несколько минут они бесшумно сняли часового. Два взвода вышли на полотно справа и слева от моста, образовав заслоны. Принялись за свое опасное дело подрывники.

Тревожные минуты пережил я, когда с запада все отчетливее стал доноситься шум приближавшегося поезда. Но минеры успели.

— Все готово, — доложил Родивилин. — Разрешите дать команду на взрыв.

— Люди отведены?

— Так точно.

— Давай!

Молнией сверкнуло пламя. Содрогнулась от взрыва земля...

Даниил Родивилин, который по-прежнему вел нас, получил приказание:

— Самый широкий шаг!

Высокий, крепкий Даниил делал такие шажищи, что мы с трудом поспевали за ним. Торопились мы не на-

прасно. Деревни вокруг засветились ракетами. По дорогам загудели грузовики с гитлеровцами.

Вьюжная ночь надежно укрыла нас. Целиной, по глубокому снегу мы обошли все вражеские кордоны и через два дня соединились с бригадой в деревне Ломня, что в десяти километрах от Ершичей. Здесь мы узнали счастливую повесть: 8 февраля войска Воронежского фронта освободили Курск.

— Красная Армия скоро будет здесь! — ликovali партизаны.

Последние трое суток так измотали меня, что, попав в теплый дом, даже толком не пообедав, я уснул непробудным сном. И проспал очередную стычку с противником. Две роты гитлеровцев попытались атаковать Ломню и попали под перекрестный огонь партизан. Оставив на снегу пятьдесят два трупа, оккупанты убрались в Ершичи...

Ночью бригада беспрепятственно пересекла Мглинский большак, чуть южнее Ершичей, и снова оказалась в знакомом лесном краю.

Леса по-прежнему блокировались немцами, но теперь вражеских солдат было здесь значительно меньше. Наш лагерь каратели превратили в свою лесную крепость: вырубili вокруг деревья на расстояние ружейного выстрела, опоясали дерево-земляными укреплениями, за которыми укрылся сильный гарнизон.

— Ну и черт с ними! — сказал, узнав об этом, Коротченков. — Пусть сидят. Все будет меньше ихнего брата на фронте. Леса у нас большие, найдется место и для партизан...

Начальник Западного штаба партизанского движения Попов приказал прервать на несколько дней движение на железной дороге Кричев — Унеча. Щербаков и Мищенко попросили доверить это задание 2-му батальону. От штаба бригады с ними пошел Винокуров.

Четверо суток добирались щербаковцы до места назначенной диверсии между Климовичами и Костюковичами.

К великому удивлению Щербакова и Винокурова, появление партизан не явилось для оккупантов неожиданностью. Все говорило за то, что здесь ждали «визита» и подготовились к нему. На станции Костюковичи стоял под парами бронепоезд. В нескольких населенных пунктах всего день назад сосредоточились довольно крупные силы

противника. Гарнизоны оккупанты разместили так, что в любой момент могли быстро окружить небольшой лес, который мы полагали использовать как исходную позицию.

— Ну и ну, — пожал плечами Щербаков, выслушав доклад командира взвода разведки Измашкина. — Чертовщина какая-то получается. Если все это связано с нашим приходом, значит, немцам кто-то заранее сообщил о замыслах партизан. Ведь надо было время, чтобы подготовиться... Кто мог сделать такую подлость? План операции знал только командный состав. В населенные пункты по пути следования мы не заходили.

— Может, проболтался кто из разведчиков? — осторожно предположил Винокуров.

— Это исключено, — вскинулся Измашкин. — За разведчиков ручаюсь головой!

— Кто же предупредил немцев? — спросил комбат, обводя глазами присутствующих.

— А возможно, и никто, — сказал в раздумье Винокуров. — Фашистам житья нет от белорусских партизан. Не исключено, что один из местных отрядов нацелился на этот же участок дороги, да не сумел сохранить в тайне свою задумку...

— Вполне возможно, — согласился Щербаков. — Хотя я не исключаю и того, что нас кто-то предал. Потом разберемся. Сейчас надо думать, как выполнить задание. Предлагаю, не теряя времени, передвинуться вдоль дороги километров на пятнадцать и взорвать полотно на том участке. Кстати, там есть, судя по карте, небольшой мостик. Махнем и его заодно.

Все согласились с предложением комбата. Через час батальон двинулся к новому месту диверсии и к полночи 18 февраля благополучно достиг цели.

Вытянувшись редкой цепочкой вдоль полотна, бойцы Щербакова приступили к делу. Жителей окрестных деревень разбудил оглушительный взрыв — взлетел на воздух железнодорожный мост на безымянной речке. Затем последовала целая серия взрывов.

Пока гитлеровцы разбирались, что к чему, пока спешно подбрасывали солдат к месту происшествия, батальон, выполнив задачу, двинулся в обратный путь. За спиной у партизан остались развалины моста и пять километров взорванного через каждый стык железнодорожного пути. Гитлеровцы открыли стрельбу из минометов и пулеметов,

но она уже была не страшна нашим: батальон находился за пределами зоны огня. Ночная метель старательно замела следы партизан.

...Ожидая возвращения 2-го батальона, бригада остановилась в километре от опушки леса, недалеко от деревни Пашино. Чтобы укрыться от холода, партизаны быстро соорудили легкие шалаши. Кое-кто не поленился даже сделать землянки, хотя точно было известно — эта стоянка временная.

Установив с нами связь, командование 2-й Клетнянской бригады сообщило, что соединение Героя Советского Союза Федорова, базировавшееся зимой в Клетнянском лесу, возвращается на Украину и можно занять его лагерь. Мы решили воспользоваться этим предложением. Ждали только возвращения Щербакова.

Накануне дня Красной Армии разведка отметила концентрацию противника в ближайших деревнях, особенно в Сукромле и Пашино. Видно, каратели опять готовились к делу. Боеприпасов у нас было достаточно, условия для обороны оказались подходящие. Командование бригады решило принять бой, хотя и отсутствовал 2-й батальон.

Утром 23 февраля гитлеровцы начали артиллерийскую подготовку. Обстреливалась главным образом опушка леса, отдельные снаряды и мины рвали даже в лагере.

С первыми залпами я вышел из землянки и увидел такую картину. На пустых развалнях сидел оружейный мастер, баянист и часовщик Володя Филиппов. Рядом на листке фанеры лежали крохотные колесики и винтики разобранного часового механизма. Володя сосредоточенно собирал часы. Он и бровью не повел, когда рядом разорвалась мина, убившая двух привязанных к сосне лошадей.

— К чему такая смелость? — не выдержал я. — Укройся, как все люди.

— Так я же потом их не соберу, — растягивая, как обычно, слова, ответил Филиппов.

Только собрав часы и проверив ход, он аккуратно уложил свое «хозяйство» и направился в землянку.

Два часа длилась стычка с противником. Оставив на снегу несколько десятков трупов, гитлеровцы отказались от дальнейших атак. Бригада понесла незначительные потери. Но все мы были удручены гибелью отважного партизана, местного жителя Боброва.

Совсем недавно фашистские звери расправились с

семьей Боброва. На глазах у детей они, после диких издевательств, застрелили мать. Потом прикладами размозжили голову двум малолетним девчуркам. Не замеченный убийцами трехлетний мальчуган, в одной рубашонке, босой, юркнул в открытую настежь дверь и побежал по заснеженному двору. Но тут оказались два гестаповца. Садисты не успокоились, пока не добились малыша.

Теперь из всей семьи Бобровых остался только четырнадцатилетний Ленья. Вместе с отцом он воевал в нашей бригаде. Стойко и мужественно, как может не каждый взрослый, переживал паренек свое страшное горе.

— Я отомщу за все! За тебя, папа. За мать. За сестер и братишку! — сказал он над могилой отца...

Близился вечер. Батальон Щербакова все еще не вернулся. Оставаться у деревни Пашино на ночевку было невозможно: утром каратели непременно повторят атаку. Решили немедленно двигаться на юг.

Незадолго до наступления темноты на окраине леса под Барковичами мы встретились со 2-м батальоном. Бригада, теперь уже в полном составе, направилась в глубь Клетнянского леса — к бывшему лагерю федоровцев.

РАДОСТНЫЕ ИТОГИ

Весна идет

Весна в 1943 году выдалась ранняя. Все ласковее грело солнце. Все звонче гомонили птицы. Обнажая верхушки

пней и молодые елочки, с каждым днем все плотнее жался к земле снег. Старики уверенно предсказывали большой разлив рек. Предательски почернели те участки дорог, что проходили по широким просекам. Они превратились в хорошие ориентиры для воздушной разведки противника.

Бригада удобно расположилась в землянках, оставленных соединением Героя Советского Союза Федорова. Партизанская жизнь текла своим чередом: шли диверсии на железных и шоссейных дорогах, велась активная разведка, продолжалось истребление мелких гарнизонов оккупантов.

Стоял на редкость теплый для марта солнечный день. Все свободные от наряда партизаны толпились «на улице». Слышались шутки, смех. Пристроившись на солнце-пеке у самодельного столика, я готовился к бригадному партийному собранию.

О многом предстояло доложить коммунистам. Лазовцы непрерывно действовали на главных линиях рославльского узла вражеских коммуникаций. За осень и зиму разгромлены две железнодорожные станции. Взорвано два железнодорожных и восемь шоссейных мостов. Разрушено около двенадцати километров рельсового пути, восемнадцать километров телефонно-телеграфных линий, два узла связи. Пущено под откос двадцать шесть и уничтожено на станциях пять эшелонов с войсками и грузами противника. Истреблено в боях тысяча семьсот восемьдесят гитлеровцев и больше двухсот полицейских.

Партийная организация являлась в полном смысле слова цементирующей силой бригады. В боях героически

погибли двадцать четыре коммуниста. Но на место каждого погибшего пришли три новых товарища из числа самых стойких и отважных.

Мои размышления прервал резко нараставший звук: к лагерю приближался вражеский самолет-разведчик.

— Воздух!

Разноголосый говор сразу затих. Партизаны укрылись под кронами деревьев. Самолет, едва не цепляясь за макушки высоких сосен, прошел над лагерем.

— Не заметил! — сказал кто-то из партизан.

Похоже было, что это так: если немецкий летчик замечал что-либо подозрительное, он обязательно сбрасывал бомбу или начинал обстрел из пулемета.

После обеда в самой большой землянке, принадлежавшей автоматчикам, открылось партийное собрание. Вдумчиво, строго обсуждали коммунисты итоги боевых действий, не стеснялись говорить об ошибках и недостатках, вносили много разумных предложений. В выступлениях чувствовалась решимость продолжать борьбу с ненавистным врагом, звучала уверенность, что недалек день, когда наша бригада сольется с частями Красной Армии.

Собрание кончилось поздним вечером. Я вышел за лагерь и долго стоял на полянке. Хотелось побыть одному, помечтать о будущем: весна настраивала на самый лирический лад. В чистом небе весело сверкали звезды. На душе было приятно и радостно. Фронт приближался к нам с каждым днем. Это чувствовалось буквально во всем: и в настроении наших людей, и в изменившемся поведении полицаев, и в том, как лихорадочно пытались оккупанты избавиться от партизан в ближайшем тылу своих армий... Не весной, так летом Смоленщина будет освобождена. Но еще предстоят жаркие стычки с фашистами...

Неприятности начались на рассвете. Не зря кружил над нами разведчик. Партизаны спали, когда на нас посыпались фашистские бомбы. Дождавшись тишины, я выскочил из землянки. Весь лагерь был устлан свежей хвоей, вокруг лежали сломанные деревья, зияли глубокие воронки, слышались стоны. Первое впечатление было такое, что мы за эти несколько минут потеряли больше, чем за время всех боев. На самом деле результаты бомбежки оказались не такими уж страшными. В 3-м батальоне погибло три человека, несколько партизан было ра-

нено. Одна бомба угодила прямо в землянку, но людей в ней, к счастью, не было — ушли на задание.

Командир бригады приказал немедленно оставить лагерь. Это было сделано не напрасно: в полдень налет повторился.

В четвертый раз за последние четыре месяца мы вынуждены были строить себе землянки, хотя жить в них иногда приходилось меньше, чем затрачивалось времени на строительство.

Срочный вызов

Получена очередная радиограмма за подписью Попова. Мне приказано вылететь с докладом в штаб партизанского движения. Началась спешная подготовка отчетов о боевой деятельности и политической работе, составлялись заявки на взрывчатку, боеприпасы, автоматическое оружие.

Времени в моем распоряжении оказалось более чем достаточно, чтобы тщательно проверить и перепроверить все документы: погода стояла нелетная. Я несколько раз прощался с бригадой и друзьями, уезжал на посадочную площадку — надеялся на чудо. Но чудес, как известно, не бывает...

Наконец небо прояснилось. Неутомимый труженик войны, двухместный У-2, не замеченный противником, пересек линию фронта и на рассвете приземлился на небольшом прифронтовом аэродроме. Часа через три другой самолет доставил меня в Западный штаб партизанского движения.

Начальник штаба Дмитрий Михайлович Попов встретил меня так тепло и радушно, что я сразу сбился с официального тона. Непринужденная беседа длилась несколько часов.

От Попова я впервые узнал, как высоко была оценена Пригорьевская операция.

— Вы вправе гордиться своей бригадой, — сказал он. — Бой в Пригорье стоит в одном ряду с крупнейшими операциями украинских и белорусских партизан.

Поблагодарив Попова, я признался, что отбиваться от карателей нам потом было не легче, чем разгромить станцию, и пододвинул ему заявку на боеприпасы и оружие,

заранее увверенный, что получу не больше половины того, что просим. Дмитрий Михайлович внимательно просмотрел ее и наложил резолюцию: «Срочно отгрузить полностью и доложить».

— Проследите за исполнением сами, — сказал он, возвращая заявку. — Мы здорово заговорились. Пойдемте обедать. Хозяйственники обещали угостить с партизанским размахом...

На другой день Попов сообщил, что Военный совет фронта удовлетворил просьбу обкома партии о моем отзыве на работу в обком. Я просто не мог представить, что не вернусь в бригаду. И честно сказал об этом. Но Дмитрий Михайлович не поддержал меня:

— В бригаде имеются прекрасные командиры, политработники, — сказал он. — Здесь вы нужнее. Все больше районов освобождается от оккупантов. Надо восстанавливать советский правопорядок. А партийных и советских работников не хватает. Вот и поручим вам заниматься подбором кадров.

Пришлось согласиться — партийная дисциплина для коммуниста превыше всего.

Друзья встречаются вновь

В 1965 году впервые после войны состоялся слет партизан 5-й Ворговской бригады имени Лазо. Собраться было решено на станции Пригорье, которая осталась памятной на всю жизнь для каждого из нас.

Бригада дралась с оккупантами до сентября 1943 года и после освобождения Смоленщины соединилась с родной Советской Армией. Из бывших военнослужащих был сформирован тогда отдельный батальон, двинувшийся в составе войск на запад. Остальные партизаны активно взялись за восстановление разрушенного войной хозяйства нашей Смоленской области.

И вот лазовцы снова вместе. Стало нас значительно меньше. Геройски погиб на фронте майор Василий Петрович Клюев. Умер после тяжелой болезни лейтенант Анатолий Озернов. Время и недуги не пощадили многих. Но большинство партизан живут и трудятся по сей день.

Длинной вереницей подходили из Рославля машины с участниками слета. Съехались они из разных уголков

Родины. В первый момент не все сразу узнали друг друга: годы сделали свое дело. Но не остыли наши сердца, не ослабли узы боевого товарищества.

Одним из первых увидел я командира бригады Тимофея Михайловича Коротченкова. В то время ему уже исполнилось шестьдесят. Много потрудился он после войны на партийной и хозяйственной работе и теперь — на заслуженном отдыхе. Выглядит бодро, усы подкручены так же лихо, как в те далекие дни, когда водил партизан на дерзкие боевые операции.

Рядом с Коротченковым — начальник разведки Алексей Яковлевич Данильченко. Сейчас он живет в Донецке, стал начальником шахты.

Меньше всех из нас изменился Абрам Яковлевич Винокуров. Нашего боевого секретаря партбюро не берет даже время. Энергия у него бьет через край. И может, не случайно кажется Винокуров таким молодым: ведь он преподает философию в смоленском пединституте и постоянно общается с молодежью.

Опираясь на палочку, стояла у обелиска, воздвигнутого в Пригорье рабочими Рославля, отважная разведчица Антонина Яковлевна Фигловская. В бою за станцию Пригорье Тоня потеряла ногу, но не впала в отчаяние, нашла свое место в жизни. Она квалифицированный инженер-экономист, секретарь партийной организации на одном из заводов в Константиновке.

По профессиональной привычке Тоню расспрашивал о здоровье партизанский врач, а ныне главный врач рославльской центральной больницы Павел Демидович Костенко.

Увидел я и Николая Васильевича Щербакова, и Степана Евменовича Рыкова, и Федора Ивановича Лазарева, и Юрия Осадчего, и Илью Игумнова, и Михаила Давыдова, и Анну Маслову, и Константина Баженова.

По приглашению лазовцев в Пригорье прибыли дорогие гости: участники Рославльского и Сещинского подполья и автор посвященных им книг Овидий Александрович Горчаков, партизаны 2-й Клетнянской бригады во главе со своим комиссаром Петром Васильевичем Лебедевым, члены разведывательной группы бывшей 10-й армии. Но не было среди наших гостей славных подпольщиков, которые многое сделали для общего дела в трудное для Смоленщины время. Героически погибли они в тылу

врага, по имени их для нас святы. Детям и внукам своим будем рассказывать мы о секретаре Смоленского обкома партии Георгии Ивановиче Пайтерове, о секретарях Дорогобужского райкома Феоктисте Николаевиче Деменкове и Дусе Симоновой...

А сколько пришло приветствий и телеграмм от тех, кто не смог принять участие в слете! Особенно тронула всех весточка из Варшавы. Не забыл своих побратимов подполковник запаса польской Народной армии Николай Дьяконов.

Торжественный митинг открыл секретарь Рославльского горкома КПСС А. В. Агеев. Потом слово предоставили бывшим партизанам.

— Сердечный привет вам, дорогие друзья и товарищи, от города-героя Одессы!

Так начал свою речь Николай Кириллович Майоров. Нелегко было узнать бывшего командира 1-го батальона. Летом 1943 года Майоров получил тяжелое ранение. Отправляя его самолетом на Большую землю, мы думали, что дни Николая сочтены. Но он выжил! Искалечены ноги, потерял слух, почти полностью утрачено зрение. Однако Николай Кириллович полон бодрости. Стойко перенес наш боевой друг мучительно долгое и трудное лечение. Он не только вырвался из когтей смерти, но и стал в строй. Сейчас бывший партизан — член Союза советских писателей, автор многих книг, хорошо принятых читателем.

Слова каждого, кто поднимался на трибуну, шли от самого сердца. Они были простыми и торжественными, как клятва на верность великому делу коммунизма, за которое борется и готов умереть каждый из нас.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
На земле смоленской	
Не годен к службе в армии...	3
В Москве	5
В партизанском крае	8
Под Дорогобужем	11
Поручение обкома	
Большие полномочия	14
Лазовцы	16
Особая группа	23
Коварные повороты	
Десна	27
Чиберяк выручил	30
Кто кого перехитрит	35
В новом районе	
Среди вековых елей	39
Дисциплина для всех одна	43
Орлиное Гнездо	
Разведка работает	48
«Визитная карточка» партизан	50
Отряд Щербакова	54
Новый батальон	57
Еще один отряд	
Желанные гости	59
Неукротимая воля	61
Коммунисты Ершицкого района	64
Владимир Акимович Свиридкин	67
Тимофей Михайлович Коротченков	69
Боевой кулак	
Враг среди нас	76
Что будет завтра?	78
Тяжелая утрата	83
Партизанские будни	85
Разгром станции Понетовка	
Таких были тысячи	91
Даешь Понетовку!	99
Пригорьевская операция	
Неожиданные разногласия	106
Поход	111
Бой на станции	114
Добрая слава	
Здравствуй, родной лагерь!	125
Спасение Тони Фигловской	128

Двойной праздник	129
Кто заменит Коновальчука?	132
Перед большими испытаниями	137
Каратели нажимают	
Планы врага разгаданы	140
Зимние хлопоты	147
Оккупанты стягивают силы	149
Бригада маневрирует	
Над головой только небо	156
Гостеприимная деревня	161
Щедрая помощь	164
Послание карателям	165
На речке Черный Пёт	
Воюем не только оружием	168
Драться так драться!	171
Снова в пути	176
Радостные итоги	
Весна идет	184
Срочный вызов	186
Друзья встречаются вновь	187

Николай Семенович Шараев
 ПРИГОРЬЕВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ
 Редактор *М. Д. Конюшенко*
 Художественный редактор *А. М. Голикова*
 Художник *В. В. Васильев*
 Технический редактор *Р. Ф. Медведева*
 Корректор *К. В. Смирнова*

* * *

Г-60041

Сдано в набор 10.1.69 г. Подписано в печать 21.3.69 г.
 Формат 84×108¹/₃₂ — 6 печ. л. = 10,08 усл. печ. л. + 2 наклейки
 высокая печать ¹/₄ печ. л. = 0,42 усл. печ. л. 10,154 уч.-изд. л.
 Типографская бумага № 2 Тираж 100000 экз.
 Изд. № 3/2112 Зак. № 593
 Цена 51 коп.

* * *

Ордена Трудового Красного Знамени
 Военное издательство Министерства обороны СССР. Москва, К-160
 1-я типография Воениздата
 Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Ш25 Шараев Н. С.

Пригорьевская операция. М., Воениздат, 1969.

192 с. с портр. и илл. (Военные мемуары). Тираж 100 000. 51 коп.

Автор воспоминаний — бывший комиссар 5-й Ворговской партизанской бригады имени Сергея Лазо, действовавшей на Смоленщине в годы Великой Отечественной войны.

Много удачных боев с оккупантами провели лазовцы. Особую известность получила крупная операция по разгрому фашистского гарнизона на станции Пригорье, успешно осуществленная в ноябре 1942 года.

В книге увлекательно рассказано об истории создания бригады, ее боевом пути, нарисованы запоминающиеся портреты партизан. Впервые она вышла в 1966 году в «Московском рабочем». Настоящее издание основательно пересмотрено автором.

1-12-2-7

90-69

9(С)27

Scan Kreyder - 11.06.2019 - STERLITAMAK

51 K.